

Пётр Само́тарж

ОДИНОЧЕСТВО ЗВЕРЯ

Пётр Самотарж
Одиночество зверя

«Автор»

2016

Самотарж П.

Одиночество зверя / П. Самотарж — «Автор», 2016

Президента Российской Федерации Игоря Петровича Саранцева охрана будит ночью в Горках-9 известием о приезде его дочери Светланы и её желании немедленно с ним увидеться. Из личного разговора выясняется - она случайно сбила на своей машине человека и примчалась к отцу в поисках защиты от возможных юридических последствий. Саранцеву ещё предстоит узнать о ближайших планах бывшего президента - действующего премьер-министра Покровского и встретиться со своим прошлым, но он ничего не знает о существовании дочери погибшего, Наташи Званцевой, и наступивший день они проводят совсем по-разному...

© Самотарж П., 2016

© Автор, 2016

Пётр Самотарж

ОДИНОЧЕСТВО ЗВЕРЯ

роман

2016

Аннотация.

Президента Российской Федерации Игоря Петровича Саранцева охрана будит ночью в Горках-9 известием, что приехала его дочь Светлана и желает немедленно с ним встретиться. Из личного разговора выясняется, что дочь только что случайно сбила на своей машине человека и примчалась к отцу в поисках защиты от возможных юридических последствий. Саранцеву ещё предстоит узнать о ближайших планах бывшего президента – действующего премьер-министра Покровского – и встретиться со своим прошлым, но он ничего не знает о существовании дочери погибшего, Наташи Званцевой, и наступивший день они проводят совсем по-разному...

© Пётр Самотарж

Тело изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил; ждал я, кто бы со мною поскорбел – и нет никого, утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистью за любовь.

*Благородный и Христолюбивый Царь,
Великий Князь Московский, всея Руси Самодержец
Иоанн Васильевич*

Глава 1

Истина торжествует в сравнении достигнутого с желаемым. Претворение мечты в жизнь обличает её мелочность, иначе не пройти и половины пути до выдуманной цели. Никто не знает, для чего родился на свет. Ты думаешь, будто постиг своё предназначение, но люди видят в тебе лишь случайного прохожего или суматошного человека без смысла, но с лицом спасителя мира.

С высоты птичьего полета президентская резиденция Горки-9 выглядит скромно и почти аскетично. Светится поблизости узкая ленточка Рублёво-Успенского шоссе, вьётся среди рощиц и плотной застройки, мимо загадочной деревни Бузаево. Селение это представляет собой смешение стилей, эпох, сословий и философий жизни, выраженное в новой русской архитектуре либо в полном отсутствии архитектуры как таковой и замене её вековой традицией.

Не всякий заметит в лесном массиве рядом с деревней большой двухэтажный особняк, выдержанный в суровом советском стиле, без излишних красот и вычурностей. В разных направлениях проложены среди деревьев подъездные дороги для машин и дорожки для прогулок на лоне природы. Непроницаемая трёхметровая ограда рифлёной жести вокруг странного соснового бора, расположенного среди самых дорогих земельных участков России, сверху совершенно не видна. Лунными ночами, такими редкими осенью, здесь безлюдно, спокойно, даже умиротворённо, лишь в отдалении встаёт зарево огней недремлющей Москвы.

Ночью нет людей и в самом особняке. Офицеры ФСО не толпятся без надобности вокруг спальни первой супружеской четы – её покой обеспечивается без излишней назойливости. В просторной комнате царит мягкая полутьма, каждый час доносится издали перезвон напольных часов – днём его здесь не слышно, только в царстве сна звуки разлетаются так далеко по коридорам.

Тихий мелодичный звонок разорвал ночную тишь детским лепетом сумасшедшего и навсегда изменил последующие события. Президент недовольно перевернулся в постели с живота на спину, протянул руку, на ощупь схватил телефонную трубку и услышал:

– Извините, Игорь Петрович, приехала ваша дочь. Хочет немедленно встретиться.

– Сейчас?

– Именно сейчас.

Саранцев потянулся, вздохнул и сел на постели, свесив босые ноги.

– Хорошо, пусть пройдет в свою комнату – коротко сказал он и бросил трубку. Дочь всегда имела право врываться в жизнь отца и пользовалась своей привилегией с детства без малейших усилий преодолеть себя. Единственный ребенок, забавная девчонка в далёком детстве и вредная неуравновешенная девица теперь, способная грубить родителям и требовать своего как положенного, а не как подлежащего разрешению, она часто заставляла отца думать о ней, и каждый раз нерасторопные размышления приходили к одному и тому же итогу: девочке нужно помочь.

– Что случилось? – сонно пробормотала жена.

– Ничего, спи.

Почти невидимая в полумраке, Ирина отвернулась от мужа и зарылась лицом в подушку. Когда-то, впервые осматривая резиденцию, они вдруг взглянули друг на друга, одновременно подумав об одном и том же: устроить отдельные спальни или общую? Не обменявшись ни словом, а только взаимно улыбнувшись, она – чуть смущенно, он – покровительственно, они согласились в нежелании посвящать охрану и прочий персонал в подробности личной жизни. Только представьте посторонних людей, во множестве населяющих здание и непременно знающих, спал президент сегодня один или с женой! Представьте их лица, усмешки, шуточки, хотя бы только мысли. Наверное, есть на белом свете люди, не воспринимающие обслугу в качестве собрания индивидуумов, но президент и его супруга родились не во дворцах и даже не в имениях, они не могли преобразиться в один момент и счесть окружающих несуществующими.

В давние студенческие годы, собираясь жениться, Игорь пришел в малометражную московскую квартиру знакомиться с родителями невесты. В руках он держал букет роз для будущей тещи и бутылку «Столичной» для тестя. Отца Ирины звали Матвеем, и предполагаемый будущий зять по одному только имени заранее составил его мысленный портрет, который оказался в высшей степени достоверным. Неразговорчивый, каждое слово он словно уделял окружающим по крайне скупой норме, всякий раз опасаясь израсходовать лишнее и выдать свои подлинные чувства. Жениху дочери он не сказал ничего страшного, угрожающего или предостерегающего. Произнёс только несколько отдельных фраз, ничем не выдавших его отношения к гостю и почти родственнику, но последующие годы открыли истину – отец желал дочери как можно дольше не узнать жизнь во всей её полноте. Мать хотела ей счастья, а он – неведения. Словно пытался скрыть от единственной дочки древо познания добра и зла, хоть и не считал самого себя Богом. Теперь Саранцев, думая о дочери, непременно вспоминал тестя и улыбался, понимая того всё больше и больше.

Игорь Петрович накинул халат, затянул на животе узлом пояс, вышел из спальни и скоро оказался в условленном месте. Там его ждала Светлана, и выглядела она странно. Казалось, она находится не в резиденции собственного отца, президента и человека, а в царстве какого-нибудь властелина зла. Стояла, маленькая и неуклюжая, рядом с кроватью, словно хотела поскорее лечь спать и забыть всю свою сегодняшнюю жизнь, но боялась последовать собствен-

ным желаниям. Когда дверь за Саранцевым закрылась, и члены семьи наверняка остались одни, дочь сказала чужим голосом, глядя в стену рядом с отцом:

– Папа, кажется, я кого-то убила.

Саранцев молчал, пытаясь понять причины вспышки черного юмора у его маленькой девочки.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказала.

– Светка, хватит валять дурочку, говори, что происходит.

Игорь Петрович разозлился всерьёз – ему нравилось понимать происходящие вокруг него события. Поверить сразу в сказанное дочерью он не мог, как не смог бы на его месте ни один родитель в мире, потративший жизнь на воспитание ребенка в холе и под надёжной защитой от всех мировых невзгод.

– Кажется, я кого-то сбила.

– На машине?

– Конечно, на машине! Как же ещё? Ты думаешь, я кого-то кулаками забила?

– Не кричи. Что значит «кажется»?

– То и значит. Я не поняла, что случилось, но машину помяло, и удар я почувствовала.

– На какой машине ты была?

– На моей «бэшке».

– Где она сейчас?

– На улице.

– Далеко отсюда?

– Что значит «далеко»? Здесь.

– Ты сюда на ней приехала?

– Да, сюда! А что тебя удивляет?

– Почему ты сразу не остановилась?

– Потому что испугалась! Папа, зачем задавать дурацкие вопросы?

– Что значит «испугалась»? Ты сбила его на пешеходном переходе, ты ехала на красный свет?

– Я не видела там ничего такого.

– Не заметила, или там не было ни «зебры», ни светофора?

– Ну какая разница, папа!

– Теперь действительно никакой. Возможно, ты не виновата в наезде, но уже точно виновата в оставлении пострадавшего без помощи.

– Ну извини! Я просто испугалась и хотела, чтобы всё поскорее кончилось.

Игорь Петрович задумался. Помолчав несколько минут, он сел в кресло у стены и жестом велел дочери сесть на кровать.

– Расскажи всё с самого начала.

– Самое начало – это когда?

– Откуда и куда тебя несло среди ночи?

– С девчонками сидела в ресторане.

– Выпила?

– Немного. Ну и что? Ночь на улице!

– Загадочная у тебя логика. Думаешь, по ночам можно ездить пьяной?

– Я не пьяна, ты же видишь! Пара бокалов вина.

– Ах, пара бокалов! Ты действительно считаешь количество выпитого своим оправданием?

– Почему бы и нет?

– Потому что в нашей стране за рулём нельзя пить вообще. Скажешь, ты никогда об этом не слышала?

– Папка, ну какая разница! Ты ведь президент, в конце концов.

– Вот именно – президент, а не царь и бог. Сегодня ночью, возможно, некоторое количество людей обзавелось хорошей уздой на меня.

– Причём здесь ты? Ты ведь спал.

– Нет, я не только спал. Ещё я узнал о совершённом дочерью преступлении и ничего не сделал для торжества правосудия. Ты понимаешь, в какое положение меня поставила? Ты думаешь, я живу припеваючи, горя не знаю и делаю всё, что хочу?

– А разве не так? Неужели позвонишь сейчас генеральному прокурору? Или по 02? Вообрази только размах положительного отклика в обществе на твой поступок! Президент выдал правосудию свою родную дочь! Какой отличный повод для газетных передовиц и сенсационных телерепортажей! Давай, давай, чего ты ждешь?

– Всё население страны имеет право не сообщать властям о правонарушениях родственников, закон это допускает. А президент такого права не имеет, именно в силу своего положения. Опять Интернет взорвётся новой сенсацией, на сей раз совсем небывалой. Дочь президента убила человека, а папочка её прикрывает! Где всё случилось?

– На проспекте Мира.

– На проспекте Мира! Он оказался для тебя недостаточно широким?

– Да этот тип выскочил неизвестно откуда! Там рекламные щиты стоят на тротуаре, вдоль проезжей части. Пап, никакой Интернет ничем не взорвётся, никто ничего не узнает. Меня ведь не задержали на месте, за мной никто не гнался, меня никто не видел.

– Если так, почему ты поехала не домой, а сюда?

Светлана окаменела лицом, посмотрела на отца отстранённо, затем отвела глаза:

– Ты меня всё-таки прогоняешь?

Саранцев обнял дочь за плечи, быстро чмокнул в щёку:

– Не мели чепуху. Где Алексей?

– Наверное, у себя дома.

– Он знает?

– Нет.

Разумеется, он не знает. Игорь Петрович мысленно чертыхнулся и глубоко вздохнул. Выпускник Оксфорда и начинающий бизнесмен Алексей Уряжский появился в жизни дочери спустя несколько месяцев после президентской инаугурации Саранцева, и тот упорно стремился проникнуть в замыслы первого ухажёра страны, поскольку не мог поверить в его бескорыстность. Негласная проверка ФСБ дала набор скучных, прямо-таки анкетных, данных, но не ответила на главный вопрос: испытывает проверяемый искренние чувства к Светлане Саранцевой или нет? Бизнес обыкновенный – торговля. Законная торговля. Разумеется, не без финансовых нарушений и с некоторыми вольностями в части соблюдения трудового законодательства, но где же найти владельца фирмы без мелких зазубрин на репутации? Компанию в наследство не получал и ни у кого не отнял, даже не купил, а сделал сам, с нуля. Конечно, лучше бы он занялся производством, но здесь, как и в некоторых других моментах, его жизнь поправима. Разумеется, Алексей имел в прошлом романы, но их наличие даже одобрялось Саранцевым. Только маньяк мог дожить до зрелых годов без единой близости. Брошенные дети не обнаружены, а пара измен – как же без них? Если бы всегда бросали его, а он только бегал бы хвостом за уходящими от него женщинами, Уряжский определённо не заслужил бы права встать рядом с дочерью президента. Тряпкам здесь не место. Тем не менее, вот уже в течение трёх лет Саранцев никак не мог поверить в безотчётную привязанность предпринимателя к Светке, хотя сам себя старательно убеждал в обратном, поскольку та очень бурно реагировала на любое внешнее проявление подобных сомнений. Спорить с ней без особых причин не хоте-

лось, поскольку никому не становилось лучше от шумных скандалов. Но как можно молчать, если на кону стоит судьба дочери, а исход игры неизвестен? Родителей Уряжского Игорь Петрович никогда не видел, дочь отзывалась о них беззаботно и высокомерно, как, наверное, и о своих собственных родителях в её молодёжном кругу общения, где уважение к старшим – невыразимый моветон. Теперь она ночью примчалась на разбитой машине под защиту отца, ненавидит себя за унижительную уступку, и хочет повернуть время вспять, а оно течёт и течёт себе в прежнем направлении с непременной скоростью, как бы ни менялось восприятие времени человеком в течение его смехотворно короткой жизни.

– Почему ты вообще была одна? Что за манера ночами шляться по кабакам без провожатого?

– Пап, обыкновенная манера! Сколько можно говорить об одном и том же! Я не маленькая и не больная, я хочу жить на свободе, как все мои подруги, неужели тебе так трудно меня принять?

– Но как отнесётся Алексей к твоим похождениям, если узнает?

– Папа, он всё прекрасно знает! Возможно, ты удивишься, но он считает меня взрослым человеком, который имеет право решать, когда, куда и с кем ему ходить. Неужели ты думаешь, я хоть на день продлю отношения с человеком, считающим меня своей частной собственностью?

– Дело не в собственности, а во многих вещах, в том числе в безопасности.

– Моя безопасность – моё собственное дело. Не надо рассказывать мне ужасы об окружающей меня жизни, я давно уже не школьница.

– Ладно, помолчим пока о безопасности. Ты говорила, с тобой подружки пили?

– Папа! Мы не пили, мы общались.

– Не важно. Что за подружки?

– Танька и Женька.

– А они знают?

– Откуда? Думаешь, мы колонной ехали?

– Кто вас знает.

Действительно, кто их знает. С Татьяной дружит с детства, с Евгенией познакомилась в университете, но ходят везде втроём, будто с рождения никогда не расставались ни на день. Здесь в корыстности можно заподозрить Женю, но, по странному стечению обстоятельств, Саранцев испытывал острую неприязнь именно к Тане. В детские годы она казалась неопрятной и приставучей, с началом же своей бурной политической карьеры он все чаще замечал в девчонке нескрываемое удовольствие от факта необычайно нужного знакомства. Президентство Саранцева, казалось, доставило Тане больше радости, чем любому из членов семьи. Он пригласил старых знакомых не на официальную церемонию инаугурации в Кремле, а на домашнюю вечеринку в Горках, спустя несколько недель. Родители смиренно сидели рядком за большим столом, скованные и безмолвные, а их дочь разошлась не на шутку, поднимая громогласные тосты и всеми силами стараясь продемонстрировать прочим гостям своё старое, оказавшееся вдруг таким примечательным, знакомство с виновником торжества. С Женей Светка познакомилась всего пару лет назад, причем по собственной инициативе, едва ли не вопреки отчаянному сопротивлению новой подружки. За всё время приятельствования со Светланой Женя ни разу не появилась у президента дома и для Саранцева существовала только в рассказах дочери. А из её слов вытекал один-единственный неизбежный вывод: та создана самим Провидением или иной высшей силой для рождения новых смыслов и интересов в жизни своих подруг. Она не просто бросалась последовательно то в фотографию, то в живопись, но и неким непостижимым образом вовлекала в новые увлечения едва ли не всех своих знакомых и родных. Никто из них не стал и не собирался становиться профессионалом в занятиях очередным видом искусства, но многие со временем оказывались изрядными знатоками и могли судить об

экспонатах всяческих выставок не по вычитанной в модном журнале критике, а основываясь на собственных впечатлениях и убеждениях, которые далеко не всегда оказывались лестными для авторов, но порой казались интересными даже им. Как-то Светлана вернулась с выставки современного искусства в Манеже и битый час зачем-то объясняла отцу животворность новых художественных форм, до которых ему не было ровным счётом никакого дела. Но в тот день он с гордостью подумал, что его дочь – не пустышка и не пустоголовая побрякушка, у неё есть высокие интересы и страсти, выделяющие её из поколения. Только ли из поколения? Можно подумать, сплочённые ряды родителей сплошь составлены из высокодуховных особ, живущих исключительно ради неосязаемых целей! Он и сам не испытывал трепета не только перед полотнами современных экстравагантных мастеров кисти, пальцев и папиросных пачек, но и перед холстами Тициана и Рафаэля. Просто он очень хорошо осознавал необходимость вслух восхищаться гениями эпохи Возрождения, дабы не прослыть безграмотным мужланом. Теперь Светка уверяет, что её подруги остаются в неведении относительно бесповоротных событий сегодняшней ночи, но сомнения вселились в Саранцева сразу и надолго. Он уже сейчас с большой отрешённостью безвольно отгонял саднящую мысль: есть люди, которые всё знают.

– Тебя кто-нибудь видел на месте... происшествия?

– Кажется, нет. Но ведь будут, наверное, искать машину, совершившую наезд?

– Возможно. Если некий свидетель заявит о кабриолете БМВ, сбившем человека на проспекте Мира. В отсутствие подобных показаний искать никому не известную машину бессмысленно. Вот если наезд произошёл в поле зрения видеокамеры, ситуация станет неприятной.

– Папуль, ты позвонишь кому-нибудь?

– Зачем?

– Чтобы меня не трогали.

– Тебя пока никто не тронул.

– А если всплывёт «бэшшка»?

– Тогда какой-нибудь лейтенант пробьёт её номер по базе данных, прочтёт имя владельца, присвистнет, матернётся и сочтёт за благо не лезть в бутылку. Если на него как следует насядут с требованием повысить раскрываемость, он шепнёт непосредственному начальнику по большому секрету, и тот прикусит язык. Если же надавят и на начальника, он тоже перемолвится словечком с руководством, и оно в свою очередь в ужасе вскрикнет. Таким образом, количество осведомлённых людей постепенно возрастёт, и по цепочке информация в конце концов просочится до Муравьёва, который не преминет поделиться ей с Покровским.

– Кто такой Муравьёв?

– Милая моя, ты не знаешь по имени министра внутренних дел? Может, тебе неизвестно, что Покровский у нас – премьер?

– Нет, про Покровского я слышала. Он же тебя президентом сделал.

– Светка, не мели ерунды. Никто меня президентом не делал. Я победил на выборах!

Саранцев сердито снял руку с плеча дочери. Вспышка раздражения имела место на самом деле, Игорь Петрович и не думал её изображать. Такие вспышки по тому же поводу случались с ним время от времени, заставляя морщиться в мыслях или наяву, отшучиваться и всякий раз придумывать новую формулировку возражения. Хуже горькой редьки ему надоели ехидные замечания всяческих комментаторов на радио, в газетах и блогах, не имеющих ни малейшего представления о политической кухне, где человек стоит, без всяких излишне высоких слов, перед лицом истории со всеми своими личностными недостатками и думает, перемелет его жизнь в мелкую пыль, если он сделает шаг вперед, или нет.

– Ладно. Утро вечера мудренее. Сейчас ложись спать, а дальше – посмотрим.

Саранцев коротко чмокнул дочь в лоб и вышел из комнаты, затворив за собой дверь. Он медленно пошёл по коридору, шаркая мягкими тапочками по коврам и задумчиво разглядывая узоры на них, хотя думал совсем о другом.

Глава 2

В тот яркий солнечный зимний день четыре с лишним года назад премьер-министр Саранцев явился в Сенатский дворец Кремля по будничному служебному делу, скучный и напряжённый в преддверии общения с президентом Покровским. Визит предполагался публичный: сначала диалог при телекамерах о мерах по ликвидации последствий нескольких аварий на теплоцентралях в райцентрах Тульской и Курской областей, затем – деловая беседа с глазу на глаз. Проведя без малого полчаса в кресле гримёра, Игорь Петрович с кожаной папкой подмышкой вошел в президентский кабинет, где съёмочная группа телевидения уже установила свет, и поэтому казалось невозможным спрятаться от ослепительного жара раскалённых софитов. Люди толпились недалеко от рабочего стола президента, к которому приставлен как бы маленький столик для небольших совещаний тет-а-тет. Переговаривавшиеся вполголоса телевизионщики расступились, давая дорогу премьеру и вежливо с ним здороваясь. Тот, пару раз кивнув головой на ходу, привычно прошёл к своему месту у того самого совещательного столика, которое занимал уже не раз, сел в неудобное деревянное кресло старинного вида с гнутыми ножками, низкой спинкой и высокими подлокотниками, бросил на стол свою папку и стал вместе со всеми дожидаться главного участника событий. Сидел, как на сцене, не видя людей за стеной света, но чувствуя их взгляды. Справа от себя, у обитой дубовыми панелями стены позади пустого президентского стола, он видел государственный флаг и президентский штандарт. Далее, в заслонённой от него телевидением глубине кабинета, стоял длинный стол (уже для настоящих совещаний), вдоль стен – книжные шкафы, перемежающиеся вазами в стеновых нишах, у противоположной стены, прямо напротив президентского кресла, белая высокая дверь в зал заседаний Совета безопасности. Саранцев бывал в этом кабинете не раз, в том числе в отсутствие съёмочных групп, однажды подходил вместе с Покровским к одному из книжных шкафов в поисках нужного статистического справочника, но все равно не мог сказать, что разглядел кабинет во всех подробностях. Он всегда оглядывал его мельком, краем глаза, вечно занятый делом и стремящийся не пропустить слова, сказанного собеседником.

Покровский, невысокий и полноватый, но широкоплечий и крепко сбитый, бодро вошёл минут через пять, громко поздоровался разом со всеми, пожал руки нескольким сотрудникам администрации и знакомым телевизионщикам, затем уселся перед Саранцевым. Минут двадцать ушло на репетиции под руководством толстенького режиссера Сапунова и неизменно подтянутого, с тщательно подбритой «эспаньолкой», руководителя пресс-службы Владимира Петровича Вороненко, которые наперебой давали профессиональные советы относительно интонационных ударений и улыбок. Первый из этих двоих всю свою сознательную жизнь отработал на телевидении, второй в прошлом активно сотрудничал в бумажной прессе, поэтому между ними иногда возникали пикировки чисто сопернического характера, в стремлении каждого доказать превосходство над всеми прочими обитателями медиа-пространства.

– Сергей Александрович, – говорил Покровскому пресс-секретарь, – я думаю, вам всё же следует продемонстрировать аудитории осведомлённость в частных деталях проблемы.

– Как же я её проявлю, если премьер меня ещё не проинформировал? – с легкой усмешкой спросил президент, вольготно откинувшись на спинку своего стула и закинув ногу на ногу.

– Ничего страшного. Вы сами зададите вопросы Игорю Петровичу в форме, предполагающей ваше знание, а он расскажет о принимаемых мерах. Например, вы спросите, подтверждается ли информация о том, что без отопления осталось пятьсот двадцать три человека в Косой Горе, а Игорь Петрович сообщит о сокращении этой цифры до двухсот пятидесяти одного вследствие принятия мер по ликвидации аварии.

– Я не возражаю, – пожал плечами Покровский. – А вы, Игорь Петрович?

– Я тоже. Последствия аварии ведь устраняются, и я обладаю более свежей информацией.

– У вас работа такая, – вновь чуть улыбнулся президент, задержав пристальный взгляд на своём премьер-министре. Тот сразу почувствовал приближение неких неясных событий – то ли благотворных для него, то ли катастрофических. Взгляд Покровского всегда заставлял его не столько задумываться, сколько готовиться к ожиданию поворота в судьбе.

– Сергей Александрович, вы хотите придерживаться прежнего стиля поведения? – поинтересовался Сапунов, нервно поглаживая сияющую в ярком освещении лысину.

– А что, у вас есть какие-то предложения? – недовольно встрепенулся Вороненко, всегда гордившийся имиджем президента, к созданию и поддержанию которого приложил немало усилий.

– Нет ничего невозможного, – пожал плечами творческий человек. – Можно добавить мягкости, можно – решительности. У вас в текстовке проговорена забота о детях и стариках?

– Разумеется. В самом конце.

– Замечательно. Здесь можно задержаться поподробней, привлечь больше внимания аудитории. Можно назвать чьи-то конкретные имена, показать затем сюжет?

– Имена конкретных детей и стариков?

– Да, детей или стариков. Может, имели место какие-то происшествия, есть особо пострадавшие? В больницу никто не попал?

– Никто в больницу не попал, – со сдержанной яростью в голосе сказал Вороненко, глядя в упор на Сапунова. – У нас не стихийное бедствие, не землетрясение, не наводнение, не ураган и не извержение вулкана. Обыкновенное происшествие в коммунальном хозяйстве, которое эффективно и быстро улаживается властями, не надо делать из него катастрофу. Вы свои телевизионные замашки всё же пытайтесь сдерживать иногда.

– Ладно, коллеги, – сухо заметил Покровский, – давайте работать, пока мы тут не испеклись под вашими прожекторами.

Повторили подготовленный пресс-службой текст, заранее усвоенный Игорем Петровичем, который не любил прилюдно выглядеть нерадивым учеником. Подобная волокита всегда раздражала Саранцева – он хотел поскорее сделать дело, покинуть Кремль и вздохнуть свободней. Внутри исторических стен он чувствовал себя под непрерывным наблюдением и быстро раздражался. Первое время своего премьерства, въезжая на машине в Боровицкие ворота, а затем выходя из неё в закрытой части Кремля, во внутреннем дворе здания Сената, он испытывал чувство прямо-таки распирающей изнутри гордости от осознания физической близости к высшей власти. Он заходил в подъезд и думал не о будничной текучке, которая привела его сюда, а о бывшей квартире прокурора судебных установлений на третьем этаже, где жил Ленин с семьей, о совершенно неизвестной широкой публике квартире Сталина на втором этаже и его же кабинете с дубовыми панелями по стенам, изображённом в бесчисленных фильмах. Кабинете, который затем занимали все советские премьеры, до Рыжкова включительно. Власть жила в этих коридорах, пропитала пол и потолки, впечатлительные посетители буквально ощущали её запах – манящий и непонятный, с оттенком опасности, но дурманящий. Наверное, аромат неизвестности и заставил премьер-министра Саранцева умерить тягу к вершинам влияния. Очень скоро, спустя буквально недели, гордость сменилась тяжелым чувством зависимости, и цитадель политического могущества стала сильнее и сильнее давить на него уже одним только обликом. Пришло осознание простой истины, очевидной для постороннего, но трудно принимаемой теми, кто поспешил себя обмануть: он не хозяин здесь. Неприятная мысль ошарашила Игоря Петровича разом, словно свалившись с каких-то высот мирового познания, и дальнейшая его жизнь стала отравлена. Каждый новый вызов в Кремль создавал отвратительное ноющее ощущение под ложечкой, словно за воротами ждала сама судьба.

Пришлось снять три дубля, потому что Саранцев в двух первых попытках оговорился по одному разу и мысленно себя проклял. Покровский сыграл свою роль спокойно и без всяких видимых со стороны усилий, словно профессионально снимался в десятом или двадцатом

фильме. Глядя на него, Игорь Петрович удивлялся и почти возмущался одновременно. Откуда у профессионального военного такая способность дружить с камерой и свободно жить в кадре? Он ведь в прошлой жизни действительно воевал, а не общался с прессой в высоких штабах.

Мучения закончились, телевизионщики стали собирать свою аппаратуру и сматывать кабели, которые устлали весь пол, а Покровский, взяв Саранцева за локоть, предложил ему пройти. Такого прежде не случалось, и приглашённый вышел вслед за президентом в зал Совета безопасности, борясь с желанием спрятаться в ближайший тёмный угол, которого там просто не было. Светлое просторное помещение с овальным столом посередине располагало к оптимистической медитации, но нудно напряжённый премьер не ощущал этого.

– Пускай ребята спокойно работают, а мы, Игорь Петрович, давайте пообщаемся. Есть к вам серьёзное дело.

– Я вас слушаю, Сергей Александрович.

Покровский жестом пригласил Саранцева сесть, и они заняли соседние стулья, развернув их навстречу друг другу.

– Игорь Петрович, вы опытный человек, мы с вами давно и плодотворно сотрудничаем, я вам совершенно доверяю. Надеюсь, вы отвечаете мне тем же.

– Да, конечно.

– Я полагаю, вы отлично понимаете некоторые особенности современной политической ситуации.

Саранцев выжидательно молчал. Он знал множество подробностей состояния дел, как известных широкой общественности, так и по мере сил от неё скрывааемых, и пока не понимал, о которых именно говорит президент.

– Я имею в виду наиболее очевидную, – счёл нужным пояснить Покровский. – А именно: через год истекает второй срок моих полномочий. И, согласно Конституции, я не имею права баллотироваться третий раз подряд. То есть, я ухожу.

Разумеется, Игорь Петрович находился в курсе событий. Вся страна играла в угадайку, пытаясь выудить из пруда общественной жизни золотую рыбку, коей суждено будет вписать собственную страницу в русскую историю. В семье премьера тема не обсуждалась. Совершенно. Жена изредка бросала в его сторону загадочные взгляды и бралась задавать наводящие вопросы, но суровый муж принимал несведущий вид и как бы невзначай менял тему. Добиваться выбора, соглашаться с предложенными условиями, идти на компромиссы, угадывать наиболее выгодные шаги с целью сделать шаг вверх он боялся.

Коренной сибиряк, Покровский заметил юного земляка давно, ещё пробиваясь к должности новосибирского губернатора. Во время предвыборной кампании отставной нестарый генерал в сопровождении телевизионных камер (уже тогда с ними побеждал!) ворвался на строительную площадку жилого многоквартирного дома, густо населённую таджикскими рабочими, и стал требовать начальство, поскольку дом строился на бюджетные средства, но не планировался к заселению очередниками. Самым большим начальством оказался главный инженер строительной компании Саранцев, тогда тридцатитрёхлетний. Впервые в жизни оказавшись под прицелом объективов, он собрал разболтанные чувства в кулак и, ни разу не повысив голос и не потеряв самообладания, долго отвечал на язвительные вопросы Покровского с выражением самоуверенности на лице, поскольку компанией не владел, контрактов с заказчиками не подписывал и реализацией жилья не занимался. На следующий день по местному телевидению прошёл разоблачительный новостной сюжет, а поздно вечером Саранцеву позвонил домой лично Покровский и пригласил в свою команду, пообещав пост в областном правительстве после неминуемой победы. Впоследствии генерал мимоходом заметил, что уважает людей, готовых лечь на амбразуру ради других, пусть даже и подлецов. К тому моменту Саранцева уже уволили из его компании без выходного пособия, но он принял предложение о трудоустройстве только через две недели, убедившись, что новость о его безработности уже достигла генераль-

ских ушей. Тогда он хотел без слов выдвинуть условие: не предавай меня, и я тебя не предаю. Кажется, Покровский его понял. С тех пор в отношениях между ними поддерживалось равновесие: младший доказывал свою полезность, не произнося вслух ни единой просьбы. Теперь он тоже ждал.

– Как говаривал когда-то один обитатель здешних стен, – не спеша, с чуть заметной, как бы рассеянной, улыбкой произнёс президент, – мы тут посоветовались и решили: вашу кандидатуру можно считать оптимальной во всех отношениях.

– Мою кандидатуру?

– Да, вашу.

– Мою кандидатуру куда?

Саранцев очень хотел услышать от Покровского решающие слова. Будучи произнесёнными вслух, они не могли не обрести силы пророчества, поскольку генеральские замашки президента в отношении своих людей не менялись десятилетиями. Данные им гарантии он выполнял неукоснительно, распространяя на подчинённых действие присяги. Служить стране в командной должности невозможно, если не оправдываешь ожиданий людей, идущих за тобой.

Покровский надолго замолчал, глядя в глаза Саранцеву и задумчиво барабанил пальцами по столу. «Если передумает, значит, я прав, – подумал Игорь Петрович. – Хочет дожидаться от меня просьбы и оказаться благодетелем. Тогда лучше совсем не надо».

– Как вам известно, я возглавляю партию «Единая Россия», – продолжил Покровский.

Саранцев ждал молча и не двигаясь, закинув ногу на ногу и облокотившись на стол. Неужели он действительно должен подтвердить знание прописных истин? Просто экзамен по основам политграмоты.

– И я намерен предложить съезду поддержать вашу кандидатуру в кампании по выборам президента.

Сердце в груди Игоря Петровича тяжело бухнуло несколько раз кряду, затем успокоилось. Он смотрел на Покровского в упор, как и тот на него. Премьеру показалось, будто он понял причину, понудившую президента завести разговор о преемстве именно сейчас, сразу после съёмки. Наложённый гримёром тон надёжно, словно маской, закрывал лицо, и под ним невозможно рассмотреть его подлинное выражение. Генерал и без посторонней помощи имел физиономию игрока в покер, теперь же высмотреть в нём хоть одну искреннюю нотку представлялось неосуществимой задачей. Впрочем, вспомнилось Саранцеву, он ведь тоже загримирован. После неприлично затянувшейся паузы он негромко произнес:

– Мне нужно подумать.

– Подумайте, – сразу согласился президент. – Если бы вы сходу согласились, то сильно упали бы в моих глазах. Я вас не на гулянку зову. Впрочем, иного не ожидал.

Половину своей жизни Покровский распоряжался людьми, сначала взводом, потом всё большим и большим количеством, теперь он воспринимал несогласие подчинённых с недоумением. Удивляться ему приходилось редко, в тот раз тоже не довелось. Командуя под Кандагаром мотострелковым полком, он привык осознавать силу своих слов, которые несли другим людям кровь, жизнь или смерть. Однажды на марше его БТР попал под прицельный огонь ДШК, свернул на обочину и медленно остановился. Люди спешно попрыгали с брони на землю, а Покровский зачем-то нырнул в люк. В полумраке он увидел водителя, неподвижно и тяжело навалившегося на руль, и стрелка, сжавшегося в комок и втянувшего голову в плечи, словно ждавшего спасения свыше. Лучи света с гулким звоном один за другим пробивали броню, стало трудно дышать в дыму и вони калёного железа, но Покровский забрался на место стрелка и с расчетливой неторопливостью открыл ответный огонь. Каменные валуны – защита стократ лучшая, чем противоосколочная броня, пусть даже КПВТ «бэтэра» раза в два, если не в три, мощнее китайского ДШК. На стороне душманов, кроме опыта, ещё и выгодная позиция; на стороне подполковника Покровского – только глухое бешенство против подонков, смеющихся

пытаться остановить продвижение его полка по установленному в приказе маршруту. Мальчишеская вера в собственное бессмертие, присущая солдатам-срочникам, зрелым мужикам не дана. Их доля – наблюдать за вальсом смерти, отчетливо осознавая свою уязвимость. Многие критики использовали этот факт биографии Покровского как доказательство его непригодности для руководящих должностей. Мол, дело командира полка – правильная организация боевого охранения полковой колонны на марше, надлежащая подготовка солдат и управление ими в бою, а не пластание на груди тельняшки под вражеским огнем. Но критики в нашей жизни встречаются редко, а лишённым риторских талантов людям нравится иметь президентом дуэлянта, вышедшего живым из поединка без правил. Решения, принимаемые Покровским в штатской жизни, долго казались игрушечными, пока жизнь не вывела его на вершину. С тех пор он шёл по минному полю, осмысливая последствия каждого шага, но и принимая железную необходимость движения вперед.

Разговор в большом пустом зале, где человеческий голос звучал одиноко, президент готовил долго. Трудно подобрать партнёра для переговоров, если нужно прийти к соглашению, не упоминая реальной конечной цели. Саранцев размышлял около месяца, обдумывая свои условия и наиболее удобные способы их выдвижения. Референты несколько раз входили к нему в кабинет с последними слухами из администрации президента о новом туре вальса с возможными кандидатурами преемников и даже не догадывались о роли их шефа в этом беззвучном балу. Он молча выслушивал разведдонесения и коротко благодарил, никого не посвящая в смысл текущих событий. В последнюю неделю перед решающим моментом Игорь Петрович провёл серию индивидуальных собеседований с людьми, которых решил взять с собой, и все они, кто бурно, кто сдержанно выказали удивление конспиративными способностями шефа. Никто не отказался от предложения.

Жена уже год то и дело заговаривала с ним о необходимости проявить активность ради последней победы и встретила новость просто разнузданно, заставив мужа застесняться при слуги, вбежавшей на шум.

– Он не мог поступить иначе! Ещё раз доказал, что не дурак.

– Ира, ты слишком категорична. На любую должность всегда можно подобрать несколько равносильных претендентов, а дальше – вопрос личных отношений.

– Выходит, у тебя с личными отношениями все в порядке! Не мужчина, а просто облако в штанах.

Обдумав и подготовившись, Саранцев снова встретился со своим покровителем, теперь уже собираясь обговорить условия, и не в Кремле, а в Ново-Огарёве. Они сидели вдвоем в просторной гостиной и разговаривали, неспешно потягивая остывающий чай.

– Президент, разумеется, назначает премьер-министра, – кивнул Покровский в ответ на прямой вопрос, – но, как вам известно, Государственная Дума должна утвердить его кандидатуру.

Далее последовала пауза, немедленно прочитанная Игорем Петровичем. Вариантов расшифровки молчания нашлось немного, а именно – один. «Единая Россия» имеет в нижней палате парламента конституционное большинство и не нуждается в поддержке других фракций для проведения в правительство своего лидера.

Саранцев с самого начала, ещё с момента беседы в зале заседаний Совета безопасности, не сомневался в появлении подобного условия. Теперь он задумался над странностью создавшегося положения. Он, будучи главой государства, не сможет назначить на ключевую должность того человека, которого сам сочтёт наиболее подходящим для нее. Сейчас он и сам понятия не имел, кого именно он мог бы выдвинуть, если не Покровского, но его смущала ситуация в принципе. Генерал остаётся, генерал держит в своих руках Думу, то есть законодательный процесс, включая бюджет. Президенту Саранцеву придется всякий раз договори-

ваться со своим собственным премьер-министром о продвижении необходимых законодательных норм. Глава государства...

– Кого же, по вашему мнению, поддержит думское большинство? – спросил Игорь Петрович, постаравшись демонстративно оттенить фразу иронией.

– Если говорить конкретно о «Единой России», то решение будет принято на партийном съезде, – рассеянно сообщил очередную прописную истину действующий президент и поставил чашку на столик, звякнув ею о блюде. Казалось, он обсуждал некий абстрактный политологический вопрос, чистую теорию.

«А чью кандидатуру твоя партия поддержит на следующих президентских выборах?» – хотел спросить Саранцев, но молчал, предвидя ответ, столь же очевидный, как и все предыдущие. До той минуты он жил в мире, где не мог решать всё, и робко надеялся взять свою жизнь под свой полный контроль. Он очень хотел стать хозяином самому себе, и в какие-то моменты, забываясь, почти верил в возможность осуществления своей мечты, но теперь оказался перед непроницаемой стеной. Отпала необходимость гадать и предполагать – точки над і расставлены, нужно либо сходить с ринга, либо продолжать драку в расчёте удивить соперника неожиданным трюком.

Страна с самого начала соединяла «Единую Россию» с Покровским, хотя он никогда не состоял в её рядах, как того требовал от президента закон. Тем не менее, партия стеной стояла за его спиной и ни разу не подвергла критике ни единого его слова или решения. Газетчики и блогеры часто и подробно язвили на тему нерушимых уз между беспартийным президентом и как бы стоящей в стороне от него партии. Затем партия на очередном съезде модернизировала устав, разрешив себе иметь лидером человека, не состоящего в её рядах. Страна разразилась хохотом и бросилась упражняться в остроумии, обрисовывая яркими красками представление верхушки «Единой России» о здравом смысле, но та стойчески держала удары. Точнее – не замечала их, поскольку большинство избирателей не читает ни блогов, ни газет.

Месяц раздумий Саранцев потратил в том числе и на осмысление стимулов поведения сильнейшей партии страны. Он много раз встречался в кулуарах и публично с председателем Думы Валерием Константиновичем Осташиным, который и олицетворял для всех политическую машину. Седовласый джентльмен аристократичной внешности, много в своей жизни читавший, ещё больше слушавший и говоривший, он производил одно и то же неизменное впечатление всё время знакомства с премьером: отменный служака.

Загоревшись однажды идеей совершенствования системы налоговых преференций, Игорь Петрович заговорил с Осташиным о перспективах прохождения соответствующих предложений правительства через Думу. Возможно, место и время он выбрал неудачно – на праздничном приёме 4 ноября, с бокалом шампанского в руках. Просто ни к чему не обязывающая беседа за фуршетом, лёгкий разведывательный рейд. Аристократ рассеянно его выслушал, обронил несколько фраз, которые можно было считать одобрительными, и вдруг добавил:

– Не помню, когда Сергей Александрович высказывался по этому поводу.

– Он не высказывался, – пожал плечами Саранцев. – Минфин вышел на меня, я проконсультировался, эксперты склонны предложение поддержать.

– Через голову Сергея Александровича? – неподдельно изумился Осташин, разом сбросив с себя всю праздничную отстранённость от будничных передраг.

– Что значит «через голову»? – изобразил недоумение премьер, давно понявший тайные пружины реакций собеседника. – Мы не тайную операцию обсуждаем. Правительство обладает правом законодательной инициативы. Разумеется, с Сергеем Александровичем мы вопрос обсудим...

– Обсудите? – Осташин, кажется, начал сомневаться в состоянии психического здоровья своего собеседника. – Знаете, пусть лучше инициатива пройдёт от президента. Так надёжней.

А то начнутся склоки, подтасовки всякие, интриги. Оппозиция всегда бузит, но здесь можно потерять и часть наших голосов. И чем кончится – заранее не предугадаешь.

Валерий Константинович засуетился, сразу вспомнил о неотложных делах и поспешил отойти от опасного вольнодумца. На следующий день Покровский со смехом пересказал Саранцеву содержание его беседы со спикером и заметил:

– Перепугали вы его сильно, Игорь Петрович.

– Я? Просто поболтал немного о текущих делах. Вы тоже считаете мой поступок некорректным?

– Нисколько. Вы не учли одной важной детали: Остахин всегда хорошо исполняет поставленную ему задачу. Пойти вам навстречу значило для него совершить измену, на которую он решится только при условии моего исчезновения как существенной политической величины.

Саранцев тогда задумался о своей собственной роли в окружении Покровского и об отношении президента к нему. Что, например, сказал тот Осташину о премьер-министре? То же самое, что сейчас сказал премьер-министру об Осташине, только поменяв фамилию? Означает ли он для генерала ещё одну пешку или фигуру покрупнее? Прежде Игоря Петровича не занимали мысли о мотивах, понудивших когда-то кандидата в генерал-губернаторы остановить взгляд на безвестном инженере. Теперь он тратил на размышления вечера, пытаясь пробраться во внутренний мир шефа, но в конечном итоге не пришел к какому-либо твёрдому убеждению. Как вообще можно испытывать уверенность в правильности собственного мнения о другом человеке, даже если не президенте?

Та новоогарёвская встреча с Покровским разломила жизнь Саранцева надвое. До неё он воспринимал себя человеком из команды, после неё счёл себя участником равноправного соглашения, не менее самостоятельным, чем его партнёр. Поэтому внезапный выпад со стороны дочери разозлил его больше, чем все колкости доморощенных и профессиональных публицистов, вместе взятые. Он оскорбился.

Глава 3

Ночь казалась тёплой, хотя в сентябре любой ждал бы от московской погоды иного. Наверное, в действительности она была гораздо холодней, но Наташа думала не о своём удобстве, а о материях вечных и непреходящих, и размышления отвлекали её от неприятельской реальности. Собачий питомник виделся ей лучшим местом на земле, особенно ночью, потому что его население не думало о ней ничего плохого, а просто рассчитывало на кормёжку и заботу. Псы даже не имели хозяев, и никто не мог ей заплатить деньги, пусть даже самую ничтожную сумму, в ответ на искренние чувства.

Жизнь в вольерах не прерывалась ни на минуту, постоянно с разных концов собачьего общежития доносились звуки – кто-то поскуливал во сне, кто-то скрёб когтями по деревянном полу, гоняясь в ночных видениях за кошкой, а кто-то, упёршись лбом в металлическую сетку-рабицу, изредка вздрагивал и гавкал, отпугивая неизвестного и, скорее всего, несуществующего врага. Но лаять всё равно нужно – на всякий случай, если тот вдруг окажется вовсе не воображаемым, а вполне реальным. Из вольера ведь не убежишь – так не лучше ли заранее напугать всякого, оказавшегося вблизи?

Освобождённая добровольным дежурством от необходимости ночевать дома, Наташа теперь думала не об опостылевших родителях и своей стремительно разрушающейся жизни, а о жизни новой и зависимой, по воле обстоятельств, во многом от неё самой. В старом одноэтажном домике приюта с обвалившейся местами штукатуркой и развешанными там и сям под потолком голыми ярко сияющими лампочками имелись всего три тесных комнатки. В одной из них, считавшейся операционной (ввиду наличия пола из жёлтых и красных маленьких керами-

ческих плиток) впервые в своей жизни щенилась рыжая косматая сука Вита, и дежурная очень хотела ей помочь, пусть только тем немногим, к чему была способна – до сих пор ей ни разу не удалось поучаствовать в радостном деле. Вита лежала на боку, беспокойно хлестая вокруг себя хвостом и время от времени вроде бы пытаясь встать. Основную работу делала молчаливая девушка-ветеринар, споро и спокойно оборудовавшая для молодой мамыши чистое и тёплое ложе, а теперь принявшая в свои ладони первого щенка, невообразимо маленького и мокрого, покрытого какой-то слизью. Новорождённый сначала молча и бессмысленно болтал лапками и крутил головкой с большущими закрытыми глазками, а потом, освобождённый от слизи и сделавший первый вдох, пронзительно пискнул, сначала раз, потом другой, словно неведомой людям собачьей азбукой возвещая о своём пришествии в мир.

Наташа завернула его в чистое полотенце, осторожно и тщательно вытерла, потом собралась положить в приготовленное для приплода тёплое логово, но невольно замерла, восхищённая ощущением трепетной жизни в коконе её сомкнутых ладоней. Ветеринар бросила на неё короткий взгляд – кажется, раздражённый:

– В чём дело?

– Ни в чём, – рассеянно ответила Наташа, любуясь страшеньким щенком, как бессмертным шедевром мирового искусства.

– Тогда занимайся делом, а не играй в гули-гули.

– Что? Ты о чём?

– Об этом самом. Вечно так – понаберут с улицы истеричных дурочек, а мне с ними возиться.

Наташа не верила собственным ушам. Она видела сумрачную девицу в приюте не раз, но никогда даже не задавала о ней никому вопросов ввиду полного отсутствия интереса. Кажется, та вообще ни с кем не дружила и вряд ли собиралась, просто осматривала вновь прибывающих собак, ходила по вызовам к захворавшим питомцам, всегда без улыбки, пользуясь только сухими профессиональными терминами и ни разу не потрепав по загривку ни одного из своих пациентов. Ввиду взаимного отсутствия любопытства обе восприимчивы могли бы так и отдежурить ночь, не обменявшись ни единым словом, да поторопившиеся на свет смешные создания не позволили им пройти мимо друг друга – в очередной раз безразлично.

– Ты серьёзно? – чуть хрипло и потому враждебно спросила Наташа.

– Совершенно серьёзно.

– Мы с тобой даже ни разу не разговаривали, ты что – ненормальная?

– Конечно, ненормальная. Поэтому мы с тобой и не разговаривали. Ты ведь только с нормальными разговариваешь – с ними легче, притворяться не нужно.

– Кем притворяться? Я здесь даже денег не получаю! В отличие от тебя, кстати.

– Конечно, не получаешь! Зачем тебе платить? А ты, наверное, страшно этим гордишься. Как же – вот забочусь о них, забочусь, а мне ведь даже денег не платят! Какая я добрая, самоотверженная – посмотрите на меня! Полюбуйтесь на меня!

– Ты совсем больная?

– Да, больная! Совсем больная. Я даже не могу разглядеть такую замечательную личность у себя под боком и считаю её обыкновенной манерной бездельницей.

– Да почему бездельницей? Я работаю не хуже других.

– Конечно, конечно! И, наверное, всё записываешь в своём дневнике: сегодня столько-то раз поменяла собакам воду, столько-то покормила, одну даже к ветеринару отвела, и за все эти великие труды мне ни единой копейки не заплатили.

– Не веду я никаких дневников, успокойся!

Наташа соврала – она вела дневник. Разумеется, не настолько дурацкий, как предположила вредная девица. Самой собой, не в тетрадке, а в Интернете. Второй год она исправно формулировала свои мысли (далеко не всегда в связи с обычными девчачьими терзаниями,

хотя и не без этого), и её пока никто не зафрендил, кроме нескольких спаммерских роботов, от присутствия которых она не умела избавиться. Временами Наташа остро переживала невнимание сетевой общественности, а иногда совершенно забывала об отсутствии постоянной публики, удовлетворяясь счётчиком немногочисленных гостей, неизвестно кем являвшихся и неизвестно зачем оказывавшихся на скромной страничке абсолютно никому не известного блогера, одного из миллионов в мировом океане виртуальности. В своей реальной жизни она нечасто разговаривала, только при встречах с редкими подругами – встречах в основном случайных, ввиду посещения одних и тех же мест из-за близости интересов. Стычка с вихрастым ветеринаром стала ещё одним доводом в пользу ограничения связей в мире, наполненном людьми странными, а временами и опасными.

Второй щенок уже прорывался в недружелюбную Вселенную, изгоняемый жестокими силами природы из тёплого и покойного материнского чрева, и встречали его две особы, не желавшие больше никогда разговаривать друг с другом, словно он провинился перед ними, ещё не вдохнув ни разу спёртого воздуха и не разорвав пуповину, надёжно связывающую с прошлым и мешающую окунуться в новую реальность.

- Осторожно, – буркнула ветеринар, передавая новорождённого помощнице.
- Я осторожно, – огрызнулась та в ответ. – Можно подумать, первого я уронила.
- Хватит болтать! Делом занимайся.
- А чем я занимаюсь, по-твоему? Тоже мне, великая начальница.

Честно говоря, Наташа редко испытывала желание делиться с реальными людьми своими мыслями. Высказаться в сетевом пространстве, населённом невидимыми призраками – пожалуйста, никто её не видит, не знает и никогда не пожелает встретиться. Говоришь, словно поёшь на улице – одни смотрят на тебя с любопытством, другие – с раздражением, третьи остаются безразличными, а кому-то даже нравится твоё исполнение. Время от времени злой прохожий захочет тебя оскорбить или даже вызвать полицию для пресечения противоправных действий (а именно – публичного выступления без лицензии и кассового аппарата). Но если в твои планы входит обозначить своё присутствие на планете, то равнодушные, составляющие подавляющее большинство аудитории, оказываются свидетельством провала замысла и более всех прочих угнетают сознание исполнителя.

Виту несколькими днями ранее привели мальчишки, которым родители не позволили привести домой взрослую беременную собаку. Она осталась одна после смерти своей одинокой хозяйки, имени которой Наташа не знала и боялась выяснить – избегала личного отношения. Пока человек остаётся безвестным, можно не принимать во внимание его бывшую жизнь и продолжать свою в прежнем русле. Стоит проникнуться перипетиями пресекающейся судьбы – и можно забрести по чужой извилистой тропке в чащобу, откуда не нашёл выхода покойник. Более важным ей виделось другое – Вита пребывала в чудовищном стрессе, жалась к углам с поджатым хвостом и боязливо косила карим глазом на каждого человека или пса, попадавшего в поле зрения. Наверное, бедняжка мнила себя в страшном бреду, ведь жизнь не может исчезнуть в одночасье, словно и не была никогда. Собаку пришлось буквально нянчить, днями напролёт говорить ласковые слова, чесать за ушком, кормить настоящим мясом на сахарных косточках – и она оттаяла. Теперь в мир являлись её щенки, и Наташе казалось, будто она теперь не просто исполняет обязанности помощницы ветеринара, а исправляет страшную несправедливость и делает мир более добрым. Радость нужна, она превращает бытие из цепи бессвязных событий в совершенное осмысленное действие.

- Опять спишь! – прикрикнула ветеринар.

Наташа взяла протянутого ей нового щенка и с обычным тщанием подвергла его необходимым санитарно-гигиеническим процедурам. Заносчивая девица почти перестала раздражать – не любит человек свою работу, можно его только пожалеть. Не понимать смысла своих ежедневных занятий – что может быть хуже? Она представила себя в таком удручающем положе-

нии и поёжилась от противного холодка в груди. Люди живут в городе и зарабатывают деньги, больше или меньше – в зависимости от способностей, желаний и обстоятельств. Прописные истины оттого и не вызывают трепета в душах, что всем известны. Подумать страшно: работа ради куска хлеба, а не для спасения себя и других от бессмысленности. Можно ли считать день жизни оправданным, если просто заработал некоторое количество денег? Измеряется ли деньгами смысл? Находятся ли эти категории в прямо пропорциональной зависимости друг от друга? Конечно, нет. Скорее, в обратной. Больше всех зарабатывают те, кто считает деньги смыслом, хотя подобное убеждение сродни сумасшествию.

Четыре щенка улеглись рядом на общем тюфячке, ошалелые от случившейся с ними перемены. Лишённые возможности наблюдать окружающие их обстоятельства, они насторожённо ворочались, пытаясь разнюхать и расслышать подробности своей новой жизни, принёсшей им холод и пустоту. Вита тяжело дышала, но почти сразу встала на подрагивающие лапы, оглядываясь в поисках потомства.

– Молодец, девочка, молодец, – потрепала её по загривку Наташа. – Всё в порядке, здесь они, здесь, посмотри.

– Посюсюкай, посюсюкай, – с ехидной снисходительностью прокомментировала происходящее ветеринар. – Им ведь твои сопли сейчас нужнее всего.

– Причём здесь сопли? Не понимаю, как можно быть ветеринаром и ненавидеть животных.

– Кто тебе сказал, что я их ненавижу?

– Сама вижу. Не слепая ведь. Иногда кажется, ты просто омерзение от них испытываешь, прикасаешься только в резиновых перчатках.

– Я прикасаюсь к ним для оказания помощи, а не для развлечения. Поэтому не хочу занести инфекцию. Хорошенькая будет помощь, если им после меня лечиться придётся.

– По-моему, ты просто оправдание ищешь. А на самом деле, сама боишься от них заразиться.

– Человек практически ничем не может заразиться от собак, постеснялась бы своё невежество показывать.

– Какая разница, всё равно тебе противно.

– По-твоему, от тебя им больше пользы, чем от меня?

– Причём здесь польза! Польза, польза! Ты их лечишь с таким лицом, словно задушить готова!

– Неправда. Просто я с ними не целуюсь и лечу, даже если им больно. А ты готова кудахтать и дожидаться, пока больная собака подохнет, лишь бы не сделать ей бо-бо. И кто, по-твоему, ей больше нужен?

Наташа задыхалась от возмущения и невозможности объяснить понятное. Разумеется, она признавала необходимость лечить больных животных и не имела никакой предвзятости к ветеринарам, но собеседница выводила её из себя безапелляционной верой в исцеление без добра. Возвращать к жизни бессловесное существо, не могущее пожаловаться на боль и описать своё самочувствие, благородно и трудно. Но если не любить спасённых, то труд пропадает втуне, ведь жизнь отверженных по определению бесцельна. Человек ещё может заниматься хоть какой-нибудь деятельностью, сельскохозяйственные животные своим телом питают кровожадное человечество, и любовь их точно не спасёт, а выброшенные на улицу комнатные собаки никому не приносят пользы. Порождать любовь к себе – их единственное предназначение, отказывать им в любви – идти против естественного положения вещей. Нельзя выжить после прыжка с десятого этажа, невозможно прожить на этом свете триста лет и невероятно, просто неосуществимо, даже при сознательном желании добиться неисполнимого – не проникнуться сочувствием к потерявшейся домашней собаке. Она совершенно никому не нужна, совсем бесполезна, её просто жалко – и наличием эмоционального отношения к себе она дока-

зывает существование человека. Зовущего маму ребёнка не пожалеет только маньяк, даже в ожесточающем сердца огромном городе возле безутешного карапуза останутся хотя бы одна-две женщины, примутся его утешать и организуют поиск. Мимо плачущего пса проходят все, некоторые даже пугаются его сиротливого воя, обращённого в равнодушную пустоту зова. Призыв четвероногого существа, не способного назвать адрес и фамилию хозяев, к человеческим душам редко встречает отклик. Проходящие мимо считают отозвавшихся ненормальными и желают уберечь своих детей от общения с психованными собаколюбями из опасения заразить их вирусом бессмысленного пристрастия. Бессмысленного, ибо бесполезного.

Вита вылизывала щенков деловито и сосредоточенно – исполняла свои самые важные в мире обязанности, хотя не думала о них, а просто повиновалась велению природы.

– Я же таких, как ты, каждый день вижу. Устала уже от жалкого зрелища, – устало поведала ветеринар, деловито обмывая руки под краном в углу операционной. Струя воды гулко била в старинную эмалированную раковину, разлетаясь брызгами и заглушая человеческий голос. – Вам всё кажется, будто вы вершите великую миссию, а на самом деле просто путаетесь под ногами у тех, кто занимается делом.

– Кто это «мы»?

– Да вот вы, энтузиасты. Любители помогать. Приходи и работай, если хочешь, не надо любоваться своим самопожертвованием.

– Ты дура, что ли? Я люблюсь?

– Ты любишься. Сама себе хотя бы признайся.

– Ты откуда это вывела, ненормальная?

– Оттуда. Не ты первая, повидала уже.

Ветеринар действительно не могла объяснить, каким образом разделяет сотрудников приюта на группы по психологическому типу. Она просто работала, немногословно разговаривала, слушала и невольно приходила к выводу, не занимаясь анализом своих умозаключений. Вчерашняя школьница, нигде не работающая за деньги Наташа с ходу угодила в глазах наблюдательницы в категорию маменькиных дочек, развлекающихся благотворительностью. Не имело значения благосостояние мам, пап и самих романтично настроенных девочек: даже совсем безденежные, они всё равно считали неприличным зарабатывать на оказании помощи несчастным собачкам. Ветеринар деньги получала и не смущалась этим обстоятельством, поскольку не считала возможным сидеть на чьей-либо шее, пусть даже собственных родителей. Про мужа и говорить не стоит – экономическое рабство в супружестве её не прельщало ни в коей мере. Правда, муж пока не появился, как и кандидат в мужья.

– Чай попьём? – неожиданно спросила она Наташу, словно забыв всю перепалку. Ругалась она не по злобе или желанию унижить, а из чувства самосохранения, и никогда подолгу не продолжала свои нападки на кого бы то ни было (хотя нападала частенько и не видела противоречий в своём поведении). Какая разница, подумают о ней как о сумасшедшей или не заметят вовсе? Первое даже лучше, а претендовать на примечательность вне поля человеческих конфликтов она не могла. Простой ветеринар, чем тут обратишь на себя внимание?

– Чай? – искренне удивилась Наташа, с унынием думавшая, где бы устроиться на остаток ночи, чтобы до утра не встречаться с напарницей. Вызывать такси или среди ночи ловить попутку она не хотела, да и просто боялась. – У тебя такой стиль отношений с людьми?

– Какой стиль?

– Нахамить, а потом чаем поить?

– Что такое «нахамить»? Мы честно друг с другом поговорили, почему бы теперь просто не посидеть вместе? Сон отбило.

Ветеринар хорошо помнила первое появление Наташи в приюте. Наверное, та вообще не обратила на неё внимания в тот день, радостно бегая туда-сюда с мелкими поручениями ветеранов. Школьница, забросившая домашние задания и подготовку к экзаменам ради забот о

мелком уличном зверье, явно испытывала настоящее счастье и этим своим состоянием вызывала живой интерес. Привыкшие к испытаниям верности и терпения сотрудники делали своё дело без восторга, но по привычке основательно, не ожидая подарков от судьбы или благосклонности небес. Наташа, немного неуклюжая и полноватая, без талии, но с чересчур большой грудью, с короткими прямыми волосами и круглым скуластым лицом, не должна была бы обращать на себя внимания, но её замечали. Выдавали огромные тёмно-карие, едва ли не чёрные, глаза.

Ветеринар тогда подумала о новенькой как об очередной романтической дурочке, но впоследствии, наблюдая со стороны, заметила в ней проявления въедливости и желания постигнуть суть происходящего, что не делало её автоматически полноценной личностью, но давало надежду на её созревание в будущем.

– Тебе нужно уйти от родителей, – высказалась вдруг без предисловий ветеринар.

– Какая тебе разница, где я живу? – возмутилась Наташа.

– Мне – никакой. Это нужно тебе, если хочешь стать человеком. Ни квартиру, ни комнату в Москве ты снимать не сможешь, придётся переехать поглубже в область. Но другого пути нет.

– Какого ещё пути? Ты что, ненормальная?

– Да нормальной меня не сыскать. Если ты собираешься жировать за счёт родителей до замужества, а потом попрошайничать у своего благоверного, помещать я не смогу, но сильно разочаруюсь. Мне казалось, из тебя может вырасти что-нибудь путное.

– Да отвяжись ты! Мы что, лучшие подруги? С какой стати ты ко мне лезешь с советами по жизни?

– Лучшие подруги ничего подобного тебе никогда не посоветуют, они хотят, чтобы тебе было приятнее жить. А мне кажется, ты могла бы жить правильно. Это тяжело, зато полезней во всех отношениях.

Наташа окончательно запуталась: её оскорбляют или делают ей комплименты? С одной стороны, заявление о возможности превращения её в человека подразумевало, что пока она таковым не является. С другой – собеседница верит, что она не совсем пропащая.

– Вряд ли я выйду замуж, – сухо заметила она по своему обычаю.

– Будешь маленькой дочкой, пока родители не помрут?

– Что у тебя за манера разговора такая!

– Обыкновенная манера. Все люди смертны, ты не знала?

– Все это знают. Но воспитанные люди не говорят друг другу, что они, их дети или их родители умрут.

– Почему?

– Потому что все это знают без напоминаний.

– А чем плохо напоминание? О таких вещах полезно помнить всегда, тогда жизнь изменится.

– Все сойдут с катушек и пустятся во все тяжкие?

– Некоторые – да. А другие захотят оставить след, что уже неплохо. Проблема как раз в том, что всем плевать на смерть. По крайней мере, большинству. Дети и старики о ней думают, а остальные цепляются за мгновение.

– Дети думают о смерти? С чего ты взяла?

– Мне так показалось несколько раз. Из разговоров с карапузами детсадовского возраста. Они не всегда и слово-то знают, у них даже дедушки и бабушки все налицо, но нет-нет да возникают мысли о конце сущего.

– Чепуха. Об игрушках они думают и о мороженом.

– Большую часть времени – да. Но вдруг приходит мгновение – и малыш заявляет родителям: вы все умрёте. Его начинают расспрашивать, а он молчит и тему больше никак не развивает. Что у него там созрело в голове – никто не знает, но начинают немного бояться.

– Ерунда. Прямо вот так, все дети заявляют своим родителям, что они умрут?

– Нет, конечно. Я просто один раз была свидетелем.

– Один раз? И уже вывела всемирный закон!

– Конечно. Дети ведь в университетах не учились и философию не постигали, жизненный опыт у них примерно одинаковый, если исключить экстремальные и маргинальные случаи, и взгляды на жизнь близкие. В основном из космоса, а не из книжек.

Ветеринар хотела замуж и мечтала о собственных детях. Они мнились ей необходимой частью жизни, поводом не умирать раньше положенного срока. Забота о других людях взрослит, и девушка желала прожить отведённый ей срок полностью, со всеми предназначенными судьбой этапами – зрелостью и старостью, а не наслаждаться вечным детством. Она думала: возраст не страшен женщине, если она счастлива. Мужчины могут меняться, дети останутся с матерью навсегда, если она не испугает их своей заботой и не изуродует безразличием. В свою способность избежать обеих крайностей ветеринар верила отрешённо и не упускала случая заявить миру о своей безрассудности.

– По-твоему, муж придаёт женщине смысл? – спросила Наташа с демонстративной ноткой злорадства в голосе.

– По-моему, он просто делает ей детей, – холодно ответила ветеринар, не ждавшая от мужского населения планеты ничего иного.

Собеседницы оставили уставшую от своих женских мук Виту наедине с её потомством и переместились в импровизированную тесную кухоньку, вмещавшую только крохотный столик и как раз две старинных советских табуретки с прорезью в сиденье. На столе имелась электроплитка и электрочайник, в углу приютилась узкая стоечка, набитая посудой и прочей кухонной утварью.

– Значит, мужчины нужны только для детей? – настаивала Наташа.

– Не обязательно. Но если кто-нибудь из них даже этого не может, то нет никакой причины оставлять его при себе.

– А любовь, дружба?

– Для любви и дружбы совместная жизнь не нужна. Даже наоборот, она им мешает. Я выйду замуж только ради детей.

– И мужа будешь подбирать, как производителя? По признакам хорошей породы?

– Конечно. А ты, если думаешь, будто мужчина нужен для счастья, почему не собираешься замуж?

– Я не говорила, что не собираюсь. Я сказала, что не выйду.

– В чём разница?

Наташа некоторое время молчала, вынимая из стойки чашки и наливая воду в чайник.

– Не выйду, потому что никто на мне не женится, а не потому, что сама не хочу.

– Даже так! Конечно, не выйдешь. Замуж выходят только уверенные в своей неотразимости.

– Где ты набрала такую статистику? Тоже пару раз с кем-то переговорила?

– Считаю, как хочешь. Просто живу, смотрю по сторонам. Ладно, смягчу формулировку: уверенные в своей непривлекательности уж точно замуж не выходят. Вот скажи: почему ты решила, что на тебе никто не женится?

Наташа снова выдержала томительную для неё самой паузу.

– Чего тут думать-то? Я ни красивая, ни умная, а зачем ещё мужики женятся? Ещё альфонсы есть, но мне и это не грозит. По понятным причинам.

– По-твоему, все замужние женщины либо красивые, либо умные? Наверное, бывают ещё красивые и умные одновременно, не находишь?

– Собираешься мне доказать, что к этим последним я и отношусь?

– Не собираюсь. Просто хочу объяснить очевидные вещи.

– Очевидные вещи потому так и называются, что их не нужно объяснять.

– Как выясняется, иногда всё-таки нужно. Так вот: ум и красота относительны, абсолютна только привлекательность. А стать привлекательной гораздо проще, чем умной или красивой.

– А что, красивой можно стать?

– Можно, но это ещё дольше и дороже, чем стать умной. Ты меня внимательно слушаешь? Я сказала – нужно стать привлекательной. И необходимое предварительное условие такого превращения – вера в себя. Мужчина нужен тебе не больше, чем ты ему. Даже наоборот, они со своими инстинктами зависят от нас больше, чем мы от них.

Маленькое окошко кухоньки, завешенное пожелтевшей от времени тюлевой занавеской, выходило на лесопарковую зону, ни единого огонька не виднелось в нём, только слепая чернота ночи. Наташа иногда смотрела на волю, не рассчитывая увидеть ничего нового. Просто хотелось отвлечься от мыслей о насущном и найти в себе силы подняться навстречу несуществующему.

Глава 4

Игорь Петрович лукавил со Светланой. Он не просто предполагал, что новость о ночном происшествии может достичь ушей Покровского, он испытывал твёрдую убежденность в неизбежности именно такого несчастного развития событий. Из комнаты дочери он машинально, ещё не приняв обдуманного решения, направился не к себе в спальню, а совсем в ином направлении.

– Товарищ президент! – вытянулся при его появлении в помещении охраны старший смены. – За время моего дежурства...

Офицер замялся на долю секунды, и Саранцев облегчил его судьбу, раздражённо махнув рукой:

– Ладно, ладно! Всё понятно. Кто там был?

Двое в штатском шагнули вперед и представились. Отвечая на отрывистые вопросы Саранцева, они внесли новые штрихи в картину случившегося на проспекте Мира. Светлана действительно сбила человека. Какой-то алкаш шёл через проспект метрах в двухстах от ближайшего пешеходного перехода, еле стоял на ногах. Возможно, и вовсе не стоял. Похоже, погиб на месте. Инцидент, скорее всего, не был снят ни одной камерой наблюдения, но на пути БМВ до и после него работающие камеры имеются – если следствие всерьёз озадачится проблемой поиска виновника ДТП, простое сопоставление кадров с учетом хронометража вполне может вывести на конкретную машину.

Саранцев не стал спрашивать, положено ли о происшествии руководству ФСО. Зачем выслушивать заранее известный ответ или вынуждать самого себя слушать ложь? Разумеется, положено. Служба у них такая.

– Вы видели сам момент?

– Никак нет.

– Почему?

– Приходилось выдерживать дистанцию. Ночь, пустой проспект. Мы не могли преследовать её демонстративно.

– В таком случае, зачем вы вообще нужны?

– Чтобы в критической ситуации быстро оказаться на месте. Режим работы согласован с вами, Светлана Игоревна не должна замечать наблюдения. Вы считаете необходимым внести изменения?

– Нет.

Саранцев чувствовал себя обманутым на собственной свадьбе. Дочь, видите ли, желает свободы, в результате попадает в неприятную историю, а он теперь, пойманный без штанов своими подчинёнными, должен делать гордое лицо.

- Вы намерены предпринять какие-то действия?
- Их необходимо согласовать с вами, товарищ президент.
- Хорошо. Откуда известно, что он был пьян?
- Маленькая негласная проверка.
- Вы привлекли ещё кого-то? – быстро возмутился Саранцев.
- Никак нет, своими силами обошлись. Корочками не светили.

Игорь Петрович задумался на короткое время. Расширять круг вовлечённых в события ни в коем случае нельзя. Куда там дальше расширять! Он представил себе дальнейшие события: звонок в ГИБДД (или сразу в Генпрокуратуру? В Следственный комитет?), следствие, допросы дочери, экспертизы, суд. Может ли он допустить такое? Дурочка должна была остановиться и вызвать «скорую», но предпочла подвести отца. Как обычно. Прибежала за защитой. А он теперь должен её выдать. Как потом смотреть ей в глаза, как разговаривать с женой? Обязан ли глава государства выдать родную дочь на съедение обществу? Почему? Потому что долг перед страной превышает всего, даже собственной семьи? Разве он раб, во всём зависимый от хозяина? Разве он – преступник, поражённый в правах? Совсем недавно Саранцев сам в коротких словах объяснил дочери своё фундаментальное отличие от любого другого гражданина России, но теперь сам же мысленно себе возражал. Он ведь не перестал быть отцом, став президентом. Текст президентской присяги не содержит отречения от собственной семьи. Человек, способный предать родную дочь, в глазах людей – просто чудовище. Он ведь не собирается никому звонить и требовать прекращения возбуждённого уголовного дела, наоборот, он просто никому не позвонит – вот и всё преступление. Аутотренинг не помогал.

С самого начала, ещё в комнате дочери, он сгоряча высказал ей свои опасения, и теперь они превратились в констатацию факта. Вряд ли Покровского разбудили ночью, но утром он первым делом узнает о ночном происшествии на проспекте Мира и быстро, уверенно и бесповоротно возьмёт в свои руки все концы, льстиво предложенные ему судьбой. Саранцев иногда мысленно перебирал имеющийся у премьера набор инструментов против него, теперь к ним добавился ещё один, едва ли не самый мощный. Здесь на кону оказывается жизнь дочери, а не личное благополучие её отца.

– Где машина? – сухо поинтересовался Саранцев, словно не слишком интересовался ответом.

– В гараже, – похожим тоном ответил старший смены, буднично не желая углубляться в тему.

Игорь Петрович хотел поинтересоваться, в каком она состоянии, есть ли на ней следы крови. Если сейчас распорядиться помыть и отремонтировать машину, при печальном сценарии развития ситуации ему добавят пару лишних статей уголовного кодекса. Если промолчать – механики придут утром, сами вымоют и отремонтируют. Спросят, что случилось – Светлана Игоревна приехала ночью на разбитой машине. Вопросы, вопросы, вопросы. Появятся новые люди, задающие вопросы. Вывести сейчас машину из гаража, бросить на улице и сообщить об угоне? Почему только Светка сама этого не сделала! Побоялась выбираться из спящей Москвы на попутках. Она же не знает про машину охраны. Дура, дура, дура! Все капризы непослушной девчонки выходят боком. Утром нужно поставить её перед фактом: отныне она беспрекословно выполняет все требования родителей. Самостоятельность уже привела беспутную буквально на порог тюрьмы. Теперь бросать машину на улице поздно – новые свидетели, новые улики, новое преступление. Наверное, лучше всего – оставить машину в её нынешнем состоянии, накрыв брезентом и запретив её трогать. Пока, по крайней мере. Осведомлённым сотруд-

никам ФСО такие распоряжения даже представляются закономерными – улики остаются неприкосновенными.

– В каком виде у нас гараж? – неожиданно спросил президент охрану.

– Что вы имеете в виду, товарищ президент?

– Можно загнать машину в какой-нибудь дальний угол, накрыть брезентом, завалить какой-нибудь ветошью и пока не трогать?

– Думаю, можно, – пожал плечами офицер.

Саранцев сразу понял: собеседнику не понравился сделанный им выбор.

– Пусть пока так постоит, и никому ни слова – зачем-то добавил он, попрощался и вышел в безлюдный коридор. Медленно побрёл к себе в спальню, словно не хотел возвращаться. Хотелось оттянуть встречу с женой. Вдруг она проснулась? Держать её в неведении – чудовищно. Если всё же узнает – никогда не простит. Да и как вообще возможно утаить такое?

Дойдя до двери спальни, Саранцев постоял возле неё некоторое время, а затем отправился в свой рабочий кабинет. Заснуть всё равно невозможно, нужно обдумать варианты поведения, запасные ходы и пути отхода. Тактика политических баталий требует опыта и теоретических знаний, но успех не гарантирован никому и никогда. Увлёкшийся своим влиянием и полномочиями рано или поздно придёт в тупик, откуда не сможет выбраться без помощи посторонних. Менее влиятельных, менее значительных, но вдруг оказавшихся не просто нужными, но необходимыми. Именно в данное время в данном месте, ни днем, ни часом позже или раньше.

Игорь Петрович пришел в своё импровизированное убежище от психологической лавины, включил настольную лампу и уселся в кресло, ставшее за несколько лет пребывания в стенах резиденции удобным и привычным. Откинулся на высокую спинку, прикрыл глаза и сидел так четверть часа, словно ожидая ответов на вставшие перед ним вопросы. Очень хотелось позвонить Сергею Антонову, главе администрации президента и многолетнему другу, но Саранцев подавил желание. Они ещё увидятся завтра. Разумеется, Сергей должен знать то, что известно ФСО и Покровскому. Возможно, ещё и МВД в лице Муравьёва. Серёга знает о нём многое, и на него можно положиться.

Люди, люди, люди! Стоят вокруг, смотрят на него в упор, изучают, обсуждают между собой, выставляют оценки. В общем, судят. Нужно ходить между ними, ощущая спиной взгляды, разговаривать, улыбаться, принимать безмятежный вид и пытаться проникнуть в их замыслы и расчеты. И постоянно ждать удара.

Глава 5

Впервые выдерживая паузу в отношениях с Покровским, тогда, в Новосибирске, две недели маясь в квартире с маленькой дочкой и злой женой, ругавшей его разом и за нерасторопность при обращении с телевидением, и за манерные игры с будущим губернатором, Игорь Петрович выжал себя до капли. С утра до вечера Светлана повторяла ему почти без пауз максимум о необходимости шагать навстречу судьбе каждый раз, когда та снисходит до улыбки в твой адрес.

– Ты действительно думаешь, будто он там сидит у телефона и ждёт твоего звонка? – раздражённо кричала она мужу. – Опомнись! Еще пара дней – и он вообще забудет о твоём существовании!

– Возможно, – бормотал в ответ Саранцев, второй час разглядывая одну и ту же газетную страницу. – Если забудет, значит не стоит к нему и втираться. Мальчиком на побегушках давно не был.

– Кем же ты собираешься при нём быть? Единственным и незаменимым соратником, ради которого он готов броситься в огонь и в воду?

– Меня вполне устроит положение ценного профессионала. Не политика же он во мне увидел.

Новосибирск, область, да и вся Россия в победе Покровского на губернаторских выборах нисколько не сомневались. Один из последних советских генералов, получивший погоня зигзагами весной 1991 года, он через год без всякого давления, принуждения и намёков подал рапорт об увольнении в запас. В октябре девяносто третьего года отказался присоединиться к защитникам Верховного Совета и попал в несколько газет, осудив вспышку гражданской войны в центре Москвы. «Все политики, решающие свои политические проблемы через кровь сограждан, должны идти под суд, – сказал он тогда в интервью единственной газете, почему-то обратившейся к нему с такой неожиданной просьбой. – Депутаты, спрятавшиеся за спины простых людей и принимающие теперь героические позы, виновны больше своих руководителей и Ельцина, потому что прошли по трупам, не запачкав обуви».

Обладатель роскошного баса и манеры отвешивать слова веско, скупое и неторопливое, но точно, он обрёл всенародную известность в девяностых, когда вошёл в банк, захваченный при неудачном ограблении бандой из пяти человек. Три дня и три ночи здание стояло в оцеплении ОМОНа, внутрь налётчики не пустили ни одного человека, а Покровский, по утверждению выпущенных наружу заложников, всё время с ними говорил, чуть ли не семьдесят два часа напролёт, без сна и почти без еды. На вторую ночь, около двух часов, главарь приставил к голове Покровского пистолет и пообещал спустить курок, если тот произнесёт ещё слово. В помещении оставались несколько детей, никто из них не спал, все хотели есть и пить. Покровский не замолчал, только после короткой паузы продолжил говорить уже не о детях, а о непонятных вещах: о любимых книгах и фильмах, о местах, где давно не был, но хотел бы непременно вернуться. И всё время задавал вопросы человеку с пистолетом, который сначала не понимал, следует ли ему выполнить данное обещание, поскольку оно, вроде бы, касалось только разговоров о детях. Время, потраченное на лишние размышления, увело намерения террориста в другое направление: он только рукояткой пистолета ударил Покровского, отправив его в нокдаун. После благополучного разрешения ситуации без единой жертвы телевизионные психологи объясняли отношение террористов к отставному генералу именно отсутствием у него проявлений страха. Человек с оружием, мол, ждёт испуга от безоружных оппонентов. Встречая с их стороны безразличие и полное отсутствие внимания к зажатому в руке источнику силы, преступник подсознательно начинает сомневаться в собственной способности убить. Что-то должно быть не так, раз люди его не боятся. Телезрители слушали экспертов, смотрели короткие сюжеты с участием Покровского, в которых тот нехотя ронял скупые фразы, игнорируя вопросы репортёров о его мыслях и чувствах в часы и минуты совершения подвига, и только благодарил группу антитеррора за профессиональные действия.

В последующие месяцы Покровский возглавил организацию офицеров запаса, раздражавшую власть призраком военного переворота и увлекавшую телевизионную аудиторию в мир прошлого, когда наша армия была сильнейшей в мире. В девяносто шестом он осудил капитуляцию в Хасав-юрте как военную и политическую бессмысленность. «Вы можете подписать любые соглашения, какие вам заблагорассудится, война всё равно не закончится, – заявил он. – Им не нужна Чечня, им нужен Кавказ, а вот Россия – не нужна. Вы разрушили армию и залили Чечню кровью бессмысленно погибших русских солдат и гражданских чеченцев, но история не спрашивает у народов разрешения бросить им вызов, она просто движется вперед. И если вы не способны отразить её наступление, вам приходит конец. Раз и навсегда. Они ещё придут за вами, и тогда спрятаться будет негде, всё равно придётся воевать».

Публицистическая и общественная деятельность Покровского не устроили, и он, неожиданно для многих, вдруг объявил о намерении баллотироваться в губернаторы родной Новосибирской области. Момент он выбрал неудачный: терпевшая одно поражение за другим, страна уже знала о существовании неудобного генерала, но ещё не хотела к нему привыкнуть. Тем

не менее, его знали, и на региональных выборах Покровский, уже только в силу одного этого обстоятельства, становился опасным соперником. При появлении первых слухов о его планах, представители обкома компартии и регионального отделения либерал-демократов бросились наперебой искать встречи с генералом. Телефонные звонки он игнорировал, встретиться с местными партийными боссами отказался. В силу обстоятельств или во исполнение несложного замысла, Новосибирск оказался на пути очередной поездки по стране первого секретаря ЦК коммунистов Павла Архиповича Зарубина, от встречи с которым Покровский не отказался. Они сошлись в обкоме: высокий, плотный и лысоватый, обладатель мужиковатой физиономии и высшего образования Зарубин и чем-то похожий на него, но почти на голову ниже, с лицом то ли Вольтера, то ли бывшего иезуита, Покровский. Проговорили около часа в запертом кабинете, откуда коммунист вышел обозлённый, а генерал – в крайне хорошем настроении. Своим он шепнул по секрету, что потребовал от Зарубина подать в отставку и провести на съезде партии, а лучше голосованием всех первичных организаций, выборы нового состава ЦК и секретариата.

– Зачем? – не понял Зарубин очевидных замыслов своего визави.

– Я хочу занять ваше место, если люди окажут мне доверие, – ответил тот с прежним выражением лица.

– Вы имеете право принять участие в выборах на следующем съезде, – с трудом выдавил из себя ошарашенный и сбитый с толку функционер, – если вступите в партию и получите поддержку областной организации.

– Такой вариант меня не устраивает. Ротацию следует произвести немедленно.

– Что за спешка? – возмутился Зарубин, начиная понимать, что его собеседник вовсе не создан для игры в поддавки.

– Вы только что проиграли президентские выборы. В ситуации, когда для победы требовалась только решимость, желание и способность взять власть. Без революций и переворотов, совершенно в рамках действующего законодательства. Но вы струсили.

– Я не струсил! Попробуйте сами протаранить эту махину, тогда и высказывайте свои умные замечания!

– Я попробую. Но вы мне только помешаете. Вы проиграли и обвиняете в этом кого угодно, кроме самого себя. А мне нужны люди, честные перед самими собой и перед своими товарищами, готовые отвечать за свою работу.

– Вам нужны? – никак не мог понять Зарубин, мысливший себя работодателем перспективного и политически молодого генерала. – Вы кем себя воображаете?

– Во всяком случае, не марионеткой и не комнатной собачкой, – сухо пояснил Покровский, пришедший на встречу исключительно ради удовольствия вытереть ноги о человека, которого презирал.

Зарубин вывалился из кабинета разъярённым и запретил помощникам раз и навсегда упоминать имя заслуженного хама, а его собеседник вернулся в свой импровизированный штаб, который тогда ещё располагался в его собственной квартире.

Настойчивость либерал-демократов в попытках общения с многообещающим кандидатом и вовсе столкнулась с глухим неприятием и завесой молчания. Их лидер, чью должность в партии за пределами оной практически никто не знал, Аркадий Аркадьевич Орлов, способный разговаривать долго, многопланово и беспредметно, а когда нужно – кратко и в полном соответствии с запросами большинства избирателей по итогам последних исследований или в поддержку и даже предвосхищая шаги президентской администрации, в конце концов позвонил сам и изрядно раздражил этим Покровского.

– Хочешь меня замазать? – рявкнул он в трубку. – Не выйдет! Я тебя сам размажу – так, что родная мама не узнает!

Выкрикнув наболевшее, Покровский брякнул трубку на телефон, едва не разбив его, и предсказал окружающим его соратникам завтрашнюю новость в газетах и на телевидении о его попытках связаться с Орловым. Предсказание подтвердилось полностью, и уже на следующий день корреспондент местного телевидения задавал генералу вопросы о причинах его контактов с либерал-демократами. Ничтоже сумняшеся и презрев этикет, Покровский повторил во всех цветастых подробностях свой телефонный монолог, даже слегка приукрасив его в рекламных целях, и объяснил, что считает своей целью не скандал и прихватизацию люмпенских голосов, а победу на выборах.

На первых порах он на собственные средства напечатал тысячу листовок и собрал в своей команде два десятка активистов-добровольцев, которые быстро раздали листовки в разных районах города и оповестили жителей о наступлении новой исторической эпохи. Затем генерал по-хозяйски позвонил нескольким предпринимателям, не сумевшим правильно выстроить отношения с действующей областной администрацией, и предложил им не делать новых глупостей. Крупнейшим из обездоленных оказался некий Константин Авдонин, проговоривший с Покровским битый час, в основном на отвлечённые темы. Ничего не ответив на сходу сделанное заявление генерала, бизнесмен незаметно вывел собеседование на разговор о музыке, литературе и живописи. Кандидат в политики проявил твердую приверженность классике XIX века, но мимоходом всё же выдал свою осведомленность о существовании Скрябина, Ходасевича и Шагала и высказал суждения об использовании света в музыке, поисках новых рифм в поэзии и общности цветового решения полотен художников раннего советского авангарда, ещё не напоровшегося на противодействие власти. В своих высказываниях Покровский практически не употреблял сколько-нибудь профессиональных терминов и убедил Авдонина в своём авторстве, хотя, уйдя с военной службы, генерал много читал и запоминал. А ещё ходил по музеям и концертным залам – пытался взглянуть на мир глазами интеллигенции, разрушившей Советский Союз. Тем не менее, собственное отношение к искусству у него действительно сложилось, и в телефонном разговоре с Авдониным он высказал именно его, не пытаясь угадать взгляд, который бы мог понравиться контрагенту больше.

Несколько недель аппарат Авдонина собирал досье на Покровского, которое однажды утром легло на стол заказчика. Тот погрузился в него на целый день, не отвечая на телефонные звонки и отменив все встречи. Затем он просто вышел из кабинета, отправился с друзьями в ресторан и до глубокой ночи болтал там о пустяках и пил виски. Через три дня он пригласил Покровского к себе в загородную виллу и провёл с ним там целый день. Разговаривали сначала опять об эфемерных материях, затем перешли к главному.

– Вам нужны мои деньги, – безапелляционно заявил Авдонин, поворачивая пальцами бокал коньяка из стороны в сторону, словно играл зайчиками света, прыгающими по мебели и стенам гостиной, – но я не могу раздавать их направо и налево всем желающим, не получая гарантий.

– Можете, – коротко парировал Покровский, словно речь шла о его деньгах. – Вы раздаёте их именно направо и налево, даже коммунистам, от которых уж точно не дождёте никаких гарантий, даже если они их вам пообещают.

– Возможно. Но они побеждают на выборах, особенно региональных. А на что способны вы – сейчас никто не знает.

– Я могу победить. Это важнее, чем уже победить. Пришедшие к власти не творят чудес, поэтому их популярность в нынешней тяжёлой ситуации стремительно падает. Зарубин сдал последние президентские выборы и бросил на всю свою партию тень соглашательства. А я – новый человек, с новыми словами и новыми делами. Я не собираюсь восстанавливать Советскую власть, не плачу по прошлому и не призываю анафему на головы несогласных со мной. Я говорю о возрождении России, и я не связан идеологическими условностями, поэтому не обещаю превращения её в коммунистический или капиталистический рай. Я обещаю только

работающие справедливые законы, эффективную борьбу с преступностью и произволом бюрократии. По-вашему, кто проголосует против?

– Все кандидаты обещают всё хорошее.

– Но я в своей жизни языком болтал мало, в основном – дело делал.

– Среди ваших коллег-кандидатов найдётся и пара других, имеющих право сказать то же самое.

– Но я, в отличие от них, служил стране. С риском для жизни. И не постесняюсь напомнить об этом. Скромность – хорошее качество, но для политики категорически не подходит. Здесь для выживания нужно верить в собственную богоизбранность, а я в ней после Афгана убедился окончательно.

– В самом деле? – заинтересованно вскинул брови Авдонин. – Может, скажете, для исполнения какой миссии вы избраны?

– Запросто, – Покровский откинулся на спинку кресла и привычно закинул ногу на ногу. – Я выжил, чтобы умереть за свою страну. Когда над Кремлем спускали советский флаг, я дал себе слово положить остаток жизни на то, чтобы люди по собственной воле поднимали государственный флаг над своими домами и знали наизусть слова национального гимна, которые их никто не заставлял учить.

– Как же этого добиться?

– Очень просто и очень сложно. Каждый человек должен вставать утром и ложиться спать вечером с убеждением, что для российского государства он – не грязь подзаборная, а гражданин, обладающий собственным достоинством, на которое ни один чиновник по собственному произволу не может поднять руку.

– Но как же сотворить подобное чудо? – едва заметно улыбнулся Авдонин.

– Конечно, не по мановению волшебной палочки. Но и на областном уровне можно сделать первые шаги. Бюрократия вполне поддается дрессировке, нужно только ей очень доходчиво продемонстрировать её уязвимость. А привлекать виновных к ответственности я умею, можете мне поверить.

– Замечательно. Но мы ведь сейчас не на митинге, можно разговаривать откровенно. Почему именно я должен помочь вам в борьбе за губернаторское кресло?

Покровский многозначительно помолчал, потягивая коньяк и не глядя на Авдонина. Потом веско произнес:

– Потому что вы сами этого хотите.

– В самом деле? Почему вы так считаете?

– Потому что мы с вами здесь разговариваем. Я ведь знаю, как устроена жизнь – не мальчик уже. Дед Мороз приносит подарки только маленьким детям, а уже к десяти годам они перестают верить в чудеса. Я не стану обещать вам монополию на воду и воздух, молочные реки в кисельных берегах и тому подобную ерунду. Но я твердо обещаю установить правила и соблюдать их со своей стороны. Если же вы не будете нарушать их со своей, у вас не возникнут проблемы с областью и городом. Знаете, коммунальное хозяйство, природоохрана, пожарные, профсоюзы, санэпиднадзор, милиция – все они могут при сильном желании отравить вам жизнь. Лично мне это не нужно. Я не собираюсь требовать у вас откупного или доказывать своё превосходство. Мне нужно, чтобы вы работали в соответствии с установленными правилами.

– В соответствии с действующим законодательством?

– Нет, – сделал Покровский многозначительную паузу. – В соответствии с правилами. Я не устанавливаю законы, даже на уровне областной нормативной базы вряд ли смогу полностью добиться, чего хочу. Законы несовершенны, вы знаете это не хуже меня, но можно договориться о правилах, которые позволят вам работать с прибылью, а мне как губернатору предъявить избирателям свои выполненные предвыборные обещания. Согласны?

Авдонин не первый день жил на свете. Обыкновенный математик ещё в конце восьмидесятых, он окунулся в предпринимательство с появлением пресловутого указа об индивидуально-трудовой деятельности и с тех пор полной ложкой хлебал различия между официальным законодательством и устными договорённостями. Со времён разборок с бандитской «крышей» прошло не так много времени, он поднялся уже достаточно высоко, чтобы представлять интерес для более серьезных людей с их менее душещипательными средствами. Теперь в случае конфликта с губернатором ему грозило криминальное расследование, а не пуля или бомба в машине. Общение с действующим главой областной администрации у Авдонина никак не получалось, поскольку тот уже слишком широко распространил в местной экономике свои собственные бизнес-корни и воспринимал его не как субъекта экономической жизни, но как делового конкурента. Он пообщался со всеми кандидатами в губернаторы и всем оказывал некоторую помощь, но на Покровском остановил особо пристальный взгляд. Генерал показался ему перспективным.

Очень скоро за спиной Покровского выросли организации ветеранов Великой Отечественной и афганской войн, у которых не было денег, но зато с избытком хватало уверенности в необходимости заменить вконец проворовавшегося главу областной администрации на боевого генерала. Они агитировали бесплатно и активно, в разных возрастных и социальных группах, с растущим по мере приближения даты выборов напором. После серии встреч людей Покровского с людьми Авдонина стали поступать деньги, позволившие арендовать под предвыборный штаб вполне приличный офис и привлечь в дополнение к энтузиастам оплачиваемый персонал, что в свою очередь позволило развернуть кампанию на редкость масштабно.

Старший сын Покровского, кадровый армейский офицер, во время последней войны командовал взводом в Чечне, младший – ещё проходил срочную службу по призыву на Дальнем Востоке. Сам он о них не упоминал, в листовках о них не говорилось, о них рассказывали только добровольцы, когда ходили от квартиры к квартире и заводили беседы с открывшими дверь людьми о том, какой человек имеет моральное право занять пост губернатора. На методических совещаниях в штабе они не получали никаких инструкций на этот счет, просто знали подробности биографии и личной жизни своего кандидата. По всей области распространились слухи о честном генерале, который требует от собственных детей исполнения патриотического долга, как требует этого от всех военнообязанных граждан и не боится говорить вслух о своих убеждениях, даже из опасений потерять голоса избирателей накануне выборов.

В президентской администрации кто-то решил противопоставить Покровского коммунистам, после чего он широкомасштабно ворвался на федеральные телеканалы, а действующий губернатор почувствовал себя одиноким и бессильным.

В правительстве Новосибирской области победивший на выборах Покровский доверил Игорю Петровичу курирование строительной отрасли. Казавшаяся прежде знакомой, его работа вдруг сразу стала едва ли не таинственной, полной ловушек и смертельных угроз, замаскированных под безобидные уступки и упрощения.

– Вы не должны никого бояться, – говорил тогда ему Покровский. – Я всё понимаю, есть серьезные люди с большими деньгами и связями где-то наверху, повыше нас с вами. Но вы должны понять простую вещь: вы им нужны, а не они – вам. Вы всегда найдёте подрядчика на застройку любого участка, а вот они без вас никогда не доберутся до заинтересовавшего их участка.

– Я не хочу нарушать законы, – терпеливо объяснял Саранцев.

– И замечательно! Нарушать никогда не надо. Только, если время от времени не проходить где-нибудь рядом с законом, совсем рядышком, а не точно в полном соответствии с ним, вы никогда ничего не построите. Вы ведь не студент первого курса, в строительстве работали и отлично представляете себе все подводные течения. Не станете же вы утверждать, что на ваших стройках законодательство неукоснительно соблюдалось от «а» до «я»? Помните, когда мы с

вами познакомились, вашу шарашкину контору следовало прикрыть уже за одно только нарушение техники безопасности. Не за отдельные нарушения, а именно за одно большущее нарушение, на всех этажах и по всей стройплощадке. Затем одно сплошное нарушение трудового кодекса, незаконное привлечение иностранной рабочей силы.

– Я был главным инженером, персонал подбирали без моего участия.

– А вы видели нарушения, но продолжали работать. Потому что потеряли бы место, если бы начали влезать в вопросы, вашему ведению не подлежащие. Скажите, вы хотели бы, например, войти в историю Новосибирска человеком, внёсшим существенный вклад в решение жилищной проблемы?

– Я не смогу её решить.

– Пусть не сможете. Но вы хотите, чтобы все говорили: мол, при Саранцеве произошел небывалый со времён Советской власти подъём жилищного строительства?

– Все будут говорить: при Покровском. У нас так головы устроены.

– Наверное. Но специалисты будут знать, без кого именно не смог обойтись Покровский при совершении скачка. Во всяком случае, сами вы всегда будете знать, что приложили руку. Разве нет?

– Надо думать.

– Так вы хотите продвинуть решение проблемы?

– Разумеется, хочу.

– Как вы считаете, в бюджете города выделяется достаточно средств на строительство жилья?

– Нет. Хотя, распределение бюджета – всегда вопрос приоритетов.

– Считаете возможным увеличить финансирование строительства за счёт пособий пенсионерам или поддержания коммунального хозяйства хотя бы в его нынешнем состоянии?

– Сложно говорить отвлечённо на конкретные темы.

– Само собой. Ваша задача – дать людям жильё и городскую инфраструктуру. Нельзя думать только о Новосибирске. В ваших руках – вся область. Нужно развёртывать строительные проекты в райцентрах, в сельской местности. На всё нужны деньги. За счёт налогов мы будем выдёргивать эту телегу из болота следующие сто лет, нужно находить иные источники финансирования. Отобрать деньги у олигархов нельзя, их можно только заинтересовать материально.

– Они и без нашего участия прекрасно себя увлекают всяческими финансовыми проектами.

– Естественно. Чтобы взять у кого-то деньги на строительство детского сада или школы, нужно дать ему заработать сумму, превышающую объём средств, потраченных на важные городу объекты. Чтобы продвигалась очередь на получение муниципального жилья, бесплатные квартиры должны оплачивать покупатели частных апартаментов, и так далее, и так далее.

Подобным образом Саранцев разговаривал с губернатором сначала часто, потом всё реже и реже. Трудно сказать, насколько честен с самим собой он был с самого начала, но желание успеха не оставляло его никогда. Ирина занялась торговлей, получая от собственного бизнеса исполнение мечты: ни в чём не уступать мужу. Игорь Петрович сначала уговаривал себя тем, что жена практикует самостоятельность в сфере, не подлежащей его контролю, но потом, уже обнаружив в числе её поставщиков и инвесторов структуры, связанные с Авдониным и другими крупными застройщиками, не стал возражать. По мере роста собственной торговой сети жена стала зарабатывать больше мужа, а тот временами задумывался: стоило ли уходить от настоящего дела? Конечно, он не был невинным мальчиком, когда принимал предложение Покровского. Намерение войти в большую игру и подтолкнуло его к положительному ответу. Просто хотел приносить больше пользы и обществу, и себе.

Минувшие годы сгладили многие вопросы, предлагая естественные готовые ответы. Когда-то, встречаясь на приёмах, официальных мероприятиях или на охоте с новосибирским областным прокурором, Саранцев украдкой пытался различить в его глазах профессиональный интерес, но замечал лишь дружелюбие и готовность пойти навстречу. Теперь смотрел на генерального прокурора спокойно, с сознанием силы. У того был сын, даже толком не предприниматель, просто лихой ездок и прожигатель жизни. Несколько лет назад, когда генпрокурор ещё состоял министром юстиции, его сын попал в криминальную хронику как владелец «Ауди», на которой по доверенности разъезжали два рэкетира. Несколько месяцев спустя отец неразборчивого в связях сына сменил ведомство, а Саранцев совсем не удивился. И, став президентом, предложил Совету Федерации на повторное утверждение в должности всё того же незадачливого папашу. Показалось – так будет спокойнее.

Глава 6

Дорога домой не отвлекала внимания Наташи от тягостных мыслей о возвращении. Она неторопливо шла пешком к станции метро, не рассчитывая попасть на первый поезд, и думала не о привычном пути, а об отвлечённых материях. Идти домой она не хотела, но больше идти было некуда. Родители ничем не провинились перед своей дочерью, просто возраст привёл её к серии умозаключений о несчастьях домашних обстоятельств. Отец сейчас лежит пьяный или ещё не вернулся домой, но он мужчина, и он непонятен. Возможно, образ его жизни можно оправдать, хотя и трудно. Наташа больше злилась на мать, на её вечное терпение и готовность к самопожертвованию, хотя героизм вовсе не требовался.

Старые фотографии рассказывали о радостях и ярких днях минувшей жизни, и Наташа давно перестала перебирать их и домысливать изображения. Не хотела лишний раз напоминать самой себе о случившихся в семье печальных переменах. Теперь мать почти всё своё время посвящала зарабатыванию небольших денег и спасению их от мужа. Последний хотел их тратить, хотя зарабатывал подсобником на рынке не меньше жены. Он даже нашёл работу для дочери – продавщицей в бакалейном ларьке – и вызвал её искренний смех, когда сделал предложение о трудоустройстве.

Наташа не хотела торговать. Занятие казалось ей странным и беспредметным, неосязаемым. К тому же, не хотелось отвечать перед покупателями за качество товаров, закупленных хозяином. И было страшно отвечать перед самим хозяином за счёт денег и товаров. В школе за ошибки и обманы ставили низкие отметки в журнал, в жизни они влекли за собой смутные, но страшные меры наказания. Совершенно незнакомый мир окружил девочку после школы и напугал телевизионными новостями вперемешку с криминальными сериалами.

Жизнь жестока. Наташа усвоила урок не только в теории, но и на практике. Она ещё помнила времена, когда отец работал инженером, и мать после работы ругала его за принесённую домой ничтожную зарплату. Теперь не ругала, хотя жизнь к лучшему не изменилась. Просто раньше отец получал мало денег за квалифицированную работу, а теперь честно отработывал свои гроши собственным горбом. Разговаривал мало, смеялся ещё реже, и чаще над собой, чем над другими. Приводил домой приятелей с рынка и пил вместе с ними водку на кухне, а мать заранее отправляла Наташу ночевать к бабушке, от греха подальше. Дочь с отцом никогда не разговаривала о существенном и понятия не имела, страдает ли он перемены в своей жизни. Со стороны казалось, будто он равнодушен ко всему и ко всем, включая себя самого. Книги дома ещё оставались, хотя многие отец потихоньку продал, не видя смысла в чтении.

- Он сможет подняться, – сказала однажды мать, припёртая дочерью к стене.
- Что такое, по-твоему, «подняться»? – крикнула та.
- Чего ты от меня хочешь? Он мой муж. И твой отец, между прочим.
- Он нас не любит.

– С чего ты взяла?

– Я вижу. Вы друг с другом двух слов сказать не можете, не перейдя на крик.

– Он мучается.

– Он нас мучает.

– Я не понимаю, чего ты добиваешься? Ты так ненавидишь родного отца, что готова выгнать его на улицу?

– Выгнать его на улицу, к сожалению, невозможно. Но и жить с ним всю жизнь под одной крышей я не хочу.

– Я не могу с ним развестись.

– Почему?

– Не могу, и всё. Не хочу. Он сможет подняться, мы только должны ему помочь.

– Мама, о чём ты говоришь! Как мы можем ему помочь? Маленького мальчика можно заставить чистить зубы и делать уроки, а как ты заставишь взрослого мужика вспомнить о семье, которую он начисто забыл?

– Он не забыл. У него просто тяжёлый период. Не смог найти себя. Он ведь был неплохим инженером, а теперь не может найти работу по специальности.

– Если он был неплохим инженером, зачем ты регулярно выносила ему мозги?

Мать и дочь крупно поспорили пару раз из-за мужа и отца. Первая безуспешно пыталась объяснить второй необходимость людям жалеть друг друга и помогать в испытаниях, но та отвечала непониманием и даже нежеланием понять. Наташа с детства привыкла видеть в отце покровителя. Он часто вступался за неё, когда мать добивалась от неё послушания и прилежания в учёбе. Наверное, искренне не считал нужным мучить девочку пустяковыми придирками, если та стремилась к невинным детским удовольствиям. В детстве нужно играть, а не работать.

– Зачем ей собирать игрушки, если завтра она снова будет с ними возиться? – спрашивал он жену и испытывал бесконечную уверенность в собственной правоте.

– Девочка должна привыкать к порядку с детства, – терпеливо повторяла раз за разом жена и не знала, как ограничить супруга в доступе к воспитанию дочери.

– Может, ты ещё заставишь её полы мыть и стирать бельё?

– Со временем – обязательно. У нас домработницы нет, и у неё вряд ли появится. Если девочка не станет воспринимать домашний порядок как необходимость, из неё вырастет женщина-кошмар.

– Ты хочешь из неё самой вырастить домработницу?

– Нет, просто женщину, способную вести дом.

– И эту женщину нужно начинать воспитывать в семилетнем возрасте?

– Нет, ещё раньше. Возможно, ты готов вырастить из неё побрякушку, а я – нет.

Маленькая Наташа тем временем в соседней комнате жадно прислушивалась к звукам ссоры и испытывала тёплое чувство признательности к папе за его желание защитить дочку от маминых строгостей. Она тоже не видела смысла в ежедневной уборке – ведь завтра кукол нужно будет снова рассаживать в кружок на ковре и организовывать званый обед. Но отец всегда терпел поражение, и с громким бессильным рёвом Наташа складывала кукол в большую картонную коробку. В такие минуты она бесконечно себя жалела, но отец никогда не приходил её утешить.

Теперь Наташа думала о родителе редко, только если обстоятельства вынуждали. Ночной разговор в собачьем приюте, посвящённый семейным ценностям и смыслу жизни, вернул ей желание приобщиться к искренним людям и стремление к суровому счастью замужества. Она подошла к станции метро, у запёртых дверей толпилась маленькая группа нетерпеливых пассажира. Они то и дело посматривали на часы и ругали транспортников за несвоевременную щепетильность. Она остановилась в сторонке и задумалась в попытке вообразить свой соб-

ственный брак на основании семейного быта родителей. Суждено ли ей повторить их жизнь? Телевизионные разъяснители личных проблем необычных людей в один голос твердили: да. Дети воспроизводят опыт родителей, даже если хотят обратного. И не просто утверждали, а приводили примеры, не называя подлинных фамилий и адресов. Зрительское доверие к рассуждениям аналитиков подразумевалось – кому же ещё верить, если не оракулам голубого экрана? Ведь всяческих проходимцев с улицы на телевидение не пускают. А если не поверить? Ведь нельзя же найти людей, про жизнь которых рассказывает телевизор. Можно ли их вообще найти? Существуют ли они в реальности? Почему она, ещё не приступив к собственной жизни, должна сдать и не ждать от неё ничего хорошего? Или в опыте родителей имелись и светлые подробности? Разумеется, имелись – они ведь поженились в незапамятные времена ради своих чувств, а не по ошибке или злему умыслу. Откуда она может знать, почему поженились родители? Что она вообще о них знает? Они всегда скрывали от неё неблагоприятное и пытались показывать себя с наилучшей стороны. Оба старались заботиться о ней, только по-разному понимали повседневную пользу, и с её точки зрения иногда правым оказывался отец, а иногда – мать. Наташа не могла и не хотела выбирать между ними, но отец сам себя хоронил и отталкивал их обеих. Теперь она добивалась от матери решительных шагов, но сама их боялась – не хотела встать на краю новой, незнакомой пропасти.

Когда отцовская фабрика закрылась, он несколько месяцев сидел дома, изредка общаясь по телефону с друзьями, знакомыми и приятелями знакомых в поисках новой работы. Он считал глупым искать новое место по объявлениям или на бирже труда – работодатели не говорят о себе всей правды, а лучшие вакансии распределяются в узком кругу, среди своих. Возможно, отец заблуждался – правоту его мнений Наташа тоже не могла проверить, как и концепции телевизионных психологов. Во всяком случае, новая должность оказалась хуже прежней – добираться ещё дольше и неудобно, с пересадками, и зарплата не больше.

– Ты специально постарался? – спрашивала его жена, пока дочь подслушивала из своей комнаты.

– Я нашёл работу.

– Наверное, они очень рады встретить такого идиота.

– Нормальная работа с обыкновенной зарплатой, чего ты от меня хочешь?

– Чтобы ты иногда отвлекался от полётов в облаках и спускался на землю. Мы здесь живём, если ты ещё не забыл.

Скандалы возобновились с прежним энтузиазмом, и Наташа всё чаще делала уроки у подруг. Мать хотела её защитить от лишнего знания, но на деле приучала к превратностям самым тяжёлым способом – отлучением. Дочь жила вне дома большую часть времени и вообще ражала положение более ужасным, чем оно являлось на самом деле. Матери подружек не разговаривали с ней о причинах её кочевания, отцы и вовсе держались в стороне, только изредка, в недомолвках и потайных взглядах нерасторопных женщин и девиц проскальзывала тайна – они всё знают и помогают ей не жить тоскливыми проблемами гибнущей семьи. Разумеется, они всё знали, а как же иначе! Наташа знала об их осведомлённости заранее и готовила себя к объяснениям и секретничанью в закрытых девичьих владениях, но ничего не случилось, все молчали и упорно берегли её. Сама она иногда страшно хотела поговорить, а в следующую минуту дрожала от ужаса в ожидании нежеланного разговора о себе. Язык дан человеку для сокрытия мыслей – она услышала где-то изречение великого человека, или придумала, будто услышала, а на самом деле сочинила его сама в те дни подавляющей тишины.

С новой работы отец быстро уволился сам без выходного пособия, поскольку всю жизнь работал на государство и не научился общению с частным собственником, стремительно выпрыгнувшим из грязи в князи.

– Этот идиот абсолютно ничего не понимает в деле! – объяснял он жене причину новой безработности.

- Какая тебе разница? – возмущалась та в ответ.
- Так он же меня учить пытался! Полная бездарь, а строит из себя невесть что.
- Какая тебе разница? Ну и делал бы, как он говорит! Не всё ли тебе равно?
- Так ведь качество будет – ни в какие ворота.
- Какая тебе разница? Цех ведь не твой? Тебя никто не просил торговать, ты должен только делать.
- Вот именно – делать. Этот полудурок ещё и тыкать мне вздумал.
- И ты стал тыкать ему, разумеется.
- Конечно! Хамьё нужно учить.
- Многому ты его научил! Он теперь тычет кому-то другому, а ты за счёт жены проживаешься.

Отец продолжал объяснять своё желание уважать самого себя и не мог убедить жену в своей правоте. Та пыталась ему доказать простую истину о хлебе насущном: он не падает с неба всем желающим, его следует добывать. На карачках ползать, или бегать до изнеможения, лишь бы не бесплатно. Что скажут, то и делать, если не можешь добывать пропитание самому себе, не находясь в подчинении у людей, более сведущих в вопросах торговли своей мечтой. Нельзя очень захотеть и сразу получить готовенькое – нужно помучиться, иногда поунижаться или обмануть, да ещё и поставить на кон самое дорогое, и тогда, возможно, если судьба тебе улыбнётся, получишь кусок хлеба с маслом. Мама работала медсестрой и представляла жизнь вполне, со всеми несовершенствами. Каждый день видеть гниющую плоть, слушать крики и делать людям больно ради их же блага она умела. Преодоление смерти, не всегда удачное, давно стало частью её профессии, и мама за пределами больницы вела себя так же, как и в её стенах, всегда готовая проявить твёрдость во имя спасения и считавшая мягкотелость путём к гибели.

- Ты ведь всё понимаешь, – говорила ей Наташа, – его нельзя жалеть. Ты добьёшь его своей жалостью. Ты ведь знаешь, что спасает жёсткость.
- Ещё скажи – жестокость.
- Иногда. Если уже слишком поздно спасать. Ты ведь всё знаешь, почему ты уступаешь ему?
- Я пытаюсь ему помочь.
- Кричать и плакать бесполезно. Ты его только раздражаешь.
- И что же, по-твоему, надо сделать? Ах, да – прогнать.
- Вот именно. Он не должен считать себя величайшей ценностью в твоей жизни.
- Он так не думает. Просто хочет жить не поперёк своих представлений о правильном и неправильном.

– Может, ему стоит изменить свои представления? Он ведь голодом уморит нас и себя, если продолжит в том же духе ещё год или два.

Мать упорствовала в надежде на несбыточное, а отец менял работы, постепенно опускаясь в глазах нанимателей и в своих собственных. Взявшись сторожить какой-то импровизированный склад, он попал под обвинение в ненадлежащем исполнении обязанностей, повлекшем кражу. Вора не нашли, и хозяин возложил материальную ответственность на сторожа, хотя при трудоустройстве возможность подобного оборота дел не обсуждалась. Отец платить не собирався, его избили, потом пытались вломиться к ним в квартиру.

- Почему на него сыплются все несчастья? – спрашивала Наташа. – Ведь вокруг полно людей, с которыми ничего не происходит. Значит, причина в нём самом?
- Со всеми людьми что-нибудь происходит. Каждый день.
- Но не все же катятся по наклонной и спиваются.
- Не говори так про отца.
- Как есть, так и говорю. Он слабак, и он нас предал. Носился со своей порядочностью и гордостью, а теперь бултыхается где-то на самом дне.

- Он нас любит. И страдает.
- Страдает от своей бестолковости? Значит, нам крупно не повезло в жизни.
- Не смей! Не смей измерять человека деньгами.
- Я уже давно не жду от него денег. Хочу только поговорить, хотя бы один раз, по-человечески. Не о том, как его обманули, подвели и подставили, а о последней прочитанной книжке, о любимом фильме. О том, как мне вести себя с мальчиками, наконец – мало ли о чём можно поговорить с отцом! Но я никогда с ним не говорила ни о чём подобном. Когда он ещё мог разговаривать, я была слишком маленькой. Теперь я выросла, а он двух слов осмысленно связать не может.
- Ты не должна относиться к нему, как поставщику отцовских услуг.
- Я не отношусь к нему так. Просто хочу всяких пустяков, которые дочь вправе ждать от родного отца.
- По-твоему, он обязан тебе всем, а ты ему – ничем? Отец тоже имеет право видеть в дочери поддержку.
- Не всякий отец. Дочь нужно заслужить.
- Он нянчился с тобой в детстве. Испугался, когда с тобой случился приступ ложного крупы.
- Замечательно! Он заботился обо мне во времена, которых я не помню. А мне ведь не так много лет! И где же он был все последующие годы, которые я никак не могу забыть?
- Не надо ничего забывать. Он всегда был с нами и делал всё, что мог.
- Да, только мог он гораздо меньше, чем отцы всех моих подруг, даже разведшиеся с их матерями.

Наташа презирала своего отца, как спортсмена, не оправдавшего надежд. Проявившего слабость накануне победы и в результате проигравшего. Она тосковала по возможности искать у него защиты и покровительства, как только может тосковать девушка в семнадцать лет, не научившаяся обманывать свои желания. Казалось – ничего не стоит шаг в пустоту, если за ним не последует второй, но даже на первый шаг не хватало сил, и она плакала по ночам.

Открылось метро, Наташа некоторое время постояла в сторонке, дожидаясь, пока вся группка ранних пассажиров втянется в вестибюль, затем медленно последовала за остальными. Она ехала домой.

Глава 7

Светало. Игорь Петрович обнаружил за окном рассвет неожиданно, будто включили оранжевую лампу низко над землей. В руках он держал глупый детектив, а вовсе не важные государственные бумаги. Время протекло в размышлениях быстро, но никакого мудрого и обдуманного выхода из сложившегося ахового положения президент так и не нашёл. Он неторопливо вернулся в спальню, желая оттянуть неизбежное, и увидел у трельяжа жену, приводившую себя в порядок.

- Где ты пропал? – раздражённо спросила та, не оборачиваясь.
- Ночью приехала Светлана, – сразу взял быка за рога Игорь Петрович.
- Что-нибудь случилось?
- Случилось.

Ирина оторвалась от зеркала и развернулась на вертящейся табуреточке, встретившись взглядами с мужем.

- Она влипла в историю.
- Жена ждала продолжения, медленно бледнея.
- Судя по всему, сбила сегодня ночью человека. Насмерть.

Ирина продолжала молчать, словно ожидала ещё более страшных новостей, но Саранцев замолчал.

– И что сделал ты? – тихо спросила жена.

– Пока ничего.

– Ничего?

– Ничего. А что, по-твоему, я должен сделать?

– Любой отец на твоём месте знал бы, что ему следует делать. Защищать свою девочку, разумеется! Где она сейчас?

– В своей комнате.

Ирина сорвалась с места и молча бросилась в коридор на помощь к своей малышке. Саранцев уныло побрёл за ней и вошел к Светлане, когда та уже сидела на постели в объятиях матери и тихо всхлипывала.

Жизнь Игоря Петровича редко ставила его перед роковым выбором. Между жизнью и смертью люди выбирают нечасто. Если они на войне, да не в тылу, а на переднем её крае. В политике на каждом шагу нужно либо предпочесть правду лжи, либо наоборот – если иначе нельзя. Он не представлял свою жизнь без жены, а без дочери – боялся. Ирина сидела в своём голубом пеньюаре, Светка – в модной белой пижамке, обе – с распущенными по плечам волосами, несчастные, ждущие от него защиты. Уверенные в его защите. Он приучил их к своей опеке, к своей надёжности, а теперь стоит рядом с растерянным лицом и думает, куда деть руки.

– Что ты намерен предпринять? – с негромкой угрозой в голосе спросила жена мужа.

– Мы должны спокойно обо всём поговорить.

– Спокойно? Так ты спокоен! Понятно.

– Ира, не нужно язвить. Ситуация сложилась тяжёлая. Я – не древневосточный деспот и на многое не имею права. В частности, не имею права вмешиваться в официальное расследование. Сегодня могут возбудить уголовное дело по факту гибели человека.

– Уголовное дело? Уголовное?! И ты так спокойно сообщаем об этом! Можно подумать, тебе доставляет удовольствие уголовное дело, возбуждённое против твоей родной дочери!

Светлана громко заплакала, мать прижала её голову к своей груди и стала баюкать, как в детстве.

– Не против Светки, – угрюмо поправил жену Саранцев. – По факту гибели человека. Сейчас ещё никто не может сказать, куда приведёт следствие. Если начать какие-либо телодвижения, можно только привлечь к себе внимание.

Ирина подняла взгляд на Игоря Петровича, и тот прочёл в нём глухое недоумение.

– Я тебя не понимаю. Ты стоишь тут и рассуждаешь, как дворник. Можно подумать, от тебя ничего не зависит!

– Так и есть. Я не имею права вмешиваться в расследование, даже если бы не имел в нём никакой личной заинтересованности. Любое моё слово, любой телефонный звонок станет преступлением.

– Ты издеваешься?

– Нисколько.

– Вот как? – казалось, Ирина вложила в свой вопрос всё своё ехидство и ненависть. – А помнишь свою ночёвку в милиции? После ресторана?

Саранцев отлично помнил одну из главных глупостей своей жизни. Он тогда активно ухаживал за Ириной и всякая минута, когда она была рядом, казалась ему незабываемой. Она смеялась его шуткам, брала его под руку на улице, в дождь пряталась под его зонтом, а он видел себя сильным и уверенным, знающим жизнь, ведущим её за собой. Она уже отдалась ему, познакомила с родителями и собиралась за него замуж. Шумной студенческой компанией они, отстояв вечернюю очередь, ввалились в какой-то ресторан на Арбате, название которого он напрочь забыл. Царила полутьма, горели ночники на столах, играл настоящий оркестрик,

и Саранцев наслаждался каждым моментом счастливого бытия. Потом к их столику приблизился на нетвёрдых ногах неизвестный пьяный хмырь и принялся настырно приглашать Ирину потанцевать. Та смеялась и отказывалась, но пьянчуга упорствовал, хотя за соседними столиками имелось достаточно других девушек и женщин. Даже за их столиком сидели ещё две девицы, но танцор желал заполучить в партнёрши именно Ирину, чем сильно разозлил юного Саранцева. Тот совершенно не умел драться и едва ли участвовал хоть в одной потасовке со времен начальной школы. Однако, тип был пьян и не казался опасным соперником. К тому же, когда к твоей девушке пристают, нельзя оставаться безучастным. Любой, даже трижды интеллигентный и воспитанный домашний паренек со скрипкой, взбеленится. Секрет прост: вступает в силу биология животного. Нельзя проигрывать поединок за самку другому самцу. Просто нельзя, и всё тут. Она не должна увидеть, что на неё есть другой претендент, сильнее тебя и, следовательно, способный лучше обеспечить безопасность её самой и потомства. Одним словом, Игорёк подал недовольный голос. Хам перегнулся через его плечо, чтобы заглянуть Ирине в лицо, и оперся рукой на спинку стула все более разъярявшегося Саранцева. Устное проявление недовольства не подействовало, разволновавшийся жених встал, вместе с ним вскочили двое приятелей-студентов, девчонки, как водится, принялись всех успокаивать. Жених попытался оттащить негодяя от своей невесты, тот лениво от него отмахнулся и проявил этим легким движением недюжинную силу. К столику поспешил метрдотель и присоединил свой голос к увещаниям девушек, но ситуация давно переросла фазу обмена репликами и вылилась в первый этап физического столкновения: не ударов в лицо, но толчков ладонью в плечи и в грудь.

Саранцев помнил дальнейшее урывками, хотя выпил не очень много. Его обуряла настоящая ярость, какой он никогда не знал в своей мирной жизни. В армии он не служил и не растратил там юношеский задор, которому теперь поддался в полной мере. В памяти осталось какое-то мельтешение в полутьме, звон бьющегося стекла, крики и визги, а также непонятного происхождения молот, время от времени обрушивающийся на него ниоткуда. Скользя руками и ногами в чем-то съедобном, размазанном по полу, Игорёк раз за разом заново вставал на ноги, все меньше и меньше понимая картину происходящего и всё глубже погружаясь в свой внутренний мир. Звуки, вспышки света и физические ощущения словно окунулись в вату, отодвинулись, а ему в реальной жизни оставалось только одно: стоять на ногах. Впоследствии выяснилось, что право стоять на месте, никуда не двигаясь и не падая, он отстаивал и от посягательств со стороны подросших милиционеров, хотя сам ничего определенного рассказать об обстоятельствах драки не мог. Успокоение нервов и осознание реальности случилось только в «воронке», в тряской и жесткой темноте. Утром его отпустили, ещё пару раз вызвали на допросы, но в институте никаких последствий для него не наступило, ни по учебной линии, ни по комсомольской.

– Я помню, что пытался тебя защитить, хотя ты, помнится, не слишком возражала против приставаний того типа, – сказал Саранцев и засунул руки глубже в карманы халата.

– Ах, я не слишком возражала? Замечательно! Ты до сих пор думаешь, будто тогда всё само собой рассосалось? Ладно, раньше ты был наивным мальчиком, но сейчас-то подумай.

– О чём я должен подумать?

– Почему тогда для тебя всё так просто и изящно закончилось? Никогда не задумывался?

– Можешь мне рассказать?

– Ещё как могу! Я очень долго могу рассказывать! Никогда не слышал про дядю Васю?

– Не надо мне голову морочить! Какой дядя Вася?

– Обыкновенный дядя Вася, наш сосед. Они с отцом были друзьями с детства, вместе на рыбалку ходили и по грибы, но дядя Вася служил в милиции, не помню уже на какой должности. Тот тип оказался то ли торговым работником, то ли ещё кем-то, одним словом – с блатом. И он подал на тебя заявление по факту нападения. Ты это знал?

– Нет, – буркнул Игорь Петрович, предвкушая неблагоприятную для себя развязку истории.

– Так вот знай теперь! И мой папа, внял тогда моим слезным просьбам. Пошёл к дяде Васе, объяснил ситуацию и попросил тебя прикрыть. Получился блат на блат, и для тебя всё кончилось удачно. Как тебе такое нарушение социалистической законности? Ничего против не имеешь?

– Я не совершил ничего противозаконного.

– Да? Это ты сам решил? Ты первым распустил руки и с точки зрения закона стал правонарушителем. И теперь, став в результате президентом, решил начать обеспечение законности в России со своей родной дочери. Молодец! Так держать!

Саранцев желал свою жену часто. Обнажённое женское тело почти приводило его в изумление. Чудесное создание природы, способное произвести на свет новое живое существо, кричащее и облепленное слезью. Существо, доставляющее счастье густой толпе родственников с обеих сторон. Лишённая одежды, жена всякий раз поражала шириной бедер и полнотой груди, словно её освобожденное тело открывалось во всей красе только ему в уединении, а для всяческих прохожих и прочих очевидцев таилось, скрывая лучшие свои прелести. Теперь он слушал голос Ирины и вдруг забылся, вспоминая её в минуты близости и поразившись внезапному приступу похоти. Он не мог до конца принять православие из-за учения о греховности плотского влечения к женщине. Игорь Петрович бесконечно верил в божественную благодать, данную мужчине через обладание венчанной женой, но держал свои мысли при себе. Сейчас, в присутствии дочери, ему показалось особенно стыдно помышлять о совокуплении.

Они с Ириной познакомились в студенческие годы по принуждению. Её подружку пригласили в весёлую компанию под условием привести симпатичную девушку, поскольку один очень интересный молодой человек, в силу некоторых грустных, хоть и временных, обстоятельств не имеет пары. Оба готовились к свиданию вслепую, придумывали ходы срочного отступления, и не зря. С первого взгляда почти возненавидели друг друга, и только обязательства перед товарищами и подружками заставили их разыгрывать приятное впечатление. Она показалась ему толстой и глупой, он ей – бессмысленным стручком. Посаженные рядом за стол, он обменивались изредка скупыми утилитарными фразами, вроде просьб передать хлеб или подлить вина, пока не пришло время танцев под магнитофон. Группы *Ottawan* и *Arabesque* во времена, предшествующие эпохе *Modern Talking*, незаконно развлекали советскую молодежь одним или двумя попавшими в СССР альбомами и остались в памяти целого поколения. Полутьма, в которой мерцают прыгающие столбики эквалайзера на мониторчике импортной магнитолы, а твои руки лежат на талии девушки, которая доверчиво льнёт к тебе всем телом... Впрочем, под *Hands Up* и *Zanzibar* особо не пообнимаешься. Для такой коварной цели куда лучше подходят *Beatles*. Например, *A Girl*. И многое другое. Во время первого танца Ирина бросила на своего кавалера несколько быстрых взглядов, и вдруг ей понравилось держать руки на его плечах. Одно неуловимое мгновение, жест, незначашее слово, и захотелось внимательнее присмотреться к парню, всё-таки не уроду и не полному идиоту, который по некой таинственной причине не нашёл себе пары. Правда, она и сама оказалась в том же положении, но с ней-то всё понятно.

Шумный роман с предыдущим хахалем, затем не менее громкое с ним расставание, девчонки шушукаются и хихикают за спиной, однокурсники стараются близко не подходить и без нужды не разговаривать. Наверное, боятся войти с ней в отношения и в конечном итоге получить серию публичных пощечин, как их предшественник. И вот у неё появился ухажёр на один вечер – ничегошеньки о ней не знает, учится совершенно в другом институте, в сущности – никаких общих знакомых. Он предупредителен и беззаботен, но аккуратно поддержал её, когда она умудрилась споткнуться, и при этом не попытался её облапать, воспользовавшись ситуацией. Почему бы и не присмотреться к нему получше?

Тем временем юный Саранцев не думал ни о чём существенном, просто получал удовольствие от приятного вечера. Порученная его заботам девушка никоим образом не проявила скудоумия или чрезмерной тяги к эротическим приключениям, волосы её испускали тонкий приятный аромат, она носила длинное платье – ниже колен, а ему особенно нравились миди. Загадка восприятия: подними такой подол до уровня самого обыкновенного мини, и получишь эффект, стократно превышающий воздействие даже экстремально короткой юбочки. Можно спорить и обсуждать причины, но Игорь имел собственную, антинаучную теорию: открывать тайну приятнее, чем тупо разглядывать готовый ответ. Выставленное напоказ видят все, увидеть же ножки, спрятанные от широкой общественности – уже награда.

После первого танца они разговорились и выяснили полное несогласие друг с другом едва ли не по всем найденным общим темам. Будущему строителю и ещё более будущему историку и теоретику искусства вообще трудно найти точки соприкосновения, но они нашли их и очень скоро закричали друг на друга в полном неприятии. Игорь считал «Мастера и Маргариту» странной вещью ни о чём, Ирина – великой книгой о смысле творчества и христианском видении современного мира. Но оба читали слегка опубликованный и не слишком разрешённый роман Булгакова, могли о нём спорить, мотивируя свою позицию. Нашли общий код, неожиданно для обоих.

Тем вечером Саранцев проводил Иру домой, поскольку того требовали фундаментальные правила приличия, но при расставании не взял у неё номер телефона, чем, казалось бы, внёс полную ясность в положение дел. Мол, поболтали неплохо, но больше нам вместе делать нечего. К моменту расставания Ирина ещё не знала, хочет ли она продолжения знакомства, но после печальной развязки их первого и вроде бы последнего свидания она сначала разозлилась, а потом страстно возжелала отомстить. Порядочная девушка может отомстить невнимательному молодому человеку только одним способом: понравиться ему, но в итоге уничтожить презрением. Столь изощрённый манёвр редко кому удаётся, ведь двадцатилетние парни заблуждаются раз и навсегда, до самой старости не догадываясь о наделанных в молодости ошибках. Первый день Ира всё же ждала звонка, руководствуясь не логикой, но безосновательной надеждой. На второй день даже всплакнула недолго, удивляясь собственной слабости. К вечеру она уже злилась и ждала телефонного звонка исключительно ради получения возможности высказать мерзавцу все гадости, какие только придут на ум.

На третий день после первого расставания Игорь решил узнать проигнорированный номер через организаторов вечеринки, которые заставили его битый час объясняться на предмет мотивов внезапной перемены настроения. Изрядно его помучив и убедившись в намерении незадачливого донжуана сколь угодно долго терпеть издевательства, организаторы предложили ему перезвонить через полчаса – мол, за это время они сами дозвонятся до девушки и выяснят, согласна ли она сообщить ему сведения, которые он не пожелал получить, имея личную возможность. Саранцев в точности выполнил инструкции и записал-таки под диктовку искомые цифры. Им двигало не столько либидо, что было бы естественно в его беспокойном возрасте, сколько невнятное ощущение тревоги, мешавшее спокойно спать и учиться.

Ира общалась с ним сухо и официально, оскорблённая прерывистостью его внимания, а Игорь говорил и говорил, торопливо не заканчивая фраз, будто боялся до конца разговора не высказать всего задуманного.

– Почему ты позвонил? – следовательским тоном поинтересовалась Ира, дождавшись, когда поток сознания позвонившего иссяк.

– Захотелось снова с тобой встретиться.

– Только через три дня захотел? Наверное, у тебя с психикой не всё в порядке. Или ты вообще медленно соображаешь?

– Я в инженерном деле соображаю очень даже быстро. А как до призрачных материй доходит – делаю одни глупости.

– Каких ещё призрачных материй?

– Да этих самых. К которым с логарифмической линейкой не подойдёшь. Вот вдруг обнаружил, что третий день вспоминаю наш вечер, и понял, почему лабораторку завалил. Из-за тебя всё!

– Интересно, интересно! – приняла игру Ирина. – Может, я ещё в чем-нибудь виновата?

Она уже напрочь забыла огорчение последних дней и с размаху бултыхнулась в разливанное море счастья: её выбрали! От разочарования первого взгляда не осталось даже воспоминаний, тем более от проявленного Игорем равнодушия. Она уже соорудила в мыслях прочную логическую конструкцию: он побоялся сразу сделать шаг из-за слишком сильного впечатления, произведённого ею на вечеринке. Поборовшись три дня с комплексом неполноценности, ухажёр набрался смелости и бросился напролом, забыв все свои страхи. Ведь такое бывает! Мужчины вообще больны собственным самолюбием и вечно попадают из-за него впросак.

Она жила дома, со своими родителями. Он – в общежитии, пришелец из далекого Новосибирска. Она училась в МГУ, он – в строительном, в Мытищах. Но оба знали, зачем учатся и чего хотят достичь. Они рвались вверх, как неоперившиеся птенцы, готовые рискнуть жизнью ради своего предназначения. Встречались урывками, порой расставаясь на недели, но желание нового свидания от затянувшейся паузы делалось только сильнее.

Игорь переживал смутные времена. Чувство тревоги исчезало в момент появления Иры на новом свидании и снова возникало по расставании. Повинуясь велению необъяснимого страха, он встречался с ней снова и снова, пока однажды утром вдруг не понял: он боится потерять ее. Значит, не нужно расставаться.

– Ты берёшь меня замуж? – искренне удивилась Ира. Она и в самом деле тихо радовалась их свиданиям, но не задумывалась о дальнейшем. – Неужели во всей Москве не нашел кого-нибудь посимпатичней?

Она не хотела проводить психологический тест кандидата в женихи, но он вышел сам собой.

– Не собираюсь я никого искать, – ответил Игорь без запинки. – Я уже нашел. Хочешь, скажу тебе одну простую штуку?

– Скажешь штуку? Давай.

– Не придирайся, я не стилист. В общем, слушай. Я первым в истории человечества могу объяснить, почему хочу жениться именно на той, на которой хочу.

– Думаешь, в истории человечества не существовало браков по расчёту?

– Хватит тебе язвить! Ты ведь прекрасно поняла: я говорю о браках по любви. Короче: отныне и навсегда я забываю все свои планы на будущее.

– Почему? Собрался в бомжи?

– Ты можешь помолчать? Объясняю. Я сочинял свою жизнь заранее лет с пятнадцати. Именно тогда засобирился в строительный, и именно в Московский.

– В Мытищинский?

– Он называется «Московский»!

– Откуда ты знаешь, а может «Мытищинский»? МИСИ, и всё тут.

– Ладно, дай мне закончить. Вот так планировал свою жизнь, планировал, и не запланировал только тебя.

– Огромная ошибка с твоей стороны!

– Чудовищная. Но факт есть факт: не запланировал. И на днях вдруг осенило: придумать жизнь нельзя, её нужно жить.

– А меня ты не придумал, а нажил.

– Почти. Ты придумала меня. Впервые в жизни меня кто-то выдумал! Как же я могу предать тебя?

– Я тебя придумала?

– Конечно. Я раньше был обыкновенным студентом, до которого никому не было дела, кроме коменданта общежития. И вдруг меня замечает незнакомая девушка, хотя вокруг бродят толпы других студентов, в том числе более высоких, умных и сильных, чем я. Единственно возможное объяснение – она меня придумала. Разве нет?

– Честное слово, ты сам понимаешь, что сказал?

– Не очень. В голове всё перепуталось. Что ты собираешься мне ответить?

– Потерпи немножко. Что же мне, вот так сразу ляпнуть, что в голову придет? Здесь подумать надо.

Ира мстительно думала те самые три дня, которые в самом начале собирался с мыслями Игорь, замкнув композицию их отношений в некое совершенное целое. Но в конечном итоге, по миновании всех необходимых промежуточных стадий, уподобилась жене декабриста и отправилась за своим честным молодым мужем в Сибирь.

Теперь Саранцев смотрел на свою жену и думал об их общем прошлом, пытаясь понять главное из непонятого.

– Пока ничего не происходит, я предлагаю всем успокоиться и не производить впечатления преступников, укрывающихся от правосудия. Всем своим подружкам и приятельницам, их дружкам и мужьям не говорите ни слова. Сейчас приводите себя в порядок и являйтесь в столовую завтракать. И прошу впредь избавить меня от истерик.

Игорь Петрович развернулся и вышел в коридор, но жена освободилась от объятий дочери и метнулась вслед за ним:

– Подожди!

– Ира, я уже всё сказал: возвращайся к себе и готовься к завтраку. Слишком много посторонних людей находятся в курсе наших личных проблем, незачем увеличивать их количество.

– Подожди! Подожди, посмотри на меня.

Саранцев остановился и недовольно обернулся, встретив потерянный взгляд жены.

– Пообещай мне... Пообещай...

– Ира, здесь не место и не время. Давай не будем разыгрывать мыльную оперу.

– Пообещай... Пообещай, что будешь отцом, а не президентом. Ты говоришь страшные вещи, я боюсь тебя. Мы со Светланой можем уехать куда-нибудь за границу, ты только скажи заранее, если решишь отдать ее... на заклятие.

– Ира, успокойся. Никто не собирается рубить нашей дочери голову, приди в себя.

Игорь Петрович силой затащил жену в одну из комнат, стремясь уйти от взглядов обслуживающего персонала, появившегося в коридорах резиденции с началом рабочего дня.

– Слушай меня внимательно и запоминай. Мы здесь не одни, на нас постоянно смотрят. Ты должна вести себя, как обычно, не привлекая внимания посторонних. Тебе следует понять очень простую вещь: если своим поведением ты возбудить любопытство людей, среди которых много женщин, ты навредишь Светлане. Пока они ничего не знают, но ты побуждаешь их задавать вопросы. Ты хорошо меня поняла?

– Но ты... ты так себя ведёшь... Я боюсь, я по-настоящему боюсь.

– Ира, прекрати. Прекрати раз и навсегда. Неужели я должен тебе объяснять очевидные вещи, как и Светке! Я не древневосточный деспот, я не владею страной, как частной собственностью, пойми наконец. Есть много разных факторов, не подвластных моему влиянию. Повторяю в десятый раз: сейчас для нас всех самое главное – не изменить ситуацию к худшему.

В помещении пахло пылью и грязной сыростью, Игорь Петрович с некоторым удивлением огляделся и понял, что затащил жену в какой-то тёмный чулан, куда в любой момент может войти уборщица и подумать о них невесть что. Он засуетился и неуклюже выскочил в коридор, споткнувшись по пути о швабру и бросив жену в одиночестве.

Саранцев вернулся в спальню, сел на ещё развороченную кровать и снова тяжело задумался, хотя провёл в размышлениях половину ночи. Времени всегда не хватает, если ситуация

безнадёжна. Утро продолжалось, но даже стоя под душем и бреясь, Игорь Петрович продолжал обдумывать следующий ход.

Нужно переговорить с директором ФСО Дмитриевым, раз уж он всё равно в курсе событий, чтобы спокойно обсудить, так сказать, алгоритм их дальнейших отношений. Он человек надёжный, но требует гарантий и для себя. Собственно, он всегда действует логично, от него трудно ждать спонтанных поступков, что вполне естественно при его профессии. Дмитриев начинал ещё в Девятом главке КГБ, миновал девяносто первый год без сучка и задоринки, не предав ни Горбачёва, ни своё ведомство. Скорее всего, причиной такого успеха послужила его тогдашняя невысокая должность: он при всём желании не мог отдавать никаких распоряжений, но в Форосе отсутствовал, поэтому ему просто не довелось выбирать между верностью генсеку и выполнением приказов непосредственного руководства.

Тем не менее, звонить ему прямо сейчас не следует. Не следует показывать своей слабости и зависимости, наоборот, нужно сразу показать ему его место – прежнее. Нужно выждать, но осторожно. Никто сейчас не сможет определить, хотя бы с малюсеньким намеком на точность, какой контрольный срок окажется чрезмерным, а какой – недостаточным. Дмитриев и Покровский не должны ощутить себя хозяевами положения, для чего следует проявить твёрдость и наличие рычагов обратного влияния на них. Разумеется, совсем не лишнее – отработать возможную публичную реакцию на всплывшие обвинения. Хотя, если уж всплывут – как ни реагируй, дерьмо пряником не обернётся.

Саранцев вышел к столу пышущий здоровьем и уверенностью в себе, спокойный и даже весёлый. Он отпускал беззаботные шутки в адрес мрачной жены и неразговорчивой дочери, каждую минуту и каждую секунду демонстрируя им пример правильного поведения в чрезвычайной ситуации. Ничего не получалось, девочки по-прежнему сидели кислые и не смотрели в сторону отца и мужа, желая в ответ на все его усилия продемонстрировать своё неприятие. Жизнь в очередной раз привела его на край – не впервой. Главное – не счесть себя побеждённым раньше времени и стоять на своём до последней возможности.

Глава 8

Стояла холодная промозглая погода. Саранцев вышел из здания резиденции и увидел сосны, похожие на размытый от времени в серую муть фотоснимок. Подъездная дорожка уходила в туман, как в никуда, и президент невольно замер, в очередной раз вспомнив свалившуюся ночью неприятности. Теперь он не забудет о них никогда, ни на минуту, ни на секунду.

Из невидимости донёсся звук двигателя, и скоро из-за угла показался чёрный лимузин с президентским штандартом на крыле. Сотрудник охраны выскочил из машины на ходу и молча открыл заднюю дверцу. Игорь Петрович забрался в салон и провалился в мягкое заднее сиденье, тяжело откинувшись на высокую спинку. Бессонная ночь уже начинала сказываться, нужно было выпить за завтраком кофе, а не чай. Проблемы, проблемы, проблемы. И все должен решить он, никто иной.

Спустя пару минут президентский кортеж уже летел по очищенной от прочего транспорта Рублёвке в сторону Москвы. Саранцев не смотрел в окно, за которым не увидел бы ничего нового, а бегло знакомился с передовицами нескольких захваченных с собой газет, хотя от чтения в машине у него быстро начинала кружиться голова, а потом подкатывала и тошнота. Он не пытался вычитать среди статей и заметок никаких новостей о ночном происшествии, поскольку считал вероятность появления таких материалов в утренней печати равной нулю. Он сейчас не находится в состоянии войны с Покровским, и нет необходимости срочно начинать против него решающее наступление. Собственно, он никогда не воевал с Покровским. Они оба всегда знали, чего ждать друг и от друга, и никогда не ошибались в своих ожиданиях. Вот и сейчас – Покровский уже в курсе событий, взвешивает их на своих безошибочных и точных

политических весах. Потом немного подумает и ещё до появления в своём рабочем кабинете примет решение: отложить вопрос про запас, вдруг понадобится в будущем.

Игорь Петрович представил себе следующую встречу с премьером. Они будут смотреть друг другу в глаза и улыбаться, и оба будут знать, что их отношения изменились навсегда. Может, стоит продемонстрировать своё безразличие к сложившемуся положению? Со стороны может смотреться как болезненное кривляние еретика, приготовленного к аутодафе. Нужно выходить на бой с открытым забралом. Собственно, ситуация кардинально не изменилась: Покровский и раньше имел против него жареные факты, теперь к ним добавился ещё один. Правда, самый свежий и эмоционально более многообещающий. Всё-таки погиб человек. Простой человек, на стороне которого разом окажется все общественное мнение, хоть он и нарушил правила дорожного движения. Любые документы, исчерканные цифирью, против такой картинки выглядят бледно. Тем не менее, они существуют, и если Покровский вдруг перейдёт в атаку, ему будет чем ответить. Всегда можно огласить список компаний, принадлежащих друзьям-приятелям Покровского, которым достались куски государственного имущества и всяческие финансовые преференции за счет налогоплательщиков. Правда, список в разных редакциях уже не раз обнародован всевозможными оппозиционерами, но авторитет действующего президента непременно усилит эффект.

Кортеж ворвался в Москву и вышел уже на Кутузовский проспект. Позади осталась развязка на пересечении с третьим кольцом, Поклонная гора с мемориальным комплексом, мелькнул слева знаменитый, когда-то опоясанный мемориальными досками дом, в котором жили все последние советские генсеки. Тоже памятник суетности жизни. Теперь – просто хороший дом, уступающий по престижности многим другим, в которых и не жили никогда никакие властители, а только обыкновенные владельцы апартаментов. А в этом, бывшем генсековском, доме тихо доживают свой век родственники-пенсионеры и утверждается в новом быте молодая поросль, не знавшая выговоров по партийной и комсомольской линии.

Остался позади Новоарбатский мост через Москву-реку, мелькнул слева в отдалении огромной белой скалой дом правительства, на который Саранцев невольно покосился, в предвкушении нового раунда противоборства с его хозяином. Кортеж быстро проскочил вставную челюсть Москвы – Новый Арбат, после него свернул направо, объехал белое, распластанное по земле, здание Министерства обороны и скоро подкатил к Боровицкой башне. На одноимённую площадь перед ней стекались потоки транспорта с Моховой, Волхонки, Большого Каменного моста и Кремлёвской набережной, не считая пустой Знаменки, по которой выкатился на площадь президентский кортеж. Сквозь пуленепробиваемые стекла донесся разноголосый гул автомобильных клаксонов, чего никогда прежде не случалось, и Саранцев озадаченно посмотрел в окно, ничего особенного там не увидев.

Кортеж влетел в Кремль, покрывки зарокотали по мокрой после дождя брусчатке. Президентский «Мерседес» въехал под арку парадного входа Сенатского дворца и остановился во внутреннем дворе у крыльца. Саранцев сидел несколько секунд, задумавшись. Некоторое время его морочил неожиданный интерес к двум скульптурам, установленным у входа в только что оставленную позади арку. Слева определённо высилась богиня правосудия, легко узнаваемая по завязанным глазам и весам – память о давнишней принадлежности здания московским департаментам Сената, высшей судебной инстанции Российской империи. Справа от арки размещался лев с некой человеческой фигурой рядом – возможно, аллегорической. Игорь Петрович не имел к скульптурам ни малейшего отношения. Он не приказывал их установить, не собирался их сносить. Они уже стояли на своих нынешних местах, когда он впервые в жизни оказался в закрытой для туристов части Кремля, но несколько последних месяцев он изредка вдруг отвлекался на них, не столько думая, сколько пытаясь догадаться, каково их предназначение в его жизни. Всякий раз, проезжая в лимузине между правосудием и неизвестностью, Саранцев вдруг испытывал желание выяснить каким-либо образом значение непонятной ему

композиции. Желание не мешало ему ни жить, ни спать, ни работать, оно не отравляло ему существование и не напоминало о смерти или ещё о чём-нибудь неминуемом, просто спустя некоторое время он стал удивляться уже самому желанию, а не причине его возникновения. И до сих пор не задал ни единого вопроса, не попытался провести исследование самостоятельно, только стал раздражаться при обострении внезапно обнаружившейся у него любознательности. Какая разница, кого изображает скульптурная группа у въезда в Сенатский дворец? Наверное, он единственный человек на свете, занятый решением этого бессмысленного вопроса. Надо работать.

Офицер ФСО открыл дверцу, Саранцев энергично выбрался из машины и взбежал по ступенькам. Возле дверей ему отдал рапорт дежурный по президентскому полку, высокий капитан с надвинутым на глаза козырьком фуражки, Игорь Петрович на ходу пожал ему руку, вошёл во дворец и поднялся по мраморной Шохинской лестнице на второй этаж. Каждый раз его раздражала необходимость шагать по длинному коридору назад, в сторону арки, под которой только что проскользнул его лимузин. С другой стороны, немножко размяться – совсем не вредно.

В приёмной его встретили дежурные сотрудники администрации, он пожал руки и им тоже, затем вошёл в кабинет. В тот самый, где появлялся прежде по вызову Покровского в качестве подчинённого и где теперь изредка встречался с ним же при телекамерах, но уже по договорённости. Игорь Петрович болезненно поморщился от нового, им же самим придуманного укола самолюбию, затем уселся в своё кресло. На столе рядом лежали собранные в отдельные стопки сообщения послов и свежие аналитические материалы Министерства иностранных дел, донесения резидентов и подготовленные Службой внешней разведки сводки, обзор российской и иностранной печати от пресс-службы. Сейчас начнут приходить люди, задавать ему вопросы, сообщать важную для дела информацию, а он будет смотреть на них, думая о своих семейных делах. Семейных? Ни в коей степени. Своей глупой неосторожностью Светка создала большую политическую проблему, и ему теперь нужно её решать, никто другой ему не поможет.

Саранцев подтянул к себе стопку мидовских документов. Посол в ФРГ сообщает о большой вероятности поражения правящей коалиции на предстоящих региональных выборах и следующем из него ослаблении правительства. Что ж тут поделаешь – ослабнет, так ослабнет. Любые попытки России его усилить, будучи замеченными, поведут только к дальнейшему его ослаблению. А как можно оказать политическую помощь незаметно? В Китае укрылся в американском посольстве какой-то диссидент с совершенно непроизносимым по-русски именем. Молодец, что не в нашем – пришлось бы сейчас ещё и над его проблемами голову ломать. Инакомыслящих, ищущих защиты от своего правительства в иностранных посольствах, Саранцев не любил вне зависимости от их национальности и страны проживания. Решил бороться за свою страну – борись, а не заигрывай с иностранцами.

В юности Игорь Петрович из любопытства прочитал книгу какого-то Комаровского, изданную издательством Каткова ещё в 1874 году под названием «Начало невмешательства». Автор излагал в ней точку зрения о непродуктивности внешнего вмешательства во внутренние дела любой страны равно как на стороне оппозиции, так и правительства. Если оппозиция права – пусть завоёвывает симпатии большинства населения, если власть не способна удержаться без помощи иностранных войск – ей лучше пасть. Правда, двадцатый век во многом превзошёл предыдущий, в том числе по размаху репрессий, делающих невозможным любое проявление оппозиционности, но такие режимы отвечают представлениям вверенных им народов о политическом устройстве, поэтому они и приходили к власти.

Материалы СВР во многом повторяли тематику МИД, но зачастую расходились с ними в выводах, чему Игорь Петрович не уставал удивляться. Почему разные люди, находясь в одной стране, по-разному видят ситуацию в ней? Казалось бы – ничего удивительного. События в России её собственные жители расценивают с совершенно разных позиций, но если серьёзные

учреждения используют профессиональный подход к изучению проблем, то сходятся хотя бы в главном: что такое хорошо, и что такое плохо. В смысле – есть проблемы, или нет проблем. То есть, какие-нибудь проблемы есть всегда и везде, но где-то главная проблема – голод, а где-то – переизбыток. Любой человек расценит первую неприятность как неизмеримо более серьёзную по сравнению со второй. Но прячущийся в деталях дьявол выскакивает раз за разом из потока информации, в котором захлёбывается человечество, чтобы доказать очевидцам: вы никогда друг с другом не согласитесь.

Обзор печати Саранцев бегло пробежал, не ожидая от него сенсаций. Невольно вспомнился прежний пресс-секретарь Вороненко, «унаследованный» от Покровского. Он берёт нервы президента, хотя тот не раз с ним спорил о смысле работы пресс-службы. Соотношение критических и положительных откликов на политические события в обзоре должно соответствовать таковому в реальной жизни. В противном случае у читателя возникает обманчивое впечатление. Владимир Петрович всякий раз начинал объяснять, что отсматривать, выслушивать и вычитывать все средства массовой информации России и мира его служба не может, поэтому отслеживаются наиболее значимые источники информации.

– Кто же составляет рейтинг значимости? – ехидно интересовался президент. – Если бы вы опирались в оценках на тиражи, то подбор изданий точно отличался бы от того, который вы мне предлагаете.

– Разумеется, любая выборка субъективна, – соглашался Вороненко, – но я могу гарантировать, что листки, издаваемые маргинальными структурами, наш отбор не проходят. Мы стараемся составить палитру взглядов основного, так сказать, потока общественной мысли.

И всякий раз начинался спор о прохождении границы между мейнстримом и маргиналами. Пресс-секретарь долго сохранял свою работу в период президентства Саранцева, поскольку умел спорить, не вызывая раздражения, а также мог доказать необходимость тех или иных шагов в рамках формирования президентского образа буквально несколькими эффектными фразами.

Дверь кабинета сама собой открылась, и Саранцев, не отрываясь от бумаг, уже знал, кто вошёл.

– С добрым утром, – почти выкрикнул с неиссякаемым зарядом бодрости в голосе Сергей Антонов, глава администрации.

– Привет, – буркнул Игорь Петрович, не поднимая головы. – Проходи.

Приглашённый стремительно подошёл и уселся, закинув ногу на ногу. Полтора десятилетия, пройденных бок о бок, не прошли даром.

– Что-то случилось? – спросил Сергей.

– С чего ты взял?

– У тебя лицо совсем перевёрнутое.

– Звучит страшно.

Саранцев посмотрел на друга, не выпуская из рук очередного документа. Его уже давно интересовало, насколько он свободен в своей должности и на своём рабочем месте. В частности, может ли он в своём кабинете говорить на любую тему, какую сочтёт достойной разговора? Вопрос, может ли он доверять Антонову, не занимал его совершенно. Игорь Петрович знал точно и навсегда: Серёга у него за спиной в игры не играет. И он сказал после короткой паузы:

– Ты прав. Случилось.

Глава 9

Саранцев явился в губернаторский выборный штаб Покровского со смутным чувством неудовольствия. Ему досаждала мысль о никчёмности занятий политикой по сравнению с таким необходимым делом, как строительство. Он всю жизнь хотел добиваться успеха, но

никогда не видел его на стезе пустого упражнения в самолюбии. К тому же, абсолютно новый вид деятельности означал неизбежный период ученичества, а в своём прежнем деле он уже много добился, его уважали и обращались к нему за советом.

Небольшое офисное здание, приспособленное под новое предназначение после долгой казённой службы ещё при Советской власти, кажется, целиком было занято командой Покровского. Во дворе перед ним рядком стояли небольшие пикапы, облепленные предвыборной рекламой. Ни одной иномарки, сплошь «Лады-Виста», да пара «Газелей». Несколько мужчин, без пиджаков и без галстуков, курили на крыльце и безразлично смотрели на подошедшего новичка. Они его не знали и не хотели знать, им своих забот хватало. Игорь Петрович вновь испытал укол самолюбия, но он не развернулся и не ушёл, а вошёл в здание. Подумалось: если выгорит, и Покровский действительно пробьётся в губернаторы, хозяева строительной компании, вышвырнувшие Саранцева на улицу, будут долго и страстно кусать локти, а ему этого очень сильно хотелось.

Едва ли не с порога Саранцев увидел Антонова, хорошо ему знакомого по прежней работе. Серёга был на пару лет старше, но состоял в подчинении у Игоря Петровича, что никогда не мешало им отлично ладить. Они болтали иногда не только о работе, быстро перешли на «ты», но в гостях друг у друга никогда не бывали, с жёнами друг друга не знакомили и надёжно сохраняли приятельский уровень отношений. Как следствие, Саранцев не требовал от него никаких демонстраций верности, за собой не звал и совершенно не ожидал обнаружить Антонова на новом поле своей деятельности.

– Привет! – удивленно воскликнул он, взмахнув рукой. – Какими судьбами?

– Да вот, сменил образ жизни. Разнюхиваю обстановку.

– Я думал, они тебе мое место предложат.

– Предлагали. Но я их послал.

– Почему? Деньги хорошие, работа живая.

– Не хочу связываться. Буду ради них наизнанку выворачиваться, а потом они за свои дела меня же и объявят виноватым. Я так не привык.

Саранцеву понравилась реакция Антонова на случившиеся с ними перипетии, хотя сам для себя он ещё не определился окончательно, стоит ли начинать новую жизнь с середины пройденного пути.

– Не боишься пойти ко дну на новом месте?

– На старом месте и вовсе дна под ногами не осталось. Здесь хоть можно попробовать.

– А ты давно здесь крутишься? – заговорщицки понизил голос Саранцев.

– Третий день.

– А как ты вообще здесь оказался?

– Мне позвонили.

– Кто позвонил?

– Отсюда, от Покровского. Предложили от его имени придти на собеседование, если мне интересно.

– Они что, всю нашу контору хотят к себе переманить?

– Пока никого больше не встречал.

– А когда тебе позвонили?

– Дня через три после твоего ухода.

– Ты тогда уже отказался от повышения?

– Да.

– И сразу согласился работать здесь?

– Сразу. На следующий день и пришел устраиваться. Конечно, сейчас гарантий никаких, но если он действительно пробьётся в губернаторы, перспективы откроются интересные.

Саранцев несколько секунд размышлял, рассеянно глядя Антонову в лоб. Свой человек, успевший накопить некоторый опыт вращения в совершенно незнакомых новых кругах, вызывал у него живейшее любопытство, но природная осторожность заставляла не бросаться без оглядки на шею первому встречному.

– Слушай, нужно перекинуться парой слов. Мы можем полчаса посидеть где-нибудь поблизости?

– Запросто. Предупрежу только своих.

Через несколько минут они уже обедали в близлежащем ресторанчике, и Саранцев всеми силами вытягивал из собеседника всё, что тому известно о Покровском и его команде.

Антонов никогда никем не восхищался. Он едва ли не с детства верил в приверженность любого человека всяческим соблазнам и уважал способных сопротивляться им. Однако, не осуждал и поддавшихся, считая их поведение естественным. В его описании Покровский выглядел человеком серьёзным и способным на опасные поступки. С одним условием: тщательная предварительная оценка рисков и взвешивание аргументов «за» и «против». Если же анализ говорил о целесообразности опасного шага, он делал его решительно и с полной готовностью отвечать за последствия.

– Анализ, анализ... Как решить, адекватен ли анализ ситуации? Никогда ни в чём не бывает единодушие между думающими людьми. Если его команда часто приходит к стопроцентно общему мнению, она дешёво стоит, – осторожно заметил Саранцев. – Всегда должны оставаться несогласные, пусть и в ничтожном меньшинстве. И время от времени именно они оказываются правыми. Задним числом.

– Я здесь работаю дней десять, но без выходных. Большую часть этого времени разговаривал и пил чай да кофе, то с одним, то с другим. Подозреваю, они сознательно предоставили мне такую возможность.

– Кто такие «они»? У них здесь коллективный разум?

– В некоторой степени. Но «они» я говорю про Покровского и Сургутова.

– Кто такой?

– Номер два в связке. Подстраховывает генерала, обеспечивает тыл и фланги. Тоже серьёзный мужик, только очень закрытый. Знаешь, Покровский тоже слов на ветер не бросает, но он всегда готов встретиться с людьми, объяснить им свою позицию и рассказать, чего от них хочет. С сотрудниками шутит, может поболтать о футболе. А Сургутов – начальник из начальников. Его многие боятся – он вышибает неудобных самостоятельно, к Покровскому за разрешением не ходит. Так ты меня от темы увел, я ведь начал про единодушие, помнишь?

– Помню, помню. Давай про единодушие.

– В том-то и дело – каждый день присутствую при спорах и всякий раз какой-нибудь недовольный обзывает всех остальных идиотами и уходит, хлопнув дверью. Не знаю, оказался ли за это время кто-нибудь из оставшихся в меньшинстве правым, но все по-прежнему работают.

– И отношение к ним не изменилось?

– Не замечал.

– И со стороны рядовых сотрудников, и со стороны Покровского с Сургутовым?

– Знаешь, я в голову ни к кому залезть не могу, а к этим двоим – и подавно. Но внешне ничто не изменилось.

– За что же и кого именно Сургутов вышвырнул?

– При мне такого не случилось, могу только слухи пересказать.

– Пускай будут слухи. Если собираешься прыгнуть в чёрную дыру, стоит сначала задать пару вопросов тем, кто там уже побывал.

– Я слышал о двух случаях, – начал Антонов, чувствувавший себя настоящим Овидием приятеля в путешествии по первому кругу политики. – Какой-то наёмный парень отлынивал от

дела при распространении листовок, а одна девица оказалась подружкой молодца из аппарата областной администрации.

Саранцев задумчиво помешивал остывший кофе, пытаясь провидеть тайные пружины, вынуждающие машину его нового работодателя к движению. Он привык понимать внутреннее устройство административных схем, определявших его деятельность. Следует предвидеть возможную реакцию системы на любой твой шаг, иначе быстро зайдёшь в тупик.

– Каким образом Сургутов проведет об их шалостях?

– Здесь мнения разнятся.

– Я даже знаю, как именно они расходятся, – хмыкнул Саранцев, и улыбка мелькнула на его лице хрупкой гримаской всезнания. – Одни подозревают стукачество, другие – хорошо поставленный контроль над персоналом. В сущности, то и другое – суть одно.

– Есть варианты, – поспешил уточнить Антонов. – Некоторые подозревают наличие нашей агентуры в лагере противника.

– Не исключено. Глупо упускать возможность нанести ущерб сопернику, если она сама идёт в руки. Как мне показалось, деньги у Покровского есть, недовольные своим положением при действующем губернаторе всегда найдутся – вот тебе и тайный платный агент. Интересней другое: сколько таких сексотов в лагере Покровского? У него есть служба безопасности?

– Есть контракт с каким-то ЧОПом на охрану штаба, но причастность охраны к слежке за людьми лично я заметить не успел.

– Ладно, ещё об уволенных, – раздражённо прервал Серёгу Саранцев. – Как выглядела процедура увольнения?

– Тебе не всё равно?

– Нет, это важно. Их выволакивали за шиворот или молча рассчитали и предложили больше не появляться?

– Скорее, второе, – нерешительно пожал плечами Антонов. – Понимаешь, всегда трудно провести черту. Здесь тебе не химия или математика – чётких ситуаций не бывает в принципе. Собирали всех в одной комнате, выходил Сургутов и объявлял: вот этот вывалил все свои листовки в мусорный бак и целый день шлялся по разным своим делам. Такие вещи никому прощаться не будут впредь, а теперь предлагается виновному собрать вещи и удалиться.

– Он пытался что-то объяснить, оправдаться, обвинить Сургутова в клевете?

– Нет, он принял вид, будто ему всё равно.

– Ему действительно было всё равно? Возможна такая ситуация, что он несколько недель исполнял свои обязанности не за страх, а за совесть, но тот конкретный день ему понадобился для личных нужд? И, предположим, тот же самый Сургутов не дал ему отгул?

– Вполне. Я разговаривал даже с добровольцами, которые к тому охальнику относились хорошо. Но Покровского и Сургутова оправдывали. Мол, нельзя команду распускать. Наёмных никто не заставляет вкалывать круглые сутки, время для себя найти можно. В подробности они не вдавались, а я не слишком интересовался.

– Хорошо, а девица с неправильным ухажером?

– Кажется, горько плакала, но сочувствия не снискала.

– Что говорили добровольцы про неё?

– Что ей следовало сразу предупредить о своём приятеле, не маленькая.

– При найме новых сотрудников им задают вопросы о порочащих связях?

– Не столько о связях, сколько об убеждениях. У них тут целый вопросник разработан, по-моему не без участия психологов. Никого не спрашивают напрямую, какой партии они симпатизируют, но через всякие околичности и через вопросы об отношении к афганской и чеченской войнам вычисляют своих.

– И каков же правильный ответ на вопросы о войнах? Меня тоже спросят?

– Не знаю, станут ли терзать тебя, но вряд ли. А правильный ответ, насколько я понял, состоит в следующем: в Афган вообще не нужно было лезть, с Чечнёй – другого выхода не оставалось. Но в развёрнутом виде есть продолжение: в Афгане следовало больше сделать с материально-технической точки зрения для обеспечения победы, в Чечне – следовало наwerbовать несколько дивизий контрактников, хорошо их вооружить, оснастить и оплачивать, после чего последовательно воевать до полного истребления банд без всяких попыток мирного урегулирования.

– И все ныне здесь работающие отвечали именно так?

– Не думаю. Но здесь точно нет ни одного человека, назвавшего эти войны преступными.

– А этот Покровский – что, за восстановление Советской власти и всё такое прочее?

– Понятия не имею. Я же здесь совсем недолго. В программе у него всё больше о восстановлении законности.

– Ну и правильно. С позиций выгоды. Зачем отталкивать потенциальных избирателей, если их в тебе устраивает всё, но только пока ты не заявишь о приятии или неприятии той или иной партии? Законность и порядок всех устраивают. Вопрос, как их обеспечить.

Приятель болтали долго и уже не столько о Покровском и Сургутове, сколько о своей прошлой жизни, семьях и детях. В тот день они вдруг переросли своё приятельство, оказавшись вдвоем посреди нового окружения, словно белые путешественники в джунглях среди туземцев.

Саранцев вернулся из кафе в штаб и отправился лично к генералу. Они разговаривали с глазу на глаз битый час, и из всех людей, населяющих личный маленький мир Игоря Петровича, единственным посвящённым во все подробности собеседования оказался Антонов. Саранцев захотел ему всё рассказать и долго потом думал, насколько Покровский предполагал это вторичное собеседование. Чем больше лет проходило с тех пор, тем сильнее растущий политик утверждался в мысли о расчёте генерала на разговор двух новичков, вызванный его первой основательной встречей с одним из них, которого он предназначил на первую роль.

Глава 10

В ответ на звонок из-за двери донёсся пронзительный собачий лай, и Наташа улыбнулась в предвкушении скорой встречи. Как только она вошла в прихожую ей под ноги бросился со своими приветствиями юркий цвергшнауцер. В полумраке его глаза иногда зажигались под густой чёлкой жёлтыми огоньками. Позади него, в отдалении, величественно вышагивал пушистый сибирский кот, всем своим видом он демонстрировал беспредельное равнодушие.

– Отец дома не ночевал, – встретила Наташу мать, торопливо собирающаяся на работу.

– Тоже мне новость! Впервые, что ли?

– Будешь ложиться спать, не оставляй ключ в замке – может, явится ещё.

– А если оставлю? Ничего с ним не случится, прекрасно проспит на лестнице.

– Сама ведь знаешь – будет звонить, барабанить в дверь и буянить.

– А я полицию вызову.

– И она заставит тебя его впустить, потому что он здесь живёт. Так что, может быть, вместо своих акций протеста просто вытащишь ключ и спокойно выплывешь? Суп на плите остывает, не забудь потом убрать его в холодильник. Зверьё накормлено, Цезарь погулял. А на завтрак сама что-нибудь сообразишь, хорошо? Ну, счастливо.

Мать чмокнула дочь в щёку и выбежала на лестничную клетку. Наташа заперла дверь, вытащила ключ из замка и устало прошаркала тапками на кухню. У неё были обширные планы на вторую половину дня, она страшно хотела спать и не имела ни малейшего желания тратить драгоценное время на приготовление завтрака. Домашним хозяйством она занималась в меру, помогая матери, а не беря всё на себя. Иногда готовила сама, чаще выступала подсобницей,

но удовольствия не получала в любом случае. Нужно есть, нужно стирать, нужно заниматься покупками, изворачиваясь среди набитых товарами полок с целью купить необходимое и при этом не превысить скромных финансовых возможностей. Но получать от исполнения повседневных хозяйственных обязанностей удовольствие – это уж слишком.

У Наташи были подруги, любившие готовить и угощать своими эксклюзивными блюдами родных и близких. Она не могла их понять. Они увлечённо обменивались рецептами, спорили о преимуществах тех или иных ингредиентов, о разных способах приготовления, о наилучших местах приобретения разных продуктов, а она слушала их откровения и думала: как можно заниматься такой ерундой?

– Как ты не понимаешь? – пытались ей иногда объяснить входящие в круг общения женщины. – Это часть нашей власти над мужчинами. В своём большинстве они либо не умеют, либо не хотят заниматься кухней. Но вкусно поесть готовы всегда, на диетах не сидят. Кстати, научись готовить не только вкусно, но и полезно – тебе и вовсе цены не будет.

– Не собираюсь я проводить жизнь у плиты, – отвечала безалаберная Наташа. – Готовить обед нужно уметь, но посвящать этому занятию всё время – подумать страшно.

– Во все ничего страшного, самое обыкновенное дело. Что это за женщина, которая умеет только сварить картошку и пожарить яичницу?

– Женщина, которая нашла себя в другом. Не могут же все любить одно и то же?

Наташа редко вела подобные беседы даже с матерью, не говоря уже о знакомых и родственниках. Не видела причин откровенничать. У каждой спрятаны глубоко в душе заветные желания и мечты, зачем вытаскивать их на всеобщее обозрение по любому поводу? От подобного обращения они потускнеют и потеряют обольстительность. Весь смысл надежды – в её сокровенности, на сцене она либо теряется, либо обращается в пошлость, как хорошая пьеса в постановке бездарностей.

Наташа хотела замуж, хотя матери о своих желаниях никогда не рассказывала. Она хотела опорочить телевизионных предсказателей чужих судеб и сделать свою жизнь непохожей на существование родителей. В старших классах школы задача казалась в общем простой, за несколько месяцев после школы проблема быстро усложнилась. В детстве любое желание видится реальностью, взрослый уже не верит в магию. Обиженный ребёнок уверен: родители из нелюбви или из странного желания сделать больно отказывают ему в очень простых и обоснованных просьбах. Подросшая Наташа внезапно увидела себя одну перед целым миром, в котором никто ничего о ней не знал и не собирался помогать. Родители остались позади, но впереди оказалось безлюдье, и она испугалась. Не училась и не работала за деньги, чтобы не оказаться во власти чужих людей без защиты. И тогда стало ясно: вместо неспособных родителей о ней может позаботиться только муж. Мужчина, которому можно довериться без остатка и не ждать от него каждую минуту предательства.

Она не представляла его внешности, хотя и не могла представить уродцем. Хотела смотреть на него снизу вверх, хотела ощущать его тяжёлые сильные руки на своих плечах, слушать низкий голос и слова, скупое и веско падающие в тишину. Он смешно шутит, но изредка. Он властный, но добрый. Его боятся только злые люди и всякое хамье. Ходит неторопливо, пружинистой походкой спортсмена, имеет безобидные привычки. Например, чешет кончик носа в минуты смущения. Да, он смущается, обнаружив кого-нибудь в неловкой ситуации, но разоблачённые всегда уверены – он никому не расскажет об увиденном. Но сам в глупых положениях не оказывается, потому что ему нечего скрывать, и он не хочет казаться лучше, чем есть на самом деле.

«У меня нет денег, – думала девица на выданье, – я совсем не красавица. Значит, меня возьмет замуж только человек, увидевший во мне человека. А есть ли во мне человек?» Станный для семнадцатилетней вопрос занимал её денно и нощно, и размышления время от времени приводили к ужасным выводам и слезам отчаяния. Позади осталась одна только школа, и

Наташа тщательно перебирала в памяти свои поступки в радостных, печальных и унижительных обстоятельствах, стараясь разглядеть хорошее и пропустить плохое.

Школьные годы дают много поводов для воспоминаний. Наташа ни разу не целовалась с учениками своей школы, и радостные впечатления о ней ограничивались неожиданно высокими оценками за контрольные, да удачным минованием всяческих напастей из области общественных нагрузок. В своём классе подруг у неё тоже не было, только одна – в параллельном, а другая – и вовсе в младшем. Дружить с одноклассницей трудно – непрерывное общение создаёт многочисленные поводы для ссор и разочарований. Не то сказала, не туда посмотрела, не дала списать, дала списать не тому, кому следовало, допустила ошибку в своей, передранной подружкой, работе, и по ней учительница распознала случай списывания. А сплетни на переменах! Куда ходила после уроков, с кем вместе шла домой, куда исчезала на перемене – мало ли поводов вызывать нелюбезный интерес товарок по классной комнате. Девчонки из параллельных классов общаются с совершенно разными людьми и не встречаются на конфликтных пересечениях, а ученицы младших классов, пусть даже всего на один год – и вовсе не существуют для старшекласниц.

Как ни старалась Наташа вспоминать этапы своего человеческого становления, в голову приходили только всевозможные глупости. Отказалась от мальчика, который оказывал ей внимание, хотя нравился подруге. Попросила никогда к ней не подходить, не заговаривать и не приглашать ни в кино, ни на концерты. И теперь думалось: она пожертвовала своей судьбой ради другого человека, или просто испугалась стать притчей во языцех? Да и чего он хотел в действительности, этот круглолицый мальчик? Неужели она могла ему понравиться? Наверное, он вынашивал какие-то грязные планы, и она оказала услугу самой себе, прилично его отшив.

Парень был немного странным, далеко не всеобщим любимчиком. Сидел на своей «камчатке» и в основном помалкивал, но иногда выдавал с места глубокомысленные и правильные сентенции, когда весь класс не знал, что ответить на вопрос педагога. Некоторым девчонкам казался таинственным и привлекательным, но в глазах Наташи – просто одноклассник, один из многих. Правда, он оказался единственным из всех, кто попытался с ней сблизиться, и уже только поэтому имел право на особое внимание. Она его и уделила, но мысленно. Когда он неожиданно подошёл к ней на перемене с каким-то вопросом по алгебре (можно подумать, она разбиралась в ней лучше других!), Наташа просто удивилась и отделалась несколькими словами. Затем он подошёл ещё раз, потом третий. Наташа испугалась: так он в конце концов передаст ей записку на уроке, что почти равносильно предложению руки и сердца.

– Ты его клеишь? – строго спросила подружка из параллельного класса.

– Это он меня клеит, – скучно ответила обвиняемая. – Забери его, если хочешь, только поскорее.

– Не врешь?

– Очень нужно! Дурак какой-то. Что ему от меня нужно?

– Твоё внимание хочет привлечь, что же ещё. Ты его отпугни, а я приму к нему меры.

Подружка казалась Наташе девушкой весьма привлекательной, и роль поставщицы отвергнутых кавалеров больше подошла бы именно ей. Сложившееся положение Наташе понравилось, и она отпугнула неудачника, с искренней ненавистью в глазах и в голосе потребовав оставить её в покое, когда тот приблизился к ней после уроков, по дороге домой. Сторонний наблюдатель мог бы предположить, что они идут вместе, и когда незадачливый одноклассник окликнул её сзади, она испугалась по-настоящему. Она не хотела считаться его официальной парой. Ей казалось – над ней будут хихикать, а не завидовать, потому что ухаждёр не производил яркого впечатления.

Мальчишка, начавший было разговор о совместном походе в кино, обиделся. Шагнув назад от неожиданности, но остановился и упрямо смотрел на нее, явно не собираясь выполнить её требование.

- Чего смотришь, не понял, что ли? Сказала же – отстань!
- Ты что, психованная? Чего орёшь-то?
- Была бы психованная, попёрлась бы с тобой в киношку. Давай-давай, уматывай!
- Где хочу, там и стою. Я тебе ничего не делаю, нечего вопить, как резанная.
- Ну вот и стой, а я дальше пойду.
- И я пойду. Молча.
- Зачем? Ты, наверное, сам психованный?
- Чего это? Не психованней тебя. Куда хочу, туда иду, а тебе что?

Беседа продолжалась в таком духе ещё несколько минут, в течение которых Наташа успела сменить первоначальный испуг на удивление. Паренёк, которого она всеми силами отталкивала, упорно не желал отходить. Она хотела угодить подружке и не испытывала интереса к настырному однокласснику, но пробуждённое им недоумение вполне могло перерасти в увлечение. Он уже казался не таким странным, как прежде. Если он так увлечён ею, значит, она чего-то стоит? Он, разумеется, не звезда, но и она – не принцесса. Зачем он подружке? Она сможет найти себе ухажёра попримличней, а кто ещё подвернётся ей самой, и подвернётся ли вообще? Пусть над ней станут смеяться, но какая разница? Разве лучше ходить отверженной и обсуждать чужих кавалеров? Наверное, и так над ней смеются, так не всё ли равно? Пусть лучше высмеивают незадачливого кавалера, чем её одиночество. Но вспомнилась подружка, и захотелось предстать перед ней и перед всем миром честной и благородной. Принести в жертву собственные интересы ради дружбы – это так возвышенно!

Наташа ела тёплый суп, разламывая картофельные дольки ложкой и оставив нетронутым хлеб. Оставшиеся в испуганном детстве заверения родителей, что без хлеба никогда не наешься, остались в прошлом. Теперь действовали сентенции женских журналов о разных способах поддержания формы и похудения, не оправдывавшиеся на деле. Или в действительности она просто не следовала до конца ни одной из предлагавшихся рекомендаций? Спортивными упражнениями уж точно не занималась – на фитнес денег нет, а бегать по утрам – унизительно. Наверное, следует преодолеть себя и делать хоть что-нибудь, но если уж тебе посчастливилось уродиться на редкость безобразной человеческой особью, стоит ли тратить жизнь на бессмысленные потуги обмануть себя? Других ведь всё равно не обманешь. Но не есть хлеб – задача вполне посильная, самоотверженности не требует. Не есть после шести вечера – тоже не героизм. От этого ничего не меняется, но всегда можно убедить себя, что это помогает не растолстеть ещё больше.

Воспоминания о короткой невразумительной жизни испортили Наташе настроение, потому что не давали особых оснований к гордости или поводов посмеяться. Вечный страх быть вызванной к доске, даже если урок выучен, потому что несчётное число раз казавшиеся надёжными знания исчезали из её головы в самый нужный момент и возвращались, когда было уже слишком поздно. Часто она не готовила устные домашние задания, потому что не видела смысла: как ни учи, перед глазами учительницы и всего класса всё равно окажешься полной дурой. Полной во всех смыслах.

Однажды она спасла от наказания разом нескольких одноклассниц, прогулявших контрольную заболевшей учительницы, взяв на себя ответственность. Мол, сказала им, что занятие отменили, а когда выяснилось обратное, было уже слишком поздно. Никакой предварительной договорённости о лжи не существовало, нарушительницы дисциплины сбежали осознанно и ни о чём её не просили, поскольку не поддерживали приятельских отношений, но когда пришедшая на замену преподавательница стала задавать вопросы, Наташа встала со своего места и сочинила свою историю. Она не подружилась со спасёнными, они ей даже толком «спасибо» не сказали и в разговорах между собой посмеивались над бессмысленным самопожертвованием, видя в нём проявление недалёкого ума.

Теперь думалось: зачем? Проявила ли она твёрдость характера и качества человека, когда соврала ради чуждых ей людей? Врать нехорошо – максима детского сада, к старшим классам школы все более или менее периодически говорят неправду и уверены, что другие поступают так же. Всегда говорят правду только невежливые люди, постоянно лгут – запутавшиеся в самих себе неудачники и слабаки, даже не мошенники. Последние знают меру и понимают – неправду следует использовать лишь изредка, как оружие или воровскую фомку. Нельзя же постоянно ходить по улицам и стрелять в разные стороны – если на дворе нет революции, долго такое развлечение не продлится. Так зачем же она солгала про одноклассниц? Словно кто-то толкнул её, вдруг встала и без всяких сомнений и размышлений выдала свою самоотверженную тираду. Прогульщицы ведь сами могли потом заявить о своём чистосердечном неведении и даже с большой вероятностью выпутаться из ситуации без сложных последствий. Да и какие могли бы последствия? Подумаешь, урок прогуляли. Неуд за поведение в четверти, и то вряд ли. Непрошеное самопожертвование, лишённое самого предмета жертвы, превращается в смешную выходку и попытку подлизаться. Попытку неудачную, ведь спасённые от несуществующей угрозы не откликнулись на призыв, остались чужими и холодными. Наташа не подошла к ним и не попыталась сблизиться, они по-прежнему не обращали на неё внимания, осталось только странное впечатление оперетты наяву. Словно бегают по сцене люди на глазах у зрительного зала, поют весёлые песенки и шутят, публика смеётся и аплодирует, а исполнители сохраняют в целостности и сохранности все свои сложные отношения друг с другом – с завистью, дружбой, любовью, желанием уничтожить и развести руками чужую беду.

Оставив в раковине грязную посуду, Наташа отправилась в душ и стояла под струями горячей воды, наслаждаясь каждым мгновением. Таинство омовения тоже занимало порой её мысли. Почему простое мытьё в ванной доставляет такое удовольствие? Ведь намочить в одежде под дождём, даже тёплым, – ужасно. Купание на пляже или в бассейне тоже выпадает из магических законов – мешает обилие соучастников, неизвестно насколько тщательно помывшихся и неизвестно чем занимающихся в воде. Волшебство кроется именно в сочетании уединения, тепла, наготы и чистой воды. Вопреки утверждениям персонажей великой кинокомедии о последствиях новогоднего похода в баню, именно отдельная ванная создаёт из стандартной гигиенической процедуры иллюзию возвышенного религиозного обряда. Ты наедине с собой, в тишине равномерного шума воды, со своими представлениями о жизни, долге, о будущем и прошлом, напеваешь шлягер или насвистываешь мелодию, чего никогда не делаешь в другое время в другом месте, и оказываешься перед незримой высшей силой той, кто ты есть на самом деле, не притворившаяся более значительной, успешной или удачливой, и выходишь из ванны очищенной.

Вспомнился ещё один подвиг: в одиннадцатом классе помогла одной девчонке по истории. Нужно зазубрить много дат и имён, а у той ничего в голове не держалось, так сидела с ней дома часами и дрессировала по собственной системе: заставила выписать на отдельные карточки краткие сведения (с одной стороны – год или фамилия исторического деятеля, с другой – соответственно событие или даты жизни с указанием страны и основных заслуг). Собственно, Наташа и сама заучивала те же самые данные исторического процесса, и занималась бы этим скучным делом в любом случае, а пришлось в компании. История – предмет интересный, если читать популярные книжки, а ещё лучше – исторические романы. Если же приближаться к ней хотя бы с чуть-чуть профессиональной точкой зрения, она превращается в кромешный ад. Там ничего нельзя понять и в дальнейшем руководствоваться своим пониманием, надо постоянно все положения и выводы учить наизусть, нисколько в них не разбираясь. Сказано: такая-то революция победила по этой причине, а другая – проиграла в силу таких-то условий. И изволь все причины и условия просто запомнить, потому что они каждый раз новые, и нет всеобщих законов, в соответствии с которыми развивается ход истории, они свои для каждой страны и каждого исторического периода, и никогда больше не повторяются.

Однажды история оказалась последним уроком, класс быстро разбежался, а Наташа замешкалась и обнаружила, что одна девчонка сидит за своей партой, закрыв лицо ладонями и не двигаясь с места, даже портфель не собрала. Как и со всеми прочими, она с ней не дружила, и поначалу не собиралась вникать в её проблемы, а мирно отправиться домой в одиночестве. Затем наступившая в классе тишина выдала несчастную: уха свидетельницы достиг звук подавленного всхлипа. Выйти не оглядываясь показалось странным, и она подошла поближе:

– Ты чего?

После нескольких минут молчания послышался тихий надрывный ответ:

– Ничего.

– Что «ничего»? Я же вижу. Случилось что-нибудь?

– Тебе какая разница?

Девчонка казалась совершенно правой: несколько минут назад её заботы Наташу ничуть не беспокоили. Если бы к ней подошёл кто-нибудь другой, она бы с чистой совестью убежала домой и к вечеру забыла бы о пустяшном происшествии. Но в комнате других не было, и Наташа, мысленно чертыхнувшись, присела за соседний стол:

– Хватит ломаться. Что там у тебя стряслось?

– Ничего у меня... не стряслось.

Длинные фразы давались девчонке труднее коротких – не хватало дыхания между рыданиями. Она казалась безутешной, словно переживающей страшное горе – смерть кого-то из близких, например. Наташа её пожалела и захотела утешить вопреки оказанному сопротивлению. Почему? Кто знает! Шевельнулось тёплое чувство в груди, и стало ясно – нельзя уйти и оставить её одну.

– Хватит реветь, говори, что случилось.

– Я не реву... Уйди отсюда.

Преподавательство длилось несколько минут, но пострадавшая всё же призналась: история совсем не идёт, жалко портить аттестат из-за какой-то бессмыслицы. Девчонка отлично успевала по физике и математике, кое-как управлялась с литературой, но наука о несуществующем выводила её из себя. Наташа даже рассмеялась, обнаружив избавление от невразумительного бремени. Потратив минут пять на уговоры, она убедила несчастную в решаемости проблемы, привела её к себе домой и показала свои карточки по истории, изготовленные вручную. Последнее условие крайне важно: заучивание чужих карточек снижает эффективность. Ведь их написание само по себе есть способ запоминания.

– Можно на компьютере таблицы составить или базу данных, – растерянно сказала пострадавшая при виде древних методов работы своей спасительницы.

– Пожалуйста, я тебя не заставляю. Наверное, ты и без меня компьютер привлекала?

– Привлекала.

– Помогло?

– Нет.

– Вот и я об этом. Если пользоваться обыкновенной ручкой, подключаются дополнительные ресурсы памяти. Наверное. Просто мне так кажется, потому что с карточками учить всю эту ерунду стало легче.

Они не стали подругами, после школы ни разу не встречались, и никакого желания встретиться Наташа не испытывала, но воспоминания об этой неординарной истории доставляли ей удовольствие. Она казалась себе великодушной и внимательной, не равнодушной, как прочие. Жизнь не всем показывается своей щедрой стороной, не каждому даёт возможность доказать человечность почти без душевных затрат. Они просто готовились к выпускным экзаменам, чем занимались бы порознь в любом случае, но обстоятельства сложились выгодным для Наташи образом. Не в материальном смысле, а в моральном. Теперь она думала об этом случае: что я, собственно, сделала? Чем пожертвовала, чем поступила? Что отдала ради другого чело-

века? Да ничего! Просто занималась не одна, а вдвоём. Дешёвые способы въехать в рай часто оказываются уловками инфернальных сил, хотя Наташа думала иначе. Ей вдруг показалось – наслаждение нестоящим проявлением своего благородства неизбежно приведёт к разочарованию. Может ли человек вообще восхищаться своими поступками, или одним только этим он уже их перечёркивает? Наверное, можно порадоваться счастливому преодолению испытания, но считать себя героиней – смешно и подло. Даже если бы вынесла ребёнка из горящего дома – нужно испытывать счастье от его спасения, а не от осознания себя существом высшего порядка. Не выдать тайное самолюбование внешне – можно, но как подавить его в своей душе? Разве можно победить собственные чувства? Нужно внушать самой себе убеждение в собственной никчёмности? Но как же внушить его, если она думает иначе? Повторение пустых слов ничего не даст, а разуверить себя можно только долгими размышлениями. Именно этим она теперь и занимается – доказывает самой себе бессцельность всего, совершенного ею в жизни.

Самое ценное для общества её деяние – окончание школы, а ведь её оканчивает вся страна, когда приходит время. Теперь нужно учиться дальше или работать, и она заботится о бездомных собаках в приюте. Разве она не возвращает долг обществу? Кто-то должен заниматься и этим. Если отстреливать и травить беззащитных безобидных существ, общество никогда не выберется из захлестнувшего его моря насилия и жестокости. Кто-то скажет – лучше бы бездомными людьми занималась, но собаки тоже имеют право на долю людского внимания и заботы. Они приведены в город человеком, и теперь люди должны за них отвечать. Тратить на них время и деньги, дать им возможность жить без страданий.

Наташа вышла из ванной в банном халате, с тюрбаном из полотенца на голове и отправилась в свою комнату. Привычными движениями разложила старый диван, застелила его, завела будильник и завалилась под одеяло в сладком предвкушении долгожданного сна.

Сегодня после обеда она должна выглядеть бесподобно. То есть, лучше обычного, потому что выглядеть бесподобно она не может по объективным причинам – не удалась ни кожей, ни рожей. Много парней на белом свете. Наверное, каждый день она видит их сотнями или тысячами, но все они посторонние, живут своей жизнью, идут и едут в разные концы Москвы по своим делам. Но одного, особенного, она встретит сегодня. Он красивый, высокий, корректный и почти никогда на неё не смотрит, но для неё важнее другое. Он будет стоять рядом, говорить что-то другим людям, глядя поверх её головы и отдавать распоряжения в своей обычной манере – деловито, ясно, разъясняя их сущность, а не пытаясь кого-нибудь запугать.

Наташа любила слушать его голос, поднимавшийся до крика только на демонстрациях и митингах. В остальное время он бархатистый, негромкий, но насыщенный, ясно звучащий в помещении и на улице. Порой она слушала его, как музыку, не вникая в смысл произносимых слов. В подобные минуты она и не разбирала слов, наслаждаясь произношением гласных и согласных, отдельных друг от друга и наполняющих собой волшебный эфир окружающего пространства. Иногда соседи толкали её в бок и требовали вернуться к реальности; тогда она начинала рассеянно озираться и обнаруживала себя в банальнейшем положении слушательницы на прозаическом инструктаже перед пикетом и внутренне посмеивалась, представляя свою восхищённую физиономию со стороны. Она понимала свою безрассудность и не ждала взаимности от предмета своей влюблённости, хотела просто оставаться вблизи его.

Из-под кровати на свет неторопливо выползла черепаха. Она медленно поворачивала голову в разные стороны, и бусинки глаз поблёскивали чёрным жемчугом. Цвергшнауцер бросился лихорадочно её обнюхивать, потому положил лапу на панцирь. Черепашка бессильно скребла вёслами лап по полу, не умея двинуться с места.

– Цезарь, оставь Ниндзю в покое, – строго сказала Наташа, спустила ноги с постели и взяла пса на руки. – Хватит хулиганить, слышишь? – Тот беспокойно извивался всем своим мускулистым телом и запрокидывал назад голову, стараясь лизнуть хозяйку в губы. – Вон, иди к Трифону приставай.

Наташа опустила собаку на пол и подтолкнула к коту, который стоял поблизости и старательно делал равнодушное лицо. Хозяйка зоопарка улеглась и накрылась с головой одеялом. Сон навалился на неё быстро и незаметно, окутал сознание рваным покрывалом бессвязных цветных видений и заставил раствориться в солнечном свете неосязаемого. Слепящая белизна воцарилась вокруг, но тёплая, а не снежная. Тропический бриз веял в лицо из глубин небытия, и время казалось несуществующим. Оно не остановилось, его вообще не было, изначально, никогда. Всё оставалось вечно неизменным, и в этом кошмаре одно только осязание подавало надежду: лица и протянутых в бесконечность рук касалась словно мягкая густая шерсть незримого беззвучного существа, тёплого и нежного. Невидимое должно пугать, так проявляется древний инстинкт самосохранения, но во сне законы биологии перестают действовать, остаётся лишь впечатление, ожидание и воспоминание.

Она оглядывалась по сторонам, не понимая этого, поскольку всюду видела лишь белый свет, каким представляла его в детстве, когда кто-нибудь из родителей читал ей вслух книжку, герои которой шли по белу свету, куда глаза глядят. Она таким и представляла этот свет тогда, и теперь пыталась пойти по нему, перебирая ногами. Но разве можно оттолкнуться от света? Его же нет, он – лишь обман зрения. Мы видим мир таким, каким его представляет наш мозг, а не таким, каков он в действительности. Да и что такое действительность? Как человеку судить о ней? Как понять, что существует, а что ему лишь пригрезилось? Принято считать, что движется поезд, а не телеграфные столбы за его окнами, но ведь глаза видят именно стремительно летящие навстречу столбы. Если человек стоит в центре Вселенной, то даже солнце движется по орбите вокруг него, а в космосе, чтобы понять, что вокруг чего движется, нужно ведь в первую очередь выбрать точку отсчёта. Два космических корабля, летящих рядом с одной скоростью, относительно друг друга покоятся на одном месте.

Белый космос вокруг, сон о незрячей пустоте, смесь ужаса и восторга, нужно только закрыть глаза и забыть обо всём на свете. Забыть свет. Забыть о движении и покое, о музыке и тишине.

Наташа спала, и весь мир вращался вокруг неё, как в сказке. Начавшийся день шумел за окнами, напоминая о неуклонном движении времени.

Глава 11

Антонов некоторое время молча смотрел на Саранцева, ожидая развития сообщённой тем новости. Игорь Петрович сначала упорно изображал спокойствие духа, затем отложил бумаги в сторону и коротко изложил случившееся ночью. Он ждал от главы администрации в первую очередь деловой поддержки, хотя не отказался бы и от проявления живого сочувствия.

Тот непонимающе смотрел в лицо шефа, словно ожидая продолжения и разъяснений. Не каждый день в его жизни начинался с подобного диалога. Точнее, таких рабочих моментов в его биографии до сего момента не встречалось вовсе. Выслушивая историю походов президентской дочери, Антонов сразу испытал сосущее чувство тревоги под ложечкой, затем мелькнула предательская мысль: пора спрыгивать с подножки. К концу монолога Саранцева шеф его администрации преодолел себя и начал размышлять всерьёз, хотя предпочёл бы заниматься простой повседневной текучкой.

– Дела... – протянул Сергей, выражая сочувствие и не слишком выдавая свои эмоции.

– Как сажа бела, – раздражённо буркнул президент. – Нужно как-то выходить из положения.

– Как там Светлана? Ирина?

– Отбиваюсь от них, как могу. Кажется, удалось привести в чувство. Надеюсь, глупостей не натворят. Не знаю, спала Светка ночью или нет, но утром мне их обеих пришлось брать

за цугундер. Совсем распустились. Ирина сцену устроила. Боится, что я предаю дочь ради спокойствия.

– А ты не собираешься?

– Я не хочу подставляться без причины. От Покровского дуриком не увернёшься, но плясать перед ним на задних лапках из-за дочерней глупости и слабости я не собираюсь.

Сергей молчал несколько минут, вызвав у своего шефа заметное беспокойство, затем неожиданно спросил:

– Как его зовут?

– Кого? – искренне не понял Игорь Петрович.

– Ну этого, погибшего?

– Понятия не имею. Какая разница?

– Думаю, следует подготовиться к любому развитию событий, в том числе неблагоприятному. Только осторожно. Расширять круг осведомлённых не стоит.

– Так зачем тебе его имя? – всё ещё не понимал Саранцев, желавший постигать все существенные истины, встававшие на его пути к власти.

– Можно остороженько продумать официальное сообщение в ответ на возможное появление публикаций. Ты говоришь, покойный нарушил правила движения?

– По утверждению ФСО, да. А к какому выводу придёт следствие – понятия не имею.

– И он погиб сразу, на месте?

– Насколько я понимаю, да.

– Значит, если бы Светлана и вызвала «скорую», он всё равно бы не выжил?

– Предположительно, да. Говорю же, если верить сведениям ФСО. Ты считаешь, это облегчает ситуацию?

– Юридически – да. Но в смысле пиара – всё равно катастрофа.

– Почему? Он нарушил правила, произошел несчастный случай, и Светка уже никак не могла его спасти.

– Я и говорю – для суда подойдет. Но он – простой человек, и он погиб. Значит, общественное мнение будет горой на его стороне. У него осталась семья?

– Не знаю. Нужно будет с Дмитриевым переговорить. Или не только с Дмитриевым? Наверное, через Покровского и ФСБ уже вошло в курс дела, а Муравьев – и подавно. Нет никакого смысла играть в прятки.

– Ни в коем случае, – встрепенулся Антонов. – Ни в коем случае не выходи на МВД, ни прямо, ни через посредников. За оказание давления на следствие тебя лишней раз возьмут на карандаш. А ФСБ – пусть себе будет в курсе. Они следствием не занимаются, во всяком случае пока, вот и продолжай взаимодействовать с ФСО. Но пусть они тоже не пытаются официально выходить на МВД! Ни в коем случае! Никакого компромата, придерживаться исключительно личных связей – думаю, они у них найдутся.

Саранцев задумался, откинувшись на спинку кресла, запрокинув голову и прикрыв глаза. Ему казалось чудовищным само обсуждение способов построения отношений со структурами, которые вроде бы должны ему просто подчиняться. Несправедливость сложившегося положения заставляла его раздражаться и мешала думать. Необходимость изобретать способы ухода от юридической процедуры приводила его в глухое бешенство. Можно подумать, он не президент, а мелкий уголовник, случайно проведавший о неприятных планах властей на его счёт. Такое не должно происходить, но теперь не пройдёт бесследно.

– Ты уже звонил Покровскому или Дмитриеву? – прервал чересчур растянутую паузу Антонов.

– Нет. Мне казалось, нужно производить как можно меньше движений.

– Согласен. Но пора готовить и следующий шаг.

– Какой именно? Можно подумать, я всю жизнь выпутываюсь из подобных ситуаций.

– Я сам толком не знаю. Их нужно припугнуть нашими контрмерами в ответ на нападение. Знаешь, принцип гарантированного взаимного уничтожения.

– Я думал о том же. Придумал только список друзей и хороших знакомцев Покровского, чей бизнес процветает не без участия государственных структур.

– Этот список уже тысячу раз опубликован и растражирован во всяческих видах, и в электронном, и в бумажном. Во-первых, друзья и знакомые должностного лица – не родственники, им можно заниматься предпринимательством и получать доходы любым законным образом. Если докажем коррупционную составляющую, там всё равно будет замешан не Покровский, а чиновники сильно пониже рангом, и они, ради собственного блага, возьмут всю вину на себя. Во-вторых, финансовые разоблачения народу давно надоели, потому что за ними почти никогда не следует суд и приговор. В-третьих, ты уверен, что среди твоих друзей, знакомых и бывших одноклассников никто не занимается успешным бизнесом?

– Почему ты выделил одноклассников в отдельную категорию?

– Потому что как раз сегодня они тебя ждут. Уже забыл? Тебе к двум часам в Мытищи.

Саранцев вспомнил. Месяц назад ему позвонила из Новосибирска мать и сообщила, что с ним желает связаться Мишка Конопляник, с которым Игорь проучился в одном классе все десять школьных лет. Они приятельствовали в детстве, поскольку оба учились по преимуществу на «отлично» и соперничали в этом отношении только с несколькими девчонками. По окончании школы не виделись и никак друг с другом не связывались, и внезапное желание Мишки пообщаться, почему-то не возникавшее даже в течение трёх с лишним лет президентства Саранцева, его несколько озадачило. Если Конопляник нуждается в помощи, ситуация сложилась бы неловкая, поскольку разлука длилась втрое дольше, чем детская дружба. Тем не менее, он позвонил по сообщенному матерью телефону и переговорил с каким-то совершенно незнакомым голосом в телефонной трубке, обратившимся к нему на «ты» и изложившим необычную просьбу.

Незабываемая и неповторимая классная руководительница двух приятелей, Елена Николаевна Сыромятникова, принявшая их четвёртый класс молодой выпускницей пединститута, двадцати двух лет от роду, и выпустившая их спустя семь лет в мир, многие годы живёт и работает не в Новосибирске, а здесь, совсем неподалёку, в Мытищах. По-прежнему преподаёт, хотя переросла даже пенсионный возраст, не только учительскую выслугу лет, но вступила в непосильный конфликт со школьной администрацией и теперь нуждается в помощи. Игорь Петрович тогда представил свой звонок министру образования с просьбой разобраться с ситуацией вокруг учительницы одной из мытищинских школ и то ли улыбнулся, то ли поморщился. Собственно, может получиться недурная картинка внимательного отношения главы государства к обращениям граждан.

– Ты сможешь к ней подъехать?

– Подъехать? Зачем?

– У неё же день рождения будет в сентябре, забыл? Никаких разборок устраивать не надо, просто подъедем и поздравим её с шестидесятилетием. Думаю, при твоём участии этого будет вполне достаточно для решения всех её проблем на всю оставшуюся жизнь.

Шальное предложение Игорю Петровичу сразу понравилось, и он немедленно отдал необходимые распоряжения о подготовке внезапного рейда в Мытищи. Именно внезапного – пусть даже губернатор Московской области ничего о нём не знает, а телевидение пусть подъедет в последнюю минуту, когда местное чиновничество уже безнадежно опоздает принять превентивные меры.

ФСО осуществила проверку и установила, что президент действительно разговаривал с Михаилом Конопляником, и что Елена Николаевна Сыромятникова действительно работает учительницей в Мытищах. Конопляник оказался предпринимателем средней руки, не имеющим чрезмерно компрометирующих его связей. Тот факт, что поездка будет готовиться без

участия местных властей и даже МВД, но с ведома нескольких посторонних лиц, руководство ФСО насторожил, и оно обратилось к президенту с просьбой не идти на риск. Тот рассмеялся:

– Мишка Конопляник не станет меня устранивать. Во-первых, потому что он не дурак, во-вторых, я у него заиграл в своё время книжку «В августе 44-го», а теперь пообещал вернуть.

– Его могут использовать вслепую, – объяснил Дмитриев. – Если кто-то не светится интенсивно в связях с этим Конопляником, но находится в курсе его звонка вам, то вся ситуация совершенно выходит из-под контроля.

– Ерунда, – беззаботно махнул рукой Саранцев. – Паранойя мне не свойственна.

– Вы уверены? – настаивал директор ФСО. – Лучше я прослышу параноиком, чем допущу нештатную ситуацию в моём ведомстве.

Президент заверил Дмитриева в благонадёжности Мишки и потребовал обеспечить внезапность поездки для местных властей, а за следующие несколько недель успел забыть о договорённости. Теперь Антонов ему напомнил, да заодно ещё и предупредил о скором приходе в данной связи Юлии Кореанно, пресс-секретаря и отличного специалиста в деле изображения хорошей мины при плохой игре.

– Предлагаешь вовлечь её в наши прожекты? – скептически поджал губы Игорь Петрович.

– Рано. По крайней мере, сегодня пусть спокойно занимается Мытищами. Думаю, есть смысл вызвать Дмитриева после твоего возвращения из рейда в далёкое прошлое.

– Я сам не знаю, когда вернусь. Думаешь, следует только встретиться с Еленой Николаевной, поздравить на скорую руку и быстренько вернуться назад? Она обидится, а остальные станут рассказывать, какой удивительный паразит у них президент. Нужно посидеть, повспоминать, посмеяться. Народ потихоньку перебирается в Москву из-за Урала.

– Хорошо, но с Дмитриевым нужно переговорить сегодня. Нельзя слишком суетиться, но и зарываться не стоит. Наверное, с Покровским он уже пообщался, теперь твой ход.

– Может, вытащить его в Мытищи? Главное – показать ему мою спокойную физиономию.

– Главное, но не единственное. Он должен воспринять тебя в качестве более опасного человека, чем Покровский. Одной физиогномикой здесь не обойдёшься. Нужно сработать на опережение, создав для них обоих угрозу, достаточно страшную для запечатывания навеки их, так сказать, уст. В их военно-стратегических умах проблемы, вызванные тобой, должны перевесить умозрительные выгоды от твоих неприятностей.

Президент задумчиво пожевал губами и вдруг в радостном изумлении вскинул брови:

– Ёксель моксель! У нас же есть готовое дело против обоих! Сижу, ушами хлопаю. Даже стыдно стало. Помнишь, когда-то мелькала в СМИ новость о пациенте, умершем в «скорой», пока она полчаса стояла, пропуская кортеж Покровского? Не дело, а конфетка! Классический прямой удар в челюсть – никакой Мохаммед Али на ногах не устоит. Осталось просто поинтересоваться в МВД ходом расследования, и исход процесса может увести к самым далеким и холодным берегам.

– Возможно, – с сомнением проговорил Антонов. – Юридически Покровский совершенно не при делах, да и Дмитриева вовлечь не за что: методика прохода кортежей у нас официально определяется внутренними инструкциями ФСО, а не правилами дорожного движения.

– Я думаю, здесь нужно до отказа отыграть политическую карту, – оживлённо развивал идею Саранцев. – По той же самой логике, которую ты недавно упоминал: в «скорой» находился простой человек, и он погиб. Значит, общественное мнение будет на его стороне. Надеюсь, он не был пьян, и, уж совершенно точно, никаких правил не нарушал.

– Много воды утекло, – продолжал сомневаться Антонов. – Нужно найти способ воскресить дело годичной давности. Его уже закрыли, если я не ошибаюсь. Честно говоря, мой аппарат подобные детали современности отслеживает достаточно тщательно, ты не думай – хлеб

зря не едим. Можно поднять архивы и вникнуть в подробности. Если с правовых позиций зацепиться за него не получится, можно попробовать на его основе раскрутить политический процесс. Но здесь загвоздка: у «Единой России» в Думе конституционное большинство. Придётся поработать с депутатами, а наши контрагенты тем временем тоже сложа руки сидеть не станут.

– Во-первых, действительно не станут, во-вторых – нужно проскочить между двух огней. Лезть в Думу – означает выложить козыри на стол. А мы тут не в «дурака» режемся – нужно как бы невзначай показать им козыри, но в ход не пускать. Как ты сказал – гарантия взаимного уничтожения. Они должны узнать о нашем наиболее вероятном ответе на их выпад заранее, но мы не должны начинать первыми. В противном случае, они будут просто вынуждены дать ответный залп.

Собеседники принялись оживленно обсуждать наиболее удобный способ нечаянно показать Покровскому краешек пиковой дамы, перебирая фигуры возможных посредников. Круг таких выглядел крайне узким: исключительно лица, уже осведомлённые о событиях минувшей ночи.

– Муравьёв, – уверенно отрезал Антонов. – К черту Дмитриева, сегодня следует переговорить с Муравьёвым, начав с пустяков и закончив ими же, а в середине вскользь поинтересоваться результатами расследования инцидента со «скорой» и кортежем Покровского. Только как-нибудь поизящней. Никаких команд непременно в течение месяца довести дело до суда. И даже намеков на желательность возобновления расследования. Просто продемонстрировать: мы всё помним. Наверное, я даже не стану будоражить своих насчет подробностей. Можно безосновательно возбудить толки и обсуждения.

– Поставить МВД под перекрёстный огонь? – Саранцев побарабанил пальцами обеих рук о полированную столешницу. – Пожалуй. Пусть Валерий Павлович на досуге поразмышляет о своей роли в современном политическом процессе. Кто матери-истории более ценен – премьер или президент?

– А сам Муравьёв всегда под прицелом. Его орлы в прессу попадают с завидным постоянством. Шум ведь поднимается после убийств, а сколько народу они просто пограбили или прибили? В любой момент можно поднять волну народного возмущения против негодного министра. Заметь, возмущения вполне обоснованного и законного.

– Нет, история с кортежем – всё же подарок судьбы, – вернулся к любимейшей теме президент. – Говоришь, ты отслеживал её с самого начала?

– Насколько я помню, да.

– Первым делом там нужно уточнить детали. Если выяснится факт наступления смерти ещё до пробки, то даже политическая ответственность потускнеет. К тому же, дело очень скоро может вывести недовольных на требование изменить ситуацию в корне. В конце концов, я уже четвёртый год президентствую и разделяю ответственность за сохранение прежних методов провода кортежей. Ведь для изменения инструкций ФСО требуется только моя политическая воля, нельзя даже сослаться на позицию думского большинства.

– Честно говоря, Дмитриев сидит в своём кресле со времён Покровского и считается его человеком, – осторожно заметил Антонов.

– И ты туда же? – резко взъярился Игорь Петрович. – Ночью дочь мне выговаривала, теперь от тебя должен то же самое выслушивать? Я здесь президент, ты не забыл? Я оставил Дмитриева на ФСО, исходя из собственных соображений и представлений о целесообразности. Он справляется со своими обязанностями, пусть даже его и назначил Покровский. Мне не свойственно мелочное начальственное самолюбие, я не заменяю людей только потому, что их назначил предшественник. И советую тебе в будущем лучше обдумывать свои сентенции.

– Я не назвал его человеком Покровского. Я сказал – он считается таковым.

– Добиваешься, чтобы я спросил: президент я или не президент? Не дождёшься. Не на того напали.

– Ладно, ладно, не спорю, – равнодушно махнул рукой Антонов. – Между прочим, я к тебе пришёл с новостью. Хотел именно с неё начать, да ты мне все карты спутал.

– Что там еще?

– Меня утром дожидался Корчёный.

– Корчёный? – насторожился Саранцев и скованно откинулся на спинку кресла. Начинается. Николай Дмитриевич Корчёный возглавлял аппарат правительства, заступая возле премьера место давно переведённого подальше с начальственных глаз Сургутова. Его визит в администрацию президента мог означать только одно – Покровский поспешил сделать первый ход. – Не слишком рано они там пришли в движение? Хоть бы присмотрелись к ситуации поближе.

– Как знать, – многозначительно заметил Антонов. – Он говорил как бы совсем о другом. Просто поставил нас в известность, что руководство «Единой России» склоняется к идее поддержки на следующих президентских выборах кандидатуры Покровского. Предложил объявить об этом на следующей неделе и даже принёс на выбор проект совместного заявления или примерный сценарий некоего обмена мнениями в телеэфире по этому поводу между тобой и Покровским.

– Делал тонкие намеки?

– Если не считать намёком время, выбранное для этого пассажа, не делал. Честно говоря, я не очень отчётливо себе представляю вашу договорённость. Он действует в рамках, или вышел за пределы приличий?

– Ты какую договорённость имеешь в виду? – сделал жёсткое лицо Саранцев.

– Да вашу с Покровским. Не станешь же ты меня уверять, будто он тебе просто объявил о твоём будущем президентстве? Ты с ним разговаривал, обеспечил себе какие-нибудь условия?

– Никуда он меня не назначал и ничего не объявлял, – осипшим от сдерживаемого бешенства голосом разъяснил президент. – Просто поинтересовался, соглашусь ли я баллотироваться от единороссов. Я несколько дней подумал и согласился.

– И он не выговаривал никаких условий для себя?

– Нет, не выговаривал. Просто предупредил о планах единороссов поддержать его в качестве премьера.

– Мы ведь не в детском саду, – коротко прояснил ситуацию Сергей. – Ты же понимаешь – у них никакой собственной позиции никогда ни по одному вопросу не имелось. Точнее, у них одна позиция на все времена: «Мы – за Покровского».

– Не делай из меня идиота. Разумеется, я всё понимал. Его предложение полностью соответствовало закону, и наше с ним взаимодействие по сей день полностью определяется правовыми рамками. Какие могут быть договорённости? Если единороссы хотят видеть его премьером, а я предложу им другую кандидатуру, они откажутся её поддержать, и я сразу окажусь в глазах народа Ельциным, насилующим парламент. Дума ведь утверждает кандидатуру премьера, предложенную президентом?

– Утверждает, кто же спорит.

– Вот он тогда сразу и внёс ясность. Что я мог противопоставить его планам? Первый год после выборов Думу даже распустить нельзя. Назначить врио? Это уж такой знак девяностых, что все сразу принялись бы ждать расстрела очередного парламента.

– А чем бы Покровский подпитывал верность «Единой России», оставшись никем? Они любят президента, а президент у нас – ты. У тебя все рычаги, у Покровского по истечении срока полномочий оставалось только реноме.

– Его реноме многого стоит. Чтобы вступить в равную борьбу, мне следовало сколотить свою собственную партию, не вступая в открытый конфликт с боссом. А у него ведь рефлексы армейские, он признаёт самодеятельность только в заданных им самим рамках. Помнится, тогда ты мне таких вопросов не задавал.

– Не задавал, – без боя согласился Антонов. – Подумал, дают – бери.

– Вот именно. И я подумал. Может, Покровский правильно сделал, выбрав меня? Я теперь думаю, он держал в уме такую возможность, ещё когда вытаскивал меня в главы администрации и в премьеры. Возможно такое?

– С Покровским – вполне. Он не обязательно верил в свою вечную победу, но определённо выбрал тебя на должность правой руки. Разглядел способности...

– Царедворца? – самоуничижительно скривился Саранцев.

– Определённо нет. Придворные – народ опасный. Чуть унюхают слабинку – и нож в спину. Здесь что-то другое. Я ведь принёс их прожекты с собой, можешь ознакомиться.

Антонов гулко хлопнул об стол принесённую им тонкую кожаную папочку и выудил из неё несколько листов компьютерной распечатки, переплетённых в голубоватую целлулоидную обложку. На титуле красовался штамп аппарата правительства и гриф «Секретно».

– Зачем им понадобилось секретить документ, подлежащий оглашению через несколько дней? – искренне удивился Саранцев.

– На сей раз утечка не планировалась, – безразлично пожал плечами Антонов. – Наверное, генерал решил использовать эффект внезапности и, следовательно, обойтись без разведки боем.

– Думаешь, он боится общественных возмущений?

– Только сам Покровский знает, чего он боится. Вот, полюбуйся, – Сергей протянул президенту документ, ткнув пальцем в нужный абзац.

Игорь Петрович нехотя вчитался. Указанный Антоновым фрагмент содержал в числе прочего тщательно выверенную формулу о планах «Единой России» видеть действующего президента Саранцева по истечении срока его полномочий в кресле премьер-министра.

– Другими словами, не трепыхайся и спокойно вернёшься в бывшее своё премьерское кресло, – пояснил Антонов очевидное с присущим только ему апломбом знатока закулисных интриг. – Ты с ним вообще никогда не обсуждал ничего подобного?

– Никогда. Стоит ли заглядывать так далеко вперед? При нашей жизни день прошёл – и ладно, – хладнокровно разяснял президент своё безразличие к собственным перспективам. – Я с Покровским вообще редко разговаривал. Ты ведь знаешь, с ним откровенничать не рекомендуется. Так я всегда старался свести общение к минимуму, пока лишнего не ляпнул.

– Мне всё ещё интересно, – не отставал Антонов, распознавший в ситуации столь редкий в кремлевских стенах момент истины. – В чём заключалось ваше соглашение? Сейчас главное – установить, нарушает он его или нет?

– Ты странный человек, – выдал своё почти детское удивление Игорь Петрович. – Сколько раз мне ответить на твой вопрос? Я уже всё тебе рассказал.

– Я бы на твоём месте поторговался.

– Охотно верю. Наверное, именно поэтому Покровский и выбрал меня. Ты упорно отказываешься принять простое объяснение.

– Боюсь, он удивляет меня ещё больше, чем ты. Всегда мечтал пробраться в его голову и научиться просчитывать его реакцию на предлагаемые обстоятельства.

– Мечтать не вредно.

– Нет, ты послушай. Посмотри на ситуацию глазами Покровского. Он обратился к тебе, видимо, потому что счёл тебя безопасным для своих планов. Почему? Ты ведь честолюбив, любишь демонстрировать независимость. Любишь ведь? Так почему именно ты?

– Слушай, Сергей, мы сейчас в цейтноте, и тратить время на бессмысленные попытки пробраться в голову Покровского – просто глупо. Ты спать не сможешь, не поняв его поступка четырёхлетней давности?

– Возможно, не смогу, – Антонов вскочил, с грохотом отодвинув своё кресло, нервно потоптался на месте, затем уселся прямо на президентский стол и низко наклонился к его хозяину:

– Нам сейчас нужно принимать решения с учётом возможных ответов Покровского. А его действия будут определяться отношением к тебе, неужели не понимаешь? Ты сам для себя должен разобраться в его мотивах, и только потом принимать решения. Нельзя действовать вслепую. Нельзя шлёпать напрапалу через минное поле, ты ведь прекрасно понимаешь и без меня!

– Мы не на минном поле, – с тихим упрямством ответил Саранцев, машинально перебирая бумаги на столе и делая рассеянный вид.

– И где же мы, по-твоему? С Покровским нельзя играть понарошку, он всегда серьёзен, даже если шутит. А сейчас он и не думает шутить. Мы с тобой можем ещё долго перебирать, кого за что можно ухватить и прочно удерживать, но Покровский умеет делать то же самое лучше нас с тобой, и знает он обо всей этой братии побольше нашего. И он не будет соблюдать правил рыцарского поединка, можешь мне поверить.

– Хочешь сказать, он опасен?

– А ты хочешь сказать, будто не понимаешь этого без меня?

– Хочу. Меня бесят любые попытки представить генерала всемогущим божеством, способным кого угодно стереть в порошок или вознести к небесам. Он просто человек, к тому же стоящий сейчас на ступеньку ниже меня.

Антонов распрямил спину и чуть откинул голову, словно хотел разглядеть собеседника с большего расстояния, помолчал немного и затем осторожно спросил:

– Ты серьёзно?

– Серьёзно, – буркнул Саранцев, не поднимая глаз. – Ты со мной не согласен?

– Представь себе.

– По-твоему, премьер выше президента?

– По-моему, Покровский выше тебя.

Игорь Петрович смотрел на Антонова долго, пристально и молча, словно пытался разглядеть в лице давнего приятеля новые черты, так же не замеченные им прежде, как и отношение к себе.

– Спасибо, – сказал он наконец, не меняя позы и не желая показаться более выдержанным, чем был на самом деле.

– За что? – коротко поинтересовался Сергей, не проявляя признаков беспокойства или хоть немного расстроенных чувств.

– За искренность, – сухо пояснил Игорь Петрович. – Значит, ты всегда держал меня за дерьмо собачье? Я по глупости считал нас друзьями, а ты просто делал карьеру?

Антонов раздражённо кашлянул, соскочил с президентского стола и принялся беспричинно поправлять манжеты.

– Я никогда не держал тебя за дерьмо, – сказал он, не поворачиваясь к Саранцеву лицом. – Я просто воспринимаю ситуацию так, какова она есть в действительности. Или тебе нужен подпевала-подхалим на побегушках? Тогда просто выйди в коридор и свистни разок – целая толпа сбежится. Сможешь даже кастинг провести.

– Ты всегда так думал?

– Всегда.

– И во время выборов?

– Разумеется. И во время, и до них. С того самого дня, как Покровский назначил тебя преемником.

– Он меня поддержал, но выборы выиграл я сам.

– Если бы не его поддержка, ты бы их не выиграл.

– И кто бы их в таком случае выиграл? Зарубин, этот мировой рекордсмен по количеству проигранных президентских выборов?

– Их выиграл бы тот, кого Покровский назначил бы своим преемником. Честное слово, ты меня удивляешь своей детской наивностью.

– И ты ушёл бы от меня к этому преемнику?

– Мы с тобой не супруги. У того был бы на примете свой человек, и во мне он бы не нуждался. Дурной у нас разговор получается. – Антонов уже повернулся лицом к Саранцеву, но продолжал теревить левый манжет, словно хотел его оторвать или иным способом скрыть запятнавшую его воображаемую кровь. – Слушай, Игорь, я не собираюсь изображать из себя верного Руслана. Люди презирают собак за их слепую преданность, даже само слово сделали ругательством. Я говорю искренне. Тебе нужна правда или приятные слова?

Сергей замолчал, желая оценить реакцию Саранцева на сказанное им, и не увидел ничего. Игорь Петрович сидел неподвижно, глядя в стену напротив своего стола, и никак не проявлял отношения к услышанному. Наверное, он думал, хотя сам до конца не понимал, о чём именно. Он никогда не считал себя игрушкой в чужих руках, но и верховным вседержителем себя тоже не предполагал. Президент желал постигнуть основные истины бытия: кому верить и на кого полагаться, но внезапно осознал полную беспомощность на ниве психологических упражнений. Прежде он действительно полагал, будто знает Антонова, а теперь задумался: знает ли он вообще кого-нибудь из людей вокруг него?

– Ты информируешь Покровского? – тихо и ровно произнес Саранцев.

– О чём? – не понял его собеседник, ошарашенно вскинув брови. Потом догадался, но не ответил, упрямо ожидая разъяснений.

– О наших делах. О разговорах, планах.

– Я не информирую, – чуть севшим голосом выдавил Антонов. – Ко мне никто и никогда не подходил с подобными просьбами. А если ты думаешь, будто я сам на такое способен, мы не сможем работать дальше.

– Не сможем. Но я пока не знаю, что думать. Мы с тобой работаем полтора десятка лет, и сегодня я внезапно узнал о тебе нечто новое. И теперь не знаю, что думать.

– Новое? Раньше ты считал меня идиотом или обыкновенным холуём?

– Раньше я не знал, что ты меня считаешь идиотом или холуём.

– Я не считаю тебя ни тем, ни другим, – тоном взрослого человека, утешающего ребёнка, сказал Антонов. – Просто мы никогда не разговаривали на философские темы.

– При чем здесь философия? Мы говорим о бесконечно конкретных вещах: об отношениях между людьми и их взглядах на самих себя.

– Мы говорим об очень смутных материях, – упорствовал Антонов. – О природе власти, во-первых. И во-вторых – об отношениях между людьми, которые никогда в истории человечества не отличались конкретностью. Ты отказываешься признавать очевидное для всех других, но от твоего нежелания признать аксиому она не превратится в нерешённую теорему.

– Чушь собачья. Люди либо честны друг с другом, либо нет. Никакой философии и туманной многозначности. Если ты не считаешь меня настоящим президентом, ты не можешь работать на своём нынешнем месте.

– Пожалуйста, за кресло не держись. Попробуй найти человека, заинтересованного не в собственной карьере, а в твоём благе.

– Ты печёшься о моем благе?

– Я не вижу в тебе небожителя. И не позволю тебе делать глупости из-за милого самообмана. Ты искренне полагаешь, будто мог победить на выборах без помощи Покровского и единокороссов? Давай расставим последние точки над *i*, и потом я сразу уйду.

– Никто никогда ни на одних, самых плохеньких выборах не побеждал в одиночку, всегда нужна команда.

– Нужна. Но команда команде – рознь. Поддержи Покровский другого – и никакая команда не вытащила бы тебя на вершину. Одно дело – помощь в драке от утлого интеллигента в очках и совсем другое – от двухметрового боксера с компанией хороших друзей.

– Мы говорим не о драке. Если ты не забыл, мы занимаемся совершенно легальной деятельностью, на нашей стороне – закон, а не сила.

– Ты сегодня не перестаёшь меня удивлять, – воскликнул Антонов, с грохотом отодвинул неудобное кресло и уселся в него, нервно закинув ногу на ногу. – Несколько минут назад мы перечисляли министров, из которых любого в любой момент можно за что-нибудь посадить, если действовать по закону.

– Это и есть закон.

– Это то самое дышло! По закону они, как минимум, не должны занимать своих постов. Но они спокойно сидят на своих местах и продолжают свою бурную деятельность. То есть, теперь уже беспокоило – нужно правильно угадать будущего победителя. Тебе, кстати, тоже стоит задуматься. Либо ты беспрекословно подписываешься под этой бумажкой, – Антонов бросил указующий взгляд на принесённый им проект совместного заявления, – либо с тобой начнут случаться всяческие неприятности. И первым делом – в связи с твоей дочкой, которую не стоило сажать за руль. Была бы она с водителем – либо ничего бы не случилось, либо не она была бы виновата! Теперь придётся расхлёбывать.

– Не такое уж страшное преступление она совершила. Самый беспристрастный суд вправе ограничиться условным наказанием.

– Ты согласен иметь судимую дочь? К тому же, суд имеет право применить санкцию посерьёзней. И применит, если под его окнами будет бушевать толпа граждан, разгневанных безнаказанностью золотой молодежи. И если судья получит надлежащее указание.

– И кто же у нас раздаёт указания судьям?

– В создавшейся ситуации тебя должен волновать более конкретный вопрос: кто и с какой целью даст указания судье, занимающемуся делом твоей дочери.

– Никто не имеет права оказывать давление на судью.

– Замечательно! Бесподобно! Что с тобой сегодня? Окончательно впал в детство? Судье, разумеется, будет известна личность подсудимой. И это знание уже само по себе станет давлением на него, не находишь? Ты об этом говоришь, или о том, что Покровский не изыщет возможностей через третьих и десятых лиц намекнуть бедолаге в мантии, что в определённом исходе процесса заинтересован не только ты, но и целая когорта фигурантов с противоположными интересами?

– Найдёт. Но тем самым нарушит закон и подставится под наш контрудар.

– Подставится? Ты сумеешь доказать факт давления на суд? Кто же этим займётся наяву, а не в твоих фантазмагорических мечтах? Частный детектив? Ты не хуже меня понимаешь, кто на такое способен, если возымеет потребность. МВД, ФСБ, прокуратура, СКР – кто их разберёт. Можешь поручиться в их преданности тебе, а не Покровскому?

– Я не собираюсь требовать от них незаконных действий. Вопрос не в преданности, а в существовании проблемы. Расследование факта давления на суд – действие законное. Как только следователя станут принуждать к фальсификации, я смогу на него положиться, если обеспечу защиту. В конце концов, я гарант Конституции.

– Ладно, договорились. Ты победишь. И что же узнает страна? Судья вынес мягкий или оправдательный приговор дочери президента, убившей обыкновенного гражданина, коих у нас десятки миллионов, а люди, пытавшиеся обеспечить справедливость, сами попали под каток правосудия.

Саранцев молчал несколько минут, внимательно разглядывая свои ногти и не замечая Антонова. Тот, напротив, следил за движением каждого лицевого мускула президента, но тоже молчал, ожидая реакции на свою последнюю сентенцию.

– Так, – сказал Игорь Петрович, оторвавшись от бессмысленного занятия и подняв взгляд на собеседника. – Каков же результат нашего анализа ситуации? Каков лучший выход?

– Думаю, ты понял моё мнение.

– Думаю, понял. Сдаться.

– Не нужно растревать себя ненужными определениями. Сегодня делаем небольшую разведку боем, напомним Муравьёву о происшествии со «скорой», Дмитриева не беспокоим, пусть пока думает, чего от нас ждать. Основная цель, альфа и омега всех наших планов на будущее – сохранение тайны. Любая огласка выводит тебя из игры на веки вечные.

– Огласка чего? Пока вообще нет оснований говорить о виновности Светки хоть в чём-нибудь, кроме оставления места происшествия.

– Проблема не в оставлении места, а в другом. Она уехала, не зная, жив пострадавший или нет, не нужна ли ему медицинская помощь. Это вопрос морали, а не юридического крючкотворства, и здесь нам крыть нечем.

– И всё-таки, если она не виновна в его смерти, а сейчас есть все основания полагать именно так, и в её отношении будет запущена юридическая процедура, нет ли здесь возможности набрать очки? Если по всем каналам в вечерних новостях будут освещать очередную явку дочери президента на допрос, разве не возникнет повод к разговорам о непредвзятости расследования и приверженности главы государства соблюдению закона?

– Только в том случае, если венцом всех процедур станет обвинительный приговор с реальным лишением свободы.

– Непременно?

– Обязательно. В любом другом случае будет взрыв, и тем больший, чем больше внимания будет уделено предварительному процессу.

– Почему? Сколько у нас было громких арестов, не приведших к обвинительным приговорам?

– Вот именно. Аресты уже давно набили публике оскомину, есть общественный запрос на приговоры. И дочь президента – удачный повод к развёртыванию широкой кампании, для которой у Покровского достаточно сил и средств.

Саранцев в очередной раз задумался. Последние несколько часов он слишком часто думал о себе, а не о своих должностных обязанностях. Он и на рабочем месте продолжает решать свои личные проблемы, а не пора ли заняться делом? Вчера вечером фельдъегерская служба доставила из Совета Федерации два законопроекта на подпись, а он до сих пор к ним не прикоснулся. Мелькнула предательская мысль: раз они прошли все чтения в Думе и поддержаны сенаторами, Покровский в них заинтересован. Опять Покровский, и опять личные проблемы президента заслоняют нужды государства! Игорь Петрович мысленно чертыхнулся, а в действительности закрыл лицо руками. Кажется, пальцы немного дрожат. Или ему мерещится? Какой-то бред наяву. Всесильный вездесущий Покровский обступал его со всех сторон разом, проявлялся в каждом жесте, выдавал себя в каждом шаге, оказывался при деле в любой момент. Решает ли президент собственные проблемы или государственные, не имеет значения – все они решаются при участии или под косвенным воздействием премьер-министра. Косвенным, но существенным, если не решающим. Может ли президент Саранцев наложить вето на представленные ему законопроекты? Юридически – да. Но делать важный политический и правовой шаг ради пустого и глупого принципа, чтобы показать свою власть, – глупо. Подетски, если не вовсе безумно.

Инициатором этих законопроектов была администрация президента, а не правительство. Теперь Игорь Петрович вспоминал, с чего они начинались.

Глава 12

Около года назад, поздним октябрьским вечером, за чёрными окнами шёл дождь, гостиная в Горках-9 гудела голосами, звенела хрусталём и утопала в звуках ансамбля струнных инструментов. В резиденции собрались гости президента, имеющие большой вес и возможность жить, не оглядываясь. Формальным предметом сбора считался маленький приём для своих по случаю дня рождения супруги президента, при полном отсутствии официальных мероприятий, но в присутствии жён. В числе участников действия состояли и Покровский с Корчёным.

Премьер пребывал в отличном настроении и часто шутил, слушатели регулярно награждали его смехом – по мнению Саранцева, не всегда искренним. Генерал умел рассказать к месту более или менее солёный анекдот, мог поддеть кого-нибудь из подчинённых. С некоторых пор в любой компании его окружали преимущественно, а иногда исключительно, подчинённые. Некоторые из них отбояривались ответными остротами, не боясь мести – Покровский никогда не отличался мелочностью, зато любил при случае выказать демократизм, если такая демонстрация не влекла за собой ущерба или уступки в его разветвлённой системе отношений с людьми разного сорта и положения. Тем вечером вокруг премьерской супружеской четы постоянно толпились люди, желавшие продемонстрировать окружающим свою близость к сильному человеку. Друзей у Покровского было мало, все знали их по именам, и вокруг небожителя они не тёрлись, ввиду отсутствия необходимости что-либо кому-нибудь доказывать.

Ирина, как всегда, переживала, хотя штат официантов и поваров освобождал её от непосредственных обязанностей хозяйки и делал королевой бала, обязанной очаровывать и демонстрировать гостеприимство. Время от времени она менялась в лице, хватала за рукав распорядителя и свистящим шёпотом требовала увеличить количество разносимых по залу подносов с выпивкой и закуской, чем явно раздражала опытного профессионала.

– Успокойся, Ира, всё в порядке, – увещевал супругу Саранцев без всякой надежды на успех. – Дай людям спокойно работать, а сама просто приятно проводи время.

– Тебе легко говорить, – отвечала та, нервно поводя плечами. – За угощение всегда отвечает хозяйка, смеяться будут не над тобой.

– Не стоит слишком заботиться о мнении других людей по таким пустяковым поводам. Отравишь себе жизнь без веской причины. Всем угодить невозможно, вкусы у людей разные – одни камамбер обожают, другие терпеть не могут. Будет он безупречен, или не будет его вообще, в любом случае останутся недовольные. Жизнь устроена несправедливо, ты разве не знала?

– Камамбер? У нас нет камамбера? – не на шутку взволновалась Ирина.

– Понятия не имею, – равнодушно пожал плечами Игорь Петрович, – я для примера его упомянул, фигурально.

– Иди ты со своим юмором куда подальше!

– Говорю тебе, не переживай. Лучше Светку найди, пока она не наговорила кому-нибудь гадостей или глупостей.

На светских раутах Саранцева в первую очередь волновало поведение несносной дочери, обладавшей редкой способностью несколькими словами привести слушателя в шоковое состояние. Ей ничего не стоило сочинить историю о страшной государственной тайне, связанной с ядерным оружием или внешней разведкой, и с абсолютно невинным видом по беспечности как бы выболтать её соответственно супруге министра обороны или директора СВР, которые затем требовали от мужей подтвердить их и не верили ответному смеху.

Другая типичная проделка вертихвостки заключалась в обращении к малознакомой почтенной матроне на кремлёвском приёме за советом по щекотливой проблеме, иногда из области секса, иногда – из сферы женского здоровья, а порой – и вовсе невообразимой. Однажды изобразила тихо помешанную перед женой секретаря Совета безопасности и на сле-

дующий день сама описала сцену с живописнейшими подробностями и артистическими интонациями.

– Нельзя высмеивать людей, – говаривал дочери Игорь Петрович, в очередной раз узнав о новой её выходке. – Ты унижаешь себя. О тебе уже ходят разнообразные слухи, и будет только хуже. Ты ведь причиняешь вред и мне, и маме.

– Ничего я не причиняю! – радостно возмущалась безответственная юная особа. – Просто скуку развеиваю. Ведь это невозможно, какая тоска – все эти ваши мероприятия. Представить страшно, как вы работаете, если вы так развлекаетесь.

– Светлана, не лезь, куда тебя не просят. К сожалению, мы не можем позволить себе развлечений, доступных большинству людей. И приёмы, даже неофициальные, проводятся для соблюдения этикета, а не с целью оторваться на всю катушку.

Беседы не помогали, дочь упорствовала в своих неординарных развлечениях, и Саранцев особенно боялся её участия раутах с участием Покровских. Боялся не гнева или обиды со стороны генерала, а предстать перед ним отцом, не способным влиять даже на собственную дочь. Игорь Петрович всегда искал в лице своего политического партнёра, его словах и жестах признаки того или иного отношения к себе. Ему досаждало желание постоянно заслуживать положительную оценку когда-то губернатора, потом президента, теперь премьера. Природу загадочного желания он не мог объяснить самому себе и тем больше им сокрушался. «Он давным-давно сделал меня своим протеже, – думалось Саранцеву в такие минуты, – вывел на политическую авансцену и продолжает активное сотрудничество по сей день. Какое ещё одобрение с его стороны мне нужно?» Но самовнушение не помогало – сомнения продолжали глотать душу неуверенного в себе президента.

Время от времени Саранцев заговаривал с гостями, периодически люди подходили к нему ради пары незначущих замечаний относительно вечера и погоды, но затем подошёл Антонов и недовольно заметил:

– Они не с пустыми руками пришли.

– Ты о ком?

– О Покровском с Корчёным, разумеется. Подходит ко мне и, между делом, с шутками-прибаутками начинает подсовывать свои бумажки.

– Кто подошёл? Какие бумажки?

– Корчёный. С законопроектами. Хотят, чтобы в Думу с ними шли мы.

– Что, прямо стал папку тебе в руки совать?

– Нет, конечно. Я фигурально выразился. Завёл речь о политической целесообразности.

– И в чём проблема? Возьми, провентилируй вопрос со своими. Что за законопроекты, кстати?

– В подробности я не вникал. Что-то о рынке ценных бумаг и внешней торговле.

– Считаешь, нам в этих областях нечего поправить?

– Есть, разумеется, мы сами готовим документы.

– Замечательно. Посмотри, чего они там наработали, сопоставьте, взвесьте. Если есть интересные моменты – включайте и подавайте.

– Включайте? Думу пройдёт только вариант Покровского, и никакой другой. Мы не включать должны, а отодвинуть свой проект и взять его. Но вслух объявить его своим. Надоели мне эти игры. У правительства есть право законодательной инициативы, почему они вечно через нас действуют? Шпионские игры какие-то.

– Сергей, давай не будем принимать решения на бегу. Без спешки посмотри у себя их наработки, если не возникнет принципиальных возражений – не вижу ничего страшного.

– Как же – ничего страшного. Мне кажется, я начал понимать его замысел.

– Чей?

– Покровского. Он указывает тебе своё настоящее место.

Саранцев резким движением поставил пустой бокал на поднос проходящего мимо официанта, стараясь не выказать внешне вспышку гнева. Год за годом он строил свои отношения с генералом, как медведь устраивает свою берлогу. В удобном месте, с минимальной затратой сил, но не слишком тщательно маскируя его, поскольку естественных врагов нет, а с человеком соперничать бессмысленно. Теперь перед ним стоит бесцеремонный человек и говорит без тени смущения о негодности всей затеи. Мол, совсем не стоило тратить силы, ведь в политике нет тайных мест для персонального убежища, они все на виду у профессиональных охотников.

– Пойдём, – коротко мотнул он головой и, не оборачиваясь, отправился из гостиной в свой кабинет. Добравшись до рабочего стола, плюхнулся в кресло и откинулся на спинку.

– Игорь, я не считаю нужным играть в поддавки, – заявил Антонов, присаживаясь на край стола и наклоняясь поближе к собеседнику. – Ты должен поставить себя иначе.

– Я должен? – тихо повторил Саранцев, опустив взгляд.

– Разумеется. Он не должен считать себя главным.

– Ты думаешь, он считает себя главным?

– А ты так не думаешь? Он готовит материалы администрации президента.

– Он в полном соответствии с Конституцией готовит законопроекты для проведения через парламент. Не вижу здесь ничего ужасного.

– Если бы он представлял их в Думу сам, я бы тоже не беспокоился. Но сегодняшнее положение дел таково: Дума получает законопроекты из администрации президента, зная их реальное происхождение.

– Ты имеешь в виду конкретно «Единую Россию»?

– Этих – уж во всяком случае. Уверю тебя, Корчёный в разговорах с Осташиным не забывает между делом вставлять замечания о документах, которые скоро придут в Думу из администрации президента.

Саранцев замолчал. Вспышка гнева угадала, никак не проявившись внешне или словесно, теперь настал момент трезвой оценки создавшейся ситуации. Начинать войну с влиятельным премьером страшно не хотелось, играть при нём вторую скрипку – тоже. Куда шагнуть дальше, какие меры принять к поддержанию своей власти – неизвестно.

– Предлагаешь отказать им в маленькой просьбе? – спросил Игорь Петрович Антонова, не надеясь на прямой ответ.

– Предлагаю договориться о распределении сфер ответственности. Мы не должны одновременно с ними готовить материалы о регулировании одного и того же сегмента экономики, например. Либо мы сразу отдаём им всё управление народным хозяйством, но совершенно не пускаем в оборону и внешнюю политику. Нужна твёрдая и окончательная договорённость.

– В Конституции ведь нет отчётливого разделения компетенции правительства и президента. Всегда остаются места пересечения интересов. Почему бы нам не заниматься их согласованием и взаимодействовать к общей выгоде?

– Для «Единой России», читай – для Думы и Совета Федерации, Покровский стоит выше тебя.

– Не вижу здесь катастрофы. Они выбрали его своим лидером, он опирается на них. Но ведь и я – не пустое место. Конфликт между президентом и парламентом не нужен никому, но не в последнюю очередь – Покровскому. Он слишком часто говорил о политической стабильности как об одном из важнейших своих достижений.

– Вот именно! В случае конфликта ты и станешь виновником дестабилизации.

– Кто станет козлом отпущения – решится в информационной войне. Неужели мы не сможем обеспечить себе достойное представительство на телеканалах? Не смей меня.

– И не думал тебя развлекать. Но ты, похоже, слишком полагаешься на президентский характер нашей республики. В действительности твои полномочия вовсе не так широки, как всем кажется.

– Настолько, что я не смогу добиться адекватного освещения своей позиции в споре с Покровским?

– Запросто. Сейчас мы переживаем особый исторический период, своего рода квази-монархический ренессанс, но в его основании лежат лишь неформальные договорённости нескольких десятков или сотен людей. Стоит Покровскому подмигнуть, и парламент заберёт обратно все свои полномочия, добровольно переданные исполнительной власти.

– По-моему, насчёт монархии ты слишком уж увлёкся, – улыбнулся Саранцев, не ожидавший от Антонова широких обобщений.

– Называй, как хочешь. Я о другом. Стоит только думскому большинству, то есть «Единой России», захотеть – и в течение нескольких недель федеральные телеканалы окажутся под парламентским контролем. Ещё один щелчок пальцев – и управление делами президента со всеми твоими резиденциями и депутатскими дачами перейдёт в ведение Думы. И самое главное – бюджет. Ходоки со всех краёв отечества ведь могут двинуться за решением своих финансовых запросов в Думу, а не в правительство или администрацию президента. Какие рычаги тогда ты сможешь использовать для проталкивания своих проектов через парламент и телевидение?

– Думаю, такие перемены Покровскому не нужны, он наверняка рассчитывает вернуться на своё прежнее место.

– Вот когда вернётся, тогда всю процедуру просто отыграют назад, и вся недолга.

Антонов легко спрыгнул с президентского стола и сделал несколько энергичных шагов прочь от него, повернувшись спиной к хозяину кабинета, распахнув полы пиджака и засунув руки глубоко в карманы брюк. Всем своим видом он демонстрировал своё неприятие существующего положения дел. Политика в его представлении состояла в искусстве возможного, и всякие несурезицы на пути достижения новых вершин этого искусства вызывали искреннее негодование.

– Хорошо, не будем углубляться в проблему. Я так и не понял, по-твоему, на сегодняшнюю просьбу Корчёного следует ответить отказом или нет?

Сергей резко развернулся на месте, оказавшись лицом к своему шефу и товарищу. Они встретились взглядами и неприлично долго исследовали внешность друг друга, словно искали не замеченный прежде изъян.

– Не-ет, – тихо и медленно, неестественно растянув гласную, ответил президенту глава администрации. – В данном случае время для реагирования уже упущено. Но тебе нужно в ближайшее время обговорить с Покровским правила. Распределение обязанностей, о котором я говорил.

– И сократить администрацию?

– Администрацию? – вяло удивился Антонов. – Не улавливаю связь.

– Странно. По-моему, связь есть, и самая непосредственная. Если мы перестаем курировать экономику, зачем в аппарате соответствующие подразделения?

– Надо же обеспечивать анализ! Мы будем готовить тебе свои выводы по предложениям правительства.

– Зачем мне ваши выводы? – продолжал задавать несурезные вопросы Саранцев с явным желанием разозлить собеседника.

– Не понял, – сделал маленький шаг к президентскому столу озадаченный Антонов. – У тебя приступ зубодробительного остроумия?

– Мне сейчас не до шуток. Если экономика уходит к Покровскому, и «Единая Россия» обеспечит ему парламентскую поддержку, зачем мне вообще читать эти законопроекты? Можно подписывать, не глядя.

– Если в администрации даже не будет экономических департаментов, ты окажешься в глазах общественного мнения слабым президентом. О тебе анекдоты станут рассказывать – мол, свалил всю работу на премьера, а сам только шляется по заграницам.

– И где же золотая середина?

– Внешне не меняется почти ничего, просто экономические законопроекты идут в Думу только из правительства, но ты время от времени демонстрируешь осведомлённость об их содержании и подвергаешь критике отдельные пункты. В целом система выглядит налаженным деловым сотрудничеством в треугольнике президент-правительство-парламент. В этой структуре у тебя будет своё собственное место и уважение прочих игроков. И никакой дестабилизации!

Саранцев снова задумался, стал особенно слышен шум дождя за окном. Потом начали бить напольные часы, бездушно отмеривая вечный ход времени.

– Хочешь сказать, сейчас у меня нет ни собственного места, ни уважения?

– Я думаю, тебе нужна своя партия.

– О партии – потом, сначала ответь на вопрос.

– Это и есть ответ. «Единая Россия» – партия Покровского, это всем известно, обсуждению и оспариванию не подлежит. В его руках – абсолютное большинство в обеих палатах парламента и правительство. Он может обойтись без тебя, а ты без него – нет.

– И партия всё изменит?

– Партия, которая просто организывает митинги, ничего не изменит. А вот партия, вошедшая в союз с единороссами и обеспечивающая блоку абсолютное большинство, – великая сила. Блокирующий пакет акций. Ты не сможешь действовать автономно от них, но и они не смогут обойтись без тебя. Будешь за вечерним чаем обсуждать свои идеи с Покровским, а тот будет вынужден выговаривать для себя компромиссы.

Саранцев смотрел на своего неожиданного друга долго и с интересом. Прежде он казался ему практичным и потому предсказуемым. Годы ежедневного личного общения дают людям ощущение близости и ответственности друг за друга. Нельзя спокойно наблюдать со стороны за гибелью соратника, тем более отправлять его на смерть, пусть даже только политическую.

– Ты сейчас серьёзно? – спросил он с лёгким оттенком угрозы в интонации, но собеседник его не заметил, оставаясь несколько взволнованным.

– Абсолютно, – холодно подтвердил Антонов, не отводя взгляда. – Ты сам думал об этом, я не сомневаюсь.

– Думал, – подтвердил Игорь Петрович, – но ничего не выдумал. Есть простые и нерешаемые проблемы. Партию нужно слепить в последний момент перед выборами, иначе Покровский успеет принять контрмеры и не допустит её усиления до опасного для него уровня. Согласен?

– Безусловно.

– Каким же образом ты предлагаешь соединить несоединимое? Партию следует зарегистрировать не позднее, чем за год до думских выборов. Значит, в течение месяца нужно сколотить центральный аппарат, региональные подразделения и внушительное членство. Зная твои способности, не сомневаюсь – это возможно.

– Возможно.

– Невозможно другое – скрыть от Покровского мою причастность к этой партии. Следовательно, у него будет год для противодействия. Думаешь, он не сумеет эффективно воспользоваться такой впечатляющей форой?

– Потерпеть поражение в борьбе – лучше, чем сдаться без боя.

– Я не собираюсь сдаваться. Нужна операция прикрытия. Мы не будем скрывать от генерала планы создания новой партии, наоборот – обратимся к нему за содействием.

Антонов смотрел на президента с недоумением и молчал, ожидая продолжения. Прежде его уже изумляли неожиданные извороты мыслей шефа, но сегодняшний почти привёл в состояние ступора.

– Политическая ситуация требует диверсификации парламентского спектра. В нём ничего отсутствует правая консервативная партия, приверженная не только идеям рыночной экономики, но также державному патриотизму и традиционным ценностям. В первых рядах должны оказаться совершенно новые лица, не причастные к прежним правительствам и Думам, не состоявшие ни в одной партии, не боящиеся говорить вслух о Боге. Их речи должны составлять литераторы, а не спичрайтеры, и произносить их они должны с актёрским мастерством. В общем, партия должна резко отличаться от всех существующих. И мы попросим Покровского рекомендовать людей для формирования её ядра.

– Покровского?

– Да, Покровского. Он должен считать эту партию своей, пока она не пройдёт в Думу.

– Он будет считать своей только ту партию, которую создаст сам. Ты думаешь, можно легко и просто обвести вокруг пальца такого искущённого человека?

– Я, по крайней мере, предлагаю более сложную схему, чем ты. По-твоему, его нельзя обмануть, но можно осилить в открытом бою? Кто из нас двоих более наивен?

– Допустим, я. Но ты не закончил – каким образом можно перехватить эту партию у Покровского?

– Перехватить у генерала ничего нельзя. Всё проще и сложнее – она никогда не будет под его контролем. В основе всей затеи лежит именно новизна свежей политической силы, народ должен увидеть в ней реальную альтернативу, а такое возможно лишь в том случае, если партия будет победоносно разоблачать самых влиятельных коррупционеров, начиная с уровня министров. И Покровский их отдаст.

– Интересно, почему? И что значит «отдаст»? Кажется, после смерти Сталина у нас ещё ни один министр в тюрьму не попадал. Генпрокурору, правда, одному не повезло. Максимальная мера наказания, практикуемая Покровским – перевод на другую работу.

– Теперь сядут, – убеждённо заметил Саранцев мертвенно спокойным голосом, не глядя на собеседника. В каждом его жесте, в любом, самом незначительном, слове сквозила безграничная вера в собственные слова. – Он хочет вернуться в Кремль и готов принести некоторые жертвы.

– Похоже, ты не шутишь...

– Нет, я серьёзно. Вторая партия власти удваивает пресловутую политическую стабильность, а не расшатывает её. Любое правительство надоедает людям через несколько лет, даже если не создаёт поводов для социальной ярости, а наше нынешнее без нескольких ляпов не обошлось. Пока Покровскому удаётся отделить себя от критического положения в жилищно-коммунальном хозяйстве, например, но, в конце концов, плотина рухнет. Двадцать первый век на дворе, всем критикам рта не зажёшь. Для полномасштабного политического кризиса не хватает только авторитетной оппозиции, вот её мы и создадим.

– И Покровский нам поможет?

– Ты считаешь его дураком, не способным распознать свою прямую выгоду?

– Нет. Но не могу представить его в роли марионетки. Ты очень свободно фантазируешь на темы, где слишком многое зависит от реальной, а не воображаемой реакции генерала. Он военный, и раздвоение власти в его сознании – катастрофа в системе управления.

– Сейчас – да. Но нет ничего постоянного в нашем мире.

– Хватит интриговать, выкладывай карты на стол. Ты хочешь изменить мировоззрение Покровского за пару недель?

– Я предложу ему план широкомасштабной, но незаметной политической реформы. Партии должны меняться у руля, не вызывая государственной катастрофы, иначе в конечном итоге страна погибнет. Ведь рано или поздно любая власть уходит, даже советская, и мы в самом деле

не можем себе позволить при каждой такой перемене переживать обрушение государства. Он и без меня понимает необходимость изменить вековую парадигму, просто не видит возможности для решительных действий прямо сейчас, хочет отложить на будущее. Неопределённое.

Антонов смотрел на президента с интересом, как молодой хищник на неизвестное ему маленькое существо. Он видел его часто в течение большого отрезка своей жизни и уверенно распознал его природу. Саранцев определённо был деловым и практичным человеком, лишённым иллюзий, но не эмоций. Теперь он готов к глупой аванюре, основанной на собственных измышлениях и умозрительных политических конструкциях.

– Подожди, – недоверчиво вставил Антонов своё слово в речь шефа. – Ты хочешь убедить Покровского согласиться с созданием новой партии и её победой на думских выборах?

– Хочу и смогу.

– С ума сошёл? Стоит тебе хотя бы намекнуть ему о своём проекте, и он в одно мгновение переместит тебя в своих предпочтениях глубоко вниз. А вот в приоритетах – наоборот, передвинет на самую вершину. Ты действительно хочешь сделать своим врагом Покровского? Зачем тебе такое удовольствие?

– Я не собираюсь с ним ссориться. Наоборот, хочу расширить и усложнить сотрудничество к общей выгоде.

– Тем хуже для тебя. Если ты решил начать с ним войну не на жизнь, а на смерть, лучшего способа не найти. Я ведь предлагал простое разделение сфер ответственности, а тебя занесло в несуразную степь.

– Я знаю Покровского. У него действительно военно-стратегическое мышление, но оно вовсе не исключает многоходовых комбинаций, наоборот, в его системе ценностей способность ставить противника в тупик неординарными приёмами – положительное качество. Он хочет побеждать, и он не откажется войти в историю из-за боязни проявить недальновидность. Властителей, до последнего цеплявшихся за кресло, в нашей истории достаточно, я предложу ему способ встать в первый ряд исторических деятелей.

– В роли отца русской демократии? Ты не находишь нашу беседу странной – ведь президент сейчас ты, а не Покровский. Если твоя глубокомысленная затея удастся, её отцовство будет признано за тобой.

– Думаю, результат станет явным уже после меня. Покровский определённо намерен вернуться, иначе зачем ему все унижения, связанные с понижением по должности. Вопрос в том, как это будет сделано.

– Хочешь одной лихой кавалерийской атакой решить тысячелетнюю проблему?

– Кто говорит об одной атаке? Мне казалось, я достаточно разяснил свою идею. Речь идёт о долговременной политике. Работа на годы и годы вперёд, но результатом станет новая политическая система, действительно стабильная, основанная на общественном доверии, а не на силовых структурах.

Антонов помолчал, будто обдумывая последние слова президента, потом сказал со скучным лицом:

– В общем, сейчас я принимаю у Корчёного бумаги, и мы приделываем им ноги. А потом? Мне произвести обмен верительными грамотами – вы нам законопроекты, мы вам – грандиозный план политических преобразований?

– Думаю, сначала я устно переговорю с Покровским. Собственно говоря, всё следует держать в глубокой тайне – Ельцин в своё время жестоко ошибся, лично заявив в телевизионном выступлении о создании новых партий к думским выборам. Они не могли после такого не провалиться. Возможно, самим основателям не обязательно знать о связях с администрацией президента – тогда они окажутся более убедительными. Партия должна зародиться где-нибудь в глубинке и с первых дней крыть неприличными словами и меня, и Покровского. И Кореанно станет выступать с гневными опровержениями их обвинений.

– Ты ведь понимаешь – в таком предприятии нельзя обеспечить себе полную гарантию успеха. В любой момент события могут принять совершенно неуправляемый характер. И что тогда?

– Тогда ни я, ни Покровский не станем следующим президентом. Но если им окажется представитель такой партии, которую я в общих чертах обрисовал, не вижу в этом ничего ужасного. Наоборот – произойдёт первая стадия решительных преобразований, необходимых для сохранения страны на века вперёд.

– Но если гарантии успеха нет, нельзя и предвидеть реальную конфигурацию твоей воображаемой партии. Вдруг и она резко отойдёт от задуманных тобой параметров?

– Тогда она не победит на думских выборах, вообще не получит ни единого места.

– Твоими бы устами да мёд пить. К разработке такого проекта придётся привлечь сотни людей, каким образом можно тогда сохранить в тайне нашу причастность?

– Людей привлечём не мы, а политические и финансовые спонсоры будущей партии.

– Всё равно, никто не поверит, будто политическую организацию можно так быстро слепить, не заручившись предварительным согласием властей.

– Таких обвинений будет предостаточно, не спорю. Но все они будут исходить от людей, давно набивших публике оскомину своими физиономиями. А с другой стороны люди увидят совершенно необычную партию, с новыми лицами, с новым словарным запасом, использующую возможности русского языка полностью, а не на обычные десять процентов. Пускай интеллигенция никогда не поверит в её стихийность – нам нужны широкие слои избирателей, а не высоколобые умники, до которых, кстати, избирателям давно нет никакого дела.

В отдельные мгновения Антонов трепетно надеялся увидеть в конце очередной тирады шефа многозначительную ухмылку и услышать признание во внезапном обретении им нечеловеческого чувства юмора, но мечты не обрели реальной плоти. Сергей растерянно перебирал в памяти разные моменты своего совместного делового бытия с Саранцевым, но другие примеры интеллектуального помрачения на ум не приходили. Напротив, прежде он всегда выдавал в себе строителя, занимаясь долговременными расчётами и взвешиванием доводов «за» и «против» прежде, чем сделать политический ход. Теперь он даже внешне чуть изменился, разволновавшись и чуть покрасневшись от творческого восторга.

– Я всё-таки не могу поверить, – осторожно заметил Антонов президенту. – Твоя затея выглядит так, будто замысел принадлежит другому человеку.

Саранцев в свою очередь рассмотрел в главе своей администрации незнакомца. Они часто спорили при обсуждении мер по закреплению за собой очередных политических рубежей, но впервые Сергей не только проявлял несогласие с замыслом как таковым, но категорически отказывался понимать саму необходимость сделать шаг вперёд.

С некоторых пор Игорь Петрович стал чаще задумываться о своём месте в государственной иерархии и роли в жизни страны – сказывалось приближение последнего года на вершине власти. Расти дальше некуда, до завершения жизненного пути далеко, и он пришёл к естественному выводу о необходимости готовиться ко второму сроку полномочий. Многие начато, почти ничего не доведено до конца. Да и можно ли завершить хоть что-нибудь, если река жизни течёт безостановочно, всё более наполняясь влагой притоков? Нет, река – неудачная метафора. Она ведь завершается впадением в океан. С чем же сравнить политическую карусель, когда некогда сделать хотя бы одно движение, не обговоренное с помощниками и не согласованное с партнёрами? С полётом кометы. Нет, кометы бесконечно мотаются по эллипсоидной орбите, пока не столкнутся с другой кометой или не вмажутся в какую-нибудь планету, истребив на ней всё живое. Неприятные аллюзии возникают. Наверное, политика – это сам космос, Вселенная, порождённая временем и сделавшая время реальным. Нет времени без Пространства, и Пространство не существует без времени.

– Насколько я понимаю, ты категорически против в принципе. Обсуждать детали не имеет смысла.

– Не имеет. Это безумие.

– Даже так? Тебе в голову никогда не приходила мысль о бренности всего сущего?

Антонов считал себя удивлённым, но последняя фраза Саранцева вывела его из психологического равновесия уже бесповоротно, даже мелькнуло смешное предположение о неизвестной секте, расставившей сети на президента и добившейся фатального успеха.

– О бренности всего сущего я не думал ни разу в жизни и тебе не советую, – произнёс он медленно, тихо, почти с угрозой. – Нельзя заниматься вольными фантазиями, сидя в твоём кресле. Один человек редко может изменить судьбу страны, и ты как раз из таких. Именно поэтому нельзя жонглировать своими полномочиями и возможностями – ты не в цирке.

– Нужно медленно и верно тащить телегу в прежнем направлении?

– Именно. Так надёжней и спокойней.

– Телега ведь медленно и верно погружается в трясины. Я же не один это понимаю, здесь провидцем быть не нужно. Старая модель поведения своё отработала, нужны перемены.

– Перемены нужны, но не с глазу на глаз с Покровским. Сейчас не семнадцатый век, и даже не восемнадцатый. Посредством дворцовых переворотов государственный курс не изменяется.

– Во-первых, я вовсе не о дворцовом перевороте говорю, а во-вторых, кто тебе сказал, что они больше не используются? Просто наступила цивилизация, и всяческие противоборствующие клики приходят к власти после выборов. Побеждает тот, кто сообщит избирателям больше грязи о своём оппоненте, и нет необходимости бить людей табакеркой по голове.

– Выборы – не переворот.

– Это цивилизованный дворцовый переворот внутри единой правящей элиты, поделённой на партии-кланы, ни одна из которых не угрожает интересам сообщества в целом. Все кандидатуры на любые выборные должности выращиваются годами в традиционных политических структурах, а за кого из них проголосуют избиратели – их личная проблема. Единственный результат – циркулярные передвижения внутри элиты. Система в общем более эффективна, чем любая из придуманных на сей день альтернатив, поэтому ломать её пока никто не собирается. Но нам как раз и не хватает круговых перемещений – кресла захватываются посредством тайных интриг и теряются аналогичным способом. Отсутствие необходимости доказывать избирателю своё превосходство перед соперником ведёт к разложению элиты, механизм самоочищения не действует, так и до очередной государственной катастрофы недалеко.

– Занятные у тебя представления о политическом процессе, – усмехнулся Антонов, не возмущившийся ни одним из высказываний шефа, поскольку придерживался близких взглядов. Друг с другом они подобного рода философские проблемы раньше не обсуждали, и теперь глава администрации с некоторым облегчением почувствовал в президенте живого человека, а не робота, запрограммированного неизвестным злоумышленником на саморазрушение.

– Только не говори, будто я оскорбил твои представления о демократии.

– Скорее, наоборот. В какой-то момент я даже немного испугался, но теперь вполне убедился в твоей адекватности. Но остаюсь при своём мнении – твой проект слишком опасен. Я даже не о нас с тобой – проживём в каком-нибудь тихом местечке и без политики, но страну всё-таки жалко. Эксперименты давно пора закончить.

– Поиск нужно заканчивать, если найден ответ. А мы всё стоим на распутье и выбираем правильный вариант из нескольких ошибочных.

– Ты слишком драматично оцениваешь положение. Механизм вполне работоспособен, зачем его чинить?

– Возможно, на наш век его хватит, но что дальше?

– Понимаю, хочешь войти в историю.

– Такое желание с моей стороны стало бы грандиозной глупостью. Я же говорил – хочу показать Покровскому способ остаться в истории.

– Да, и в конечном итоге он в неё войдёт, а мы с тобой – влипнем. Историю пишут победители – если план удастся, и тебе найдётся местечко в учебниках рядом с генералом.

– Сергей, я не стану тебя уверять, будто не тщеславен. Всегда приятно представить себя в свете софитов. Но моё предложение в первую очередь прагматично, а приятных последствий мы при жизни вряд ли дождёмся, даже при благоприятном исходе. Собственно, я ведь не о закулисной возне говорю. Долгоиграющий политический проект, способный повлиять на состояние страны и общества, по определению не может полностью контролироваться от начала до конца. Весь этот круговорот правящей элиты, о котором я тебе рассказывал, вертится ведь сам по себе, в силу законов человеческой и общественной природы, а не в результате чьих-то конкретных усилий. Так же, как рынок – люди во все времена хотели зарабатывать много денег, и любые попытки государства им помешать дают уродливые результаты. Точно так же людям не нравится безразличие, хамство и высокомерие властей. Стабильность страны может обеспечить на века только система организации общества, в которой большинство населения зарабатывает себе на достойную жизнь и не боится властей.

– Тебе можно хоть сейчас – на трибуну либеральной оппозиции.

– Да причём здесь оппозиция! Ты, например, со мной не согласен?

– Зачем же! Вполне согласен, возразить нечего. Не знаю уж, кто и возразит-то! Коммунисты тоже согласятся.

– Вот именно. Дело не в трибуне оппозиции, а в методах и в людях. Невозможно выступить по телевизору и объявить с завтрашнего дня беспредельное торжество законности и всеобщее экономическое процветание. Одного желания мало. Нужно построить самовоспроизводящуюся систему, которая через апеллирование к естественным запросам людей обеспечит законность и процветание, и без ротации партий у власти такая система невозможна.

– Я тебе больше скажу – ротация партий тоже невозможна, поскольку партия, однажды проигравшая выборы, больше никогда их не выиграет. Во-первых, все её члены разбегутся по более приятным местам, во-вторых, человек в кабинке для голосования, увидев её в бюллетене, всякий раз будет думать: «Ну, эти уже порулили, и ничего у них не вышло; надо кого-нибудь другого подобрать». И конец истории.

– У нас есть партии, проигравшие выборы не один раз, – возразил Саранцев.

– У нас есть партии, ни разу не побеждавшие на выборах. Точнее, считающие победой получение мест в Думе и даже не мечтающие о большинстве, хотя бы относительном. Они прекрасно понимают: единороссов им не обойти. Во всяком случае, пока Покровский – на вершине или где-то рядом с ней.

– Мы можем сколь угодно долго соревноваться в цинизме, но ты ведь не станешь спорить – статус-кво нужно менять.

– Нельзя же менять негодное на что угодно. Как выйдет. Может ведь оказаться хуже прежнего – готов принять на себя такую ответственность? В своё время и Николай, и Горбачёв уже пытались улучшить прогнившую систему – потом, наверное, сами результатам удивлялись.

– Предлагаешь наблюдать за распадом и бездействовать?

– Предлагаю тихо и мирно бороться с коррупцией, без всяких твоих закидонов.

– С ней можно ещё хоть сто лет бороться, и ничего не изменится, пока сохраняется система.

– Думаю, на сто лет даже тебя не хватит, а пока поборемся. Целее будем. И страна, кстати, тоже. Главное – не уронить власть на дорогу, как в семнадцатом и девяносто первом.

– Завтра нефтегазовые цены рухнут, и власть-таки упадёт именно на дорогу.

– Завтра они не рухнут, не надо меня пугать.

– Я фигурально выражаюсь. Пускай не завтра, а через год-другой. Или через шесть месяцев. Сколько можно в катастрофической степени зависеть от состояния экономики других стран? Цены на нефть ведь уже демонстрировали способность к снижению в несколько раз за считанные недели. Ещё раз повторится, и выбор будет – вдвое сократить расходы бюджета или по примеру коммунистов конца восьмидесятых разрушить финансовую систему необеспеченной эмиссией. Первое – смертельно по социальным причинам, второе – по экономическим. Собственно, второй вариант через некоторое время также неизбежно приведёт к социальному взрыву.

– Печальный выбор. И твои эксперименты могут его кардинально ухудшить.

– Истинно правая консервативная партия по определению не может ухудшить состояние экономики, поскольку раздача бесплатных пряников всем желающим – для неё есть отступление от основополагающих положений программы.

– Вся страна требует бесплатных пряников, каким же образом твоя истинно правая партия попадёт в Думу? Я уже не говорю о победе.

– Ты преувеличиваешь, не вся. Миллионы молодых здоровых мужиков и женщин хотят работать и зарабатывать, а у них над душой стоят семеро с ложками, дубинками, бейсбольными битами и пистолетами.

– И с какого же удивления эти несчастные поверят твоим истинно правым?

– В общих чертах я уже обрисовал.

Послышался стук в дверь кабинета. Саранцев сразу его узнал – только жена умела стучаться красноречиво. Громкостью и частотой ударов она создавала образ требовательной, но корректной хозяйки дома.

– Сейчас иду, Ира! – крикнул президент с места, словно освободился от тяжёлого и неприятного груза.

Супруга приоткрыла дверь и встала в проёме, одной рукой опершись на косяк, а другой придерживая тяжёлую бронзовую ручку:

– Игорь, куда ты запропастился? Там скоро паника начнётся.

– Я понял, Ира, сейчас мы придём. Извини, вопрос тут один срочно нарисовался.

– Я жду, – бросила спутница жизни и закрыла дверь.

– Ладно, – в свою очередь заторопился Антонов, – я своё мнение высказал.

Затем он замаялся в нерешительности, обернулся сначала к выходу из кабинета, потом вновь посмотрел на Игоря Петровича.

– Знаешь... Я ничем не смогу тебе помочь.

– Уйдёшь в отставку? – холодно поинтересовался президент.

– Уйду. Я не могу работать, если не согласен с поставленной задачей.

– Хорошо. Я тебя понял.

Последние слова Саранцев произнёс сухо, схватившись за папку с бумагами на столе и делая вид, будто вспомнил какое-то неотложное дело. Он сразу захотел поскорее завершить сегодняшний приём и остаться в одиночестве. Конфликт с Сергеем виделся крупнейшим за всё время их знакомства, и разочарование неприятной тяжестью легло на душу. Друг его не предал, только честно предупредил о полнейшем неприятии задумки, выношенной и тщательно обдуманной Игорем Петровичем в течение нескольких месяцев. Он имел полное право так поступить, но Саранцев ждал от многолетнего единомышленника иного.

– Пойду маячить перед публикой, – бросил Антонов с искусственной беззаботностью и вышел.

Президент молча проводил его взглядом затравленного медведя и не спешил к гостям. Хотелось обдумать неприятное положение. Платить за претворение своего плана в жизнь потерей Сергея страшно не хотелось. К тому же, осуществление проекта предполагало активное участие Антонова – ему Саранцев мог доверить многое. Любой другой кандидат на место главы

администрации заведомо был ему менее знаком, а работать с незнакомцем, да ещё в такой сложной и опасной операции – самоубийственно. Антонов никогда не заискивал перед шефом, поскольку вёл с ним дела слишком давно и воспринимал президента как бывшего главного инженера строительной фирмы в Новосибирске. Возможно, пост тоже не маленький и способный привести кого-то в трепет, но по сравнению с главой исполнительной власти в государстве – сущий пустяк.

Жёны тоже неплохо ладили, обменивались рецептами и тайнами. Одно из давних новосибирских знакомств в московской жизни ценилось дорого – другие старые друзья остались в прошлом. Ирина часто проявляла строгость к людям из опасения показаться мягкотелой. Боялась превратиться в передатчика чужих просьб мужу и оказаться в его глазах такой же посторонней, как и сами ходатаи. Катя Антонова почти никогда не просила подругу об услугах, разве что о личных, не связанных с делами их мужей. Они нередко спорили, иногда ссорились, но супругам друг на друга не жаловались, поскольку обе не верили в способность мужчин найти выход из лабиринта женских взаимоотношений.

Игорь Петрович попытался объяснить себе поведение товарища страхом, но быстро отклонил гипотезу. Он просто не видит смысла. Не верит в возможность успеха, хотя бы гипотетическую. В его представлении любые кардинальные перемены ведут лишь к ухудшению ситуации и к ускорению краха, а не к преодолению опасности. У него нет других предложений, поскольку он считает задачу в принципе неисполнимой. Выходит, он правильно заговорил об отставке.

Саранцев сидел за своим столом и думал, пока разгневанная жена не пришла вновь и не потребовала от него категорическим тоном выйти к гостям. Он двинулся за ней послушно, как ребенок, но прежней задумчивости не утратил – хотел обрести душевное спокойствие.

Глава 13

Теперь те самые законопроекты лежат у него на столе, а давний разговор бесследно растворился во времени. Игорь Петрович пальцем не пошевелил для претворения в жизнь своих грандиозных замыслов, зато появилась Народная лига. Её связь с Покровским не только не скрывалась, а напротив, выставлялась напоказ. Лидеры межпартийного политического объединения заявляли в интервью о безоговорочной поддержке премьер-министра во всех его начинаниях, тот в ответ благодарил их за содействие. А Саранцев наблюдал за действием со стороны и не мог понять смысла происходящего. Лига не соответствовала его задумкам относительно второй партии власти, поскольку не могла предложить обществу ни новых лиц, ни новых идей, не выдвигала оппозиционных лозунгов и в сознании человека с улицы определённо сливалась с «Единой Россией» в единое целое. Она могла только заменить единороссов в роли новой партии власти, но никак не чередоваться с ней у руля. Что затевает Покровский? Вернуться к власти на новом коне, отправив старого на политическую бойню? Избавиться от груза обвинений в коррупции и неэффективности, освободившись от обязательств перед прежними соратниками? До сих пор генералу в значительной степени удавалось поддерживать реноме и отделять себя от скомпрометированных должностных лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.